

САРАТОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

САРАТОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Научные труды и публикации

Выпуск 4

Под редакцией проф. *В. Н. Данилова*

Посвящается 100-летию Саратовского государственного университета

Саратов, «Наука»,
2009

УДК 908(470ю44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43
С20

Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под ред. проф. В. Н. Данилова. – Саратов: «Наука», 2008. – Вып. 4. – 240 с.

В сборнике содержатся исследовательские статьи и сообщения по широкому спектру вопросов истории местного края. В нем также помещены документальные находки, исторический очерк

Для научных работников, студентов, учителей школ, гимназий и лицеев, всех, интересующихся историей родного края.

Рецензент:

Доктор исторических наук, профессор А. А. Герман

Редакционная коллегия:

*М. В. Бульчев, А. В. Воронежцев, А. А. Гуменюк,
В. Н. Данилов (отв. редактор), Н. М. Малов*

УДК 908(470ю44)(082)
ББК26.89(235.54)я43

ISBN 978-5-91272-768-9

© Саратовский государственный университет, 2008
© Саратовское областное отделение Российского общества историков-архивистов, 2008.

Н. В. Канавина

**ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
В ДЕРЕВНЕ В 20-е гг. XX в.**

Октябрьская революция ознаменовала собой начало новой эпохи в мировой истории. Среди средств, применявшихся советским правительством в целях образования и политического воспитания населения, первостепенная роль принадлежала печатному слову. Его использование преследовало двоякую цель: «с одной стороны революционеры-просветители возлагали на него большие надежды в связи распространением среди всего народа начального образования...»¹, с другой – плачевным образом обстояли дела с политической грамотностью населения. Поэтому печатное слово должно было решить и эту проблему².

Наряду с пунктами ликбеза, наиболее распространенными видами культурно-просветительных учреждений в деревне являлись библиотеки и избы-читальни. Именно они несли основную обучающую и идеологическую нагрузку в работе с населением.

Одним из методов работы и библиотеки и избы-читальни было проведение громких чтений. Рассчитаны они были на неграмотных и малограмотных посетителей. Поскольку те не умели читать, то воспринимать информацию они могли только на слух. Данный метод был просто необходим для привлечения более широких масс населения к процессу обучения грамоте, а заодно и к идеологической обработке. Громкие чтения проводились библиотеками и избами-читальнями в соответствии с инструкциями политпросветов. При этом к инструкциям прилагался список рекомендуемой «к громкому чтению литературы»³.

Кроме громкого чтения, избы-читальней проводилась и такая работа, как чтение газет и оформление стенных газет, кружковая

¹ *Плаггенборг Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 125.

² См.: Там же. С. 125.

³ См.: ГАНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 1270, л. 5.

работа, справочная работа, проведение различного рода кампаний⁴, связанных прежде всего с ликвидацией неграмотности. Во всех уездных и волостных избах-читальнях Саратовской губернии работа с газетой проводилась «через чтение вслух и беседы по прочитанному»⁵.

Что же касается кружковой работы, то наибольший интерес у крестьян вызывали сельскохозяйственные кружки, а так же кружки по общественным вопросам и драматические кружки⁶. Работа сельскохозяйственных кружков, в основном, была связана с приобретением «агрономических знаний»⁷.

Какая же литература вызывала наибольший интерес, и насколько соответствовал этому интересу подбор литературы в библиотеках и избах-читальнях? По данным обследований за 1923 г. 52,5% грамотных рабочих предпочитала читать газеты и художественную литературу (на первом месте проза, затем стихи и пьесы), 30% – популярную общественно-политическую литературу, 8,4% – популярную естественно-научную литературу, 4,2% – прикладную и 4,9% – производственную. К 1927 г. интересы рабочих несколько изменились: до 70% предпочитало обращаться к общественно-политической литературе⁸.

Читательские интересы крестьянства были иными. Это видно из анализа структуры литературы, которую специально выпускали для крестьян и соответственно для распространения в деревне. К 1924 г. из всей изданной литературы 37,5% приходилось на книги по сельскому хозяйству, 30% шло по разряду социально-политической литературы, 17% – художественной, 15,2% – научно-популярной⁹.

При Главполитпросвете с марта 1924 г. действовала так называемая комиссия по изучению деревенской книги. Работа ее велась в трех направлениях: изучение читателей и их интересов, участие в идеологическом руководстве деятельностью издательств, разработка вопросов продвижения книг. Относительно первого направления вывод комиссии был таков: основной контингент – молодежь, наибольшим спросом у которой пользуется беллетристика. Мужчины предпочитали читать книги о революции, гражданской войне, биографии революционеров, а также книги по технике и естествознанию, о путешествиях. Популярными авторами были: М. Горький, Д. Серафимович, Д. Фурманов, Д. Лондон, Л. Синклер. Проявлялся

⁴ ГАНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 1270, л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 50б.

⁸ См.: Шомракова И. А. Рабочий читатель 20-х годов // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга: Сб. науч. трудов. М., 1978. С. 149.

⁹ Шомракова И. А. Крестьянский читатель 20-х годов // История русского читателя: Сб. науч. трудов. Л., 1976. С. 116.

интерес также к антирелигиозным книгам, например, «Библия» Е. Ярославского. Общественно-политическая литература читалась слабо, в основном комсомольцами и активистами. Среди взрослого населения спрос наблюдался на беллетристику, литературу сельскохозяйственную и по вопросам внутренней политики (цены, индустриализация, взаимоотношения крестьянства с рабочим классом, но книг такого рода было более чем недостаточно)¹⁰.

Если одной из причин скудности книжных фондов был политизированный узкоклассовый подход к их формированию, то другая, более прозаическая: нехватка средств. Книг присылалось недостаточно, они ветшали, приходили в негодность, а заменить их было нечем. Разница между приобретенными книгами и изъятыми из обращения была небольшой. Например, в апреле-июле 1925 г. библиотеками города Саратова было приобретено 4357 книг, а изъято из обращения 2553¹¹. Основную часть изъятых из обращения книг составляли книжные фонды, которые «по мнению большевиков, никуда не годились»¹².

Средства на выписку литературы, в том числе и газет, для избчитален на будущий год, как правило, утверждались в декабре, газеты же выписывались с января, поэтому избы-читальни, открытые позже января, фактически пустовали.

По данным Наркомпроса в 1925 г. число самостоятельных избчитален превысило число содержащихся на бюджетные средства. В 26 губерниях РСФСР бюджетных избчитален было около 3269, а самостоятельных – 3600¹³. Бедность избчитален и библиотек литературой, низкая квалификация работников, случайный характер проводимой работы (чтений, бесед), чрезмерное увлечение политической стороной отнюдь не способствовали привлечению читателей. Особенно сложным было положение в деревне. Чаще всего избы-читальни не имели отдельного помещения, размещались в помещении сельских советов или школ.

Выступая с докладом «О культурной работе в деревне» на XIII съезде РКП(б) Н. К. Крупская, анализируя причины неудовлетворительной работы избчитален, главную причину видела и в невнимательном отношении к ней на местах: «Куда же девается то, что было напечатано? А вот куда девается: секретарь сельсовета, поселившийся на лето в школе, употребил учебники на растопку печей, так что школа оказалась без учебников; газеты же раскурива-

¹⁰ См.: Работа комиссии по изучению деревенской книги при Главполитпросвете // Народное просвещение. 1927. № 1–12. С. 198–202.

¹¹ ГАНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 1294, л. 14.

¹² См.: Плаггенборг Ш. Указ. соч. С. 153.

¹³ См.: Ремизова Т. А. Политико-просветительная работа в 1917–1925 гг. М., 1968. С. 95.

ются, да и доходят они в минимальном количестве, в разрозненном виде. В настоящее время имеются села, где на 800 с лишним человек нет ни одной печатной строки. В соседнем селе той же Саратовской губернии в дореволюционное время выписывалось 50 газет, сейчас – 2 (она еще в лучшем положении)¹⁴. Такая ситуация была почти повсеместной.

Нельзя не отметить, что возникшее стремление людей разобратся в новых условиях существования, получить информацию по жизненно важным вопросам, да и просто пообщаться, приводило к появлению так называемых, внесетевых культурно-просветительных учреждений, то есть целиком содержащихся на средства самого населения. Например, к концу 1923 г. в Балашовском уезде работали два пункта ликбеза, в Петровском уезде – три. Содержались они за счет средств местного населения¹⁵. Это свидетельствует о том, что существовавшие библиотеки и избы-читальни далеко не всегда соответствовали запросам и интересам населения, или их просто не хватало, что и порождало возникновение новых «несетевых» учреждений культуры. Активно проводимая антирелигиозная пропаганда (в библиотеках и избах-читальнях), которая отрицательно воспринималась взрослым населением, приводила к «окомсомоливанью» библиотек и изб-читален. Должность избача занимали, преимущественно, комсомольцы, которые имели от 7 до 10 обязанностей¹⁶. По данным за 1924–1925 гг. из 107 работников крупных изб-читален Саратовской губернии – 75% совмещали работу в изб-читальне с работой «по комсомольской и партийной линии»¹⁷. Как указывается в отчете о работе губернских изб-читален, в силу молодости и занятости, избачи «не всегда умело подходили к взрослому населению. Зачастую даже отталкивали его от избы-читальни тем, что превращали последнюю просто в комсомольский клуб»¹⁸. В сложившейся ситуации, Саратовский губполитпросвет высказывался о необходимости «пересмотра состава избачей ... переподготовки их, подготовки новых работников»¹⁹. И хотя губполитпросветы не раз выступали против «окомсомоливания» работы библиотек, тем не менее, возрастной состав читателей был, в основном, молодежный.

После XIII съезда РКП(б), на котором был взят курс на усиление идеологической работы в деревне, изба-читальня была определена как политпросвет учреждение, призванное сыграть главную, определяющую роль в перевоспитании крестьянских масс. Работа ее

¹⁴ Народное просвещение. 1924. № 6–7. С. 18.

¹⁵ ГАНИСО, ф. 27, оп. 3, д. 430, л. 19.

¹⁶ Там же. Д. 1270, л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же.

должна была строиться на местном материале, в строгом соответствии с партийными и советскими директивами. Неслучайно, в резолюции I Библиотечного съезда (июль 1924 г.) отмечалось, что библиотеки являются «орудием выработки коммунистического мировоззрения, очагом воспитания и просвещения в духе марксизма и ленинизма»²⁰.

Для того чтобы привлечь крестьянскую аудиторию в изба-читальню, крестьяне должны были знать, что здесь они получают реальную помощь и отдачу от этого учреждения. С этой целью при каждой избе-читальне было решено организовать справочный стол, который базировался на работе соответствующих кружков. Подобные формы работы были новыми для избы-читальни. В этот период рамки внешкольного образования, осуществляемого в избах-читальнях, расширились, в них влились развлекательные элементы. Одним из самых ярких явлений, конечно, была живая газета, которая «...являлась одной из форм политического театра»²¹. С помощью музыки и сатиры профессиональные актеры и артисты самодеятельности преподносили зрителям актуальные темы²². И это стало еще одним способом увеличения контингента изб-читален.

Фактически изба-читальня становилась «центром политпросвет работы»²³ в деревне. Вокруг нее «сосредотачивались все формы работы: чтение газет, выписка газет, живая газета, стенная газета, чтения-беседы, лекции-беседы, спектакли, суды, экскурсии, сельскохозяйственные кружки, кружки самообразования»²⁴.

Хотя сельскохозяйственная пропаганда была признана «делом особой важности» еще в 1921 г., о чем свидетельствует принятие Совнаркомом декрета «О массовом распространении среди крестьянского населения сельскохозяйственных знаний и улучшении приемов ведения сельского хозяйства»²⁵, материальные возможности ее проведения в начале 1920-х гг. были весьма ограничены. Важность же сельскохозяйственной пропаганды для аграрной страны, какой являлась Россия, трудно преувеличить. Задача, по мнению Н. К. Крупской, состояла в том, чтобы «вести агитацию не за то, что надо, а показать, как надо делать»²⁶. И продемонстрировать это «как» можно было через систему культурно-просветительных учреждений, наиболее распространенную и имеющую широкую аудиторию. При этом подчеркивалось, что «в отличие от агронома, кото-

²⁰ Васильченко В. С. История библиотечного дела в СССР. М., 1958. С. 59.

²¹ Плаггенборг Ш. Указ. соч. С. 160.

²² См.: Там же.

²³ Весь Саратов: альманах-справочник. С. 337.

²⁴ Там же.

²⁵ Известия ВЦИК. 1921. 7 авг.

²⁶ Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1963. Т. 7. С. 170.

рый ведет собственную пропаганду, политпросвет работник должен эту пропаганду тесно связывать со строительством социализма»²⁷.

Особое внимание придавалось работе политического кружка. Члены его должны были изучать внутреннее положение в стране, полученный материал прорабатывать и в суммированном виде преподносить в форме доклада. В кружок, как правило, входили: председатель – волостной парторганизатор, секретарь – учитель, член ячейки РКП(б), член ячейки РКСМ, член сельсовета, врач, член комитета взаимопомощи, активные крестьяне.

И все же, несмотря на некоторое оживление культурной жизни, деревня значительно отставала от города и к концу первого десятилетия Советской власти, газета, книга были здесь еще редкостью. В РСФСР одна изба-читальня приходилась на 32 населенных пункта в радиусе 23 кв. км²⁸. И это не смотря на то, что маленькие сельские библиотеки в административном порядке превращались в избы-читальни, что увеличивало количество данных учреждений²⁹.

В 27 губерниях Европейской части РСФСР клиентура изб-читален составляла 12,1% от общего числа грамотных, т.е. подавляющее большинство грамотных сельских жителей изб-читален не посещали и не брали в руки книгу после того, как обучились грамоте. Если принять во внимание еще и огромное количество неграмотных, то окажется, что человек, имеющий привычку читать, был весьма редким персонажем деревенской жизни³⁰.

Стремление к открытию новых культурно-просветительных учреждений, в том числе и изб-читален, и к развертыванию работы в них, согласно указаниям «сверху», без учета материальных и кадровых возможностей, приводило к снижению их популярности. Хотя это и понимали местные руководители, ситуация мало менялась к лучшему.

В исследуемый период формируется, так называемый, переходный тип личности, в котором старые устои и идеалы под влиянием внешних факторов уже разрушаются, а новые еще не сформированы. В массовом сознании революционной эпохи широта распространения марксизма неизбежно обгоняла глубину его усвоения. В 1926 г. М. Н. Покровский писал по этому поводу, что «если мы захотим сравнить глубину влияния нашей идеологии с ее широтой, то увидим, что первая далеко отстает от последней. Не всякий поющий Интернационал есть марксист, не всякий склоняющийся во всех падежах «Союз Советских Социалистических Республик» есть дейст-

²⁷ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. С. 89.

²⁸ Правда. 1930. 30 июня.

²⁹ См.: Плаггенборг Ш. Указ. соч. С. 153.

³⁰ См.: Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 гг. М., 1983. С. 49.

вительно советский человек. За бойким повторением коммунистических формул может скрываться самое элементарное невежество насчет того, что такое коммунизм и коммунисты»³¹.

Недостаточно было устранить социальные преграды доступа к культурным ценностям, необходимо было еще и сформировать потребность в них. Приток посетителей в учреждения культуры в первые годы Советской власти нередко объяснялся не столько осознанной необходимостью, сколько стремлением к своего рода социальному самоутверждению, желанию продемонстрировать и реально использовать свои права. В этом также сказывалась и необходимость переосмыслить и переоценить старые политические идеалы и культурные ценности, осознать новые, возникшие в ходе ломки прежнего социально-политического, экономического и культурного уклада.

³¹ Покровский М. Н. Об обществоведении // Коммунистическая революция. 1926. № 19. С. 57.

ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1941–1945 гг.

В сентябре 1941 г. из республики немцев Поволжья были выселены 479841 человек¹. Уже 7 сентября 1941 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья». В соответствии с Указом в состав Саратовской области были включены 15 кантонов бывшей Немреспублики. Один – Каменский весной 1942 г. был передан в ведение НКВД.

До выселения в южных Приволжских районах, присоединенных в 1941 г. к Саратовской области, было закреплено за колхозами всего земли – 1275, 7 тыс. га, в том числе пахотоспособной – 908,5 тыс. га². До депортации немцев в 280 колхозах этих районов было 43974 хозяйства колхозников, из которых 37651 хозяйство немцев, выселенных в 1941 г. и 6323 хозяйства русских старожилов³.

На территории 11 районов после выселения немцев в колхозах оставалось 33103 жилых дома с надворными постройками, крупного рогатого скота около 80 тыс. голов, в том числе индивидуального пользования колхозниками около 39 тыс. голов; коз и овец около 143 тыс. голов, в том числе индивидуального пользования около 80 тыс. голов; свиней около 39 тыс. голов, в том числе индивидуального пользования около 19 тыс. лошадей около 20 тыс. голов, верблюдов – около 1,5 тыс. голов⁴.

Жилые дома, надворные постройки и хозяйственный инвентарь были переданы саратовскому облисполкому для обеспечения переселенцев – колхозников, оставшийся скот предназначался для общественного колхозного стада вновь организованных переселенческих колхозов и для ликвидации бескоровности среди колхозников переселенцев.

Для восстановления экономики районов бывшей Немреспублики уже в начале сентября 1941 г. советское руководство разработало планы заселения этих территорий. В частности, Постановлением Совнаркома СССР от 3 сентября 1941 г. №2030/922-С были утвер-

¹ Сопроводительное письмо наркома НКВД СССР Л. П. Берия № 2514/Б в ЦК ВКП(б) к проекту Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о порядке переселения из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей // Сталинские депортации 1928–1953 гг. Документы / Сост. Поболь Н. Л., Полян П. М. М., 2005. С. 287.

² ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 611, л. 10.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 14.

жден план переселения колхозных хозяйств. Согласно этому документу, было намечено переселение 59794 хозяйств⁵. Из них в Саратовскую область предполагалось вселить 44744 хозяйства, в Сталинградскую – 15050 хозяйств⁶. Предполагалось, что заселение бывших районов АССР НП произойдет за счет прибытия эвакуированных, а также за счет переселенцев Саратовской и Волгоградской областей и соседних с этими областями регионов. В конце октября 1941 г. в Саратове, Энгельсе и Вольске была организована трехкратная радиопередача с призывом к городскому населению к переселению на постоянное жительство в районы бывшей республики немцев Поволжья.

В целях исполнения вышеуказанного постановления Совнаркома СССР 26 ноября 1941 г. выходит постановление Совнаркома РСФСР «О мероприятиях по сельскому хозяйству в районах бывшей республики немцев Поволжья». Работа по проведению заселения была поручена переселенческому отделу саратовского облисполкома. Именно ему вменялись в обязанность отбор переселенцев из числа колхозников и эвакуированных, и организация их вселения в села бывшей Немреспублики. С этой целью на узловые железнодорожные станции Рязано-Уральской железной дороги были посланы инспектора переселенческого отдела, которые должны были проверять и отбирать людей, желающих выехать на постоянное жительство в колхозы бывшей АССР НП на условиях колхозников-переселенцев. В результате организационно-массовой работы на железнодорожных станциях к 31 декабря 1941 г. в районы бывшей Немреспублики были отобраны 11479 семей из эвакуированного населения и 8493 семьи колхозников из соседних с Саратовской областью областями⁷. Однако не все они переехали в Саратовскую область⁸.

Осенью 1941 г. из прифронтовой полосы УССР в Поволжье были переселены около 11 тыс. человек. Переселение из Украины было организовано целыми колхозами. Всего осенью 1941 г. были расселены на территории бывшей АССР НП 145 колхозов, из них 134 прибыли из УССР. 70 колхозов были переселены из Ворошиловградской области. Организованно прошла эвакуация из Харьковской, Запорожской областей, из них были эвакуированы и размещены в бывшей Немреспублике 36 колхозов⁹. Переселены были колхозы из Киевской, Черниговской, Полтавской, Сумской Днепропетровской областей. Расселили эвакуированных в 10 районах, при-

⁵ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 393, л. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Всего в течение первого военного года в Саратовскую область прибыло 321 тыс. эвакуированных и 184 тыс. – в Сталинградскую область.

⁹ Там же. Л. 50.

соединенных к Саратовской области и трех районах, присоединенных к Волгоградской области¹⁰.

Однако этого переселения было явно недостаточно. Попыткой решить проблему недостатка населения на территории бывшей Немреспублики стало Постановление СНК СССР от 27 февраля 1942 г. № 263-138-С. и принятое на его основе постановление СНК РСФСР от 2 марта 1942 г. Согласно ему в 1942 г. было переселено из Тамбовской, Пензенской и Воронежской областей 4319 хозяйств, из Саратовской области в том же году – 2213 хозяйств. Исполнение данного постановления можно проследить по переселению из Тамбовской области. К 10 марта 1942 г. 120 хозяйств области выразили желание переехать на новое место жительства. К 4 апреля того же года таких хозяйств было уже 2170, что составляло 108,5% от плана переселения¹¹ (всего по плану необходимо было переселить две тысячи хозяйств).

Таким образом, отбор и утверждение хозяйств на переселение по Тамбовской области произошло в короткие сроки, однако, погрузка их в вагоны и отправка по назначению по вине железных дорог на отдельных станциях прошли плохо. В частности, 58 хозяйств из Уметского района остались неотправленными в Саратовскую область из-за того, что вагоны на станции Умет не были поданы. Именно поэтому, выполнение плана переселения из Тамбовской области составило 95,4% или 1908 хозяйств¹².

На отдельных станциях переселенцы ожидали вагонов по несколько суток. Так, на станциях Ржакса, Кирсанов, Платоновка переселенцы просидели от пяти до восьми суток¹³. Многие эшелоны с переселенцами довольно медленно продвигались по железным дорогам. Например, группа вагонов, отправленная из Моршанска 1 апреля, прибыла в Пензу только 11 апреля (расстояние в 263 км прошли в течение 10 суток)¹⁴. Заселение сел бывшей Немреспублики было также плохо организовано. По словам начальника Тамбовского эшелона Хмырова, на станции Неткачево под выгрузкой скопилось до 150 вагонов, а развоз переселенцев производился несколькими подводами. Переселенцы жили в вагонах без отопления и питания по несколько суток.

Уже весной 1942 г. местные руководители понимали, что в Саратовской области создалось тревожное положение, которое могло привести к возвращению переселенцев обратно. Хотя все переселенцы в момент вселения получили пригодные для проживания

¹⁰ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 393, л. 57.

¹¹ Там же. Д. 48, л. 27.

¹² Там же. Д. 327, л. 28.

¹³ Там же. Л. 29.

¹⁴ Там же.

дома, однако они им так и не были переданы документально, то есть по актам. В частности, в Советском, Подлесновском, Ровенском, Приволжском, Первомайском районах до 30% прибывших переселенцев не получили домов, а часть переселенцев ютились в неотреставрированных землянках¹⁵. В тех же домах, которые переселенцы все-таки заняли, они не чувствовали себя полными хозяевами и поэтому не предпринимали мер к их сохранению. Переселенцы часто переходили из одного дома в другой, соединяясь по несколько семей в одном доме, и топили свободными домами. Безучастное отношение сельских советов к данной проблеме привело к массовому разрушению жилого фонда.

В Ровенском, Приволжском, Советском и других районах около 70% переселенцев к середине 1942 г. не были оформлены членами сельхозартели и не получили приусадебных участков¹⁶. Многие колхозники, переселенные из правобережных районов области, имели в местах прежнего жительства значительные запасы картофеля, которые не могли привести на новое место жительства. Пользуясь трудностями переселенцев, председатели колхозов предлагали им помощь в перевозке картофеля, но 50% картофеля переселенцы должны были передать колхозу.

Совершенно неудовлетворительно во многих колхозах было организовано снабжение переселенцев хлебом и другими продуктами. Так, по заявлению, переселенцев колхоза «1-е мая» Советского района в течение 10 дней они получали только по 300 грамм хлеба на человека, а в дальнейшем подача хлеба была совершенно прекращена, несмотря на то, что большинство переселенцев работали в поле¹⁷. В Подлесновском и Ровенском районах из общего количества переселенцев, прибывших в марте – мае 1942 г., только 11 хозяйств имели коров, остальные 96% хозяйств являлись бескоровными, хотя имели право согласно постановлению СНК СССР от 20 февраля 1942 г. на получение по одной голове крупного рогатого скота и по одному поросенку. Всего в районах бывшей Немреспублики на 25 мая 1942 г. по неутонченным данным насчитывалось 15353 бескоровных колхозных хозяйств¹⁸.

Особо следует отметить наличие фактов плохого отношения к переселенцам из эвакуированного населения, прибывшего в порядке планового переселения, на том основании, что они якобы не работали в колхозах. Например, второй секретарь Ровенского районного комитета ВКП(б) тов. Тарасов заявил, что «создавать бытовые условия этим переселенцам (имея ввиду эвакуированных) мы не бу-

¹⁵ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 29, л. 82.

¹⁶ Там же. Л. 84.

¹⁷ Там же. Д. 611, л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 14.

дем, пусть живут как хотят». Председатель Приволжского оргкомитета тов. Смородин в период приема переселенцев заявлял, «что к ним в район прибыли 80% эвакуированных и что они будут мало полезны в колхозах»¹⁹.

В том же 1942 г. еще тысяча хозяйств была переселена в бывшую АССР НП согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны от 5 июня. К концу 1942 г. в колхозах присоединенных районов проживало 27559 семей переселенцев, что при наличии 6323 семей местных жителей составляло 33892 хозяйства или 77,3% от числа выселенных немецких хозяйств.

В конце 1943 г. имел место массовый уход колхозников с территории бывшей АССР НП, прежде всего это было связано с тем, что большинство переселенцев составляли эвакуированные и по мере освобождения западных территорий СССР, эвакуированные возвращались в родные места.

По результатам проверки Совнарком СССР 11 марта 1944 г. принял постановление № 272 «О мерах по укреплению сельского хозяйства в группе южных приволжских районов, присоединенных к Саратовской области». По этому постановлению в связи с неосвоенностью пахотоспособных земель от колхозного землепользования было отрезано 411,5 тыс. га пахотоспособных земель, на которых были организованы 41 совхоз и четыре подсобных хозяйства. В 1944 г. в 216 колхозах осталось 654,3 тыс. га земли, в том числе пахотоспособной 484,4 га или 53,2% к общему количеству пахотоспособных земель, ранее находившихся в колхозах²⁰.

Этим же постановлением предусматривалось переселение в 1944–1945 гг. из центральных областей РСФСР 16800 хозяйств колхозников, в связи с тем, что к 1 января 1944 г. из 27 тыс. хозяйств переселенцев из Саратовской области ушло около половины. Для их размещения требовалось капитально отремонтировать около 10 тыс. домов, что в условиях военного времени по причине недостатка строительных материалов не могло быть выполнено, поэтому Совнарком СССР распоряжением от 10 сентября 1944 г. № 18306-р разрешил переселить только 4200 хозяйств колхозников. Фактически в 1944–1945 гг. переселено было 4412 хозяйств колхозников²¹. Заместитель председателя облисполкома тов. Пеньков А. И., которому было поручено руководство сельским хозяйством этих районов и хозяйственным устройством переселенцев в 1944–1945 гг., объяснял крайне неудовлетворительное состояние хозяйственного устройства переселенцев тем, что в большинстве приехавшие были не колхоз-

¹⁹ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 47, л. 84.

²⁰ Там же. Д. 393, л. 2.

²¹ Там же. Л. 3.

никами, а «богадельней» и «музыкантами»²². Доля правды в этом высказывании есть, поскольку при организации переселения из Рязанской, Тамбовской областей, Чувашской АССР был допущен некачественный отбор переселенцев. На переселение направлялись эвакуированные семьи, городские семьи, что стало причиной плохой работы в колхозах и одной из причин обратничества²³.

Однако главной причиной хозяйственного неустройства переселенцев было разрушение жилого фонда бывшей АССР НП. На протяжении 1941–1945 гг. жилые колхозные дома и надворные постройки безнаказанно разрушались. По состоянию на 1 июля 1943 г. из 33103 жилых колхозных дворов было разрушено 10103 дома или 30%. К 5 июля 1946 г. годными для жилья осталось всего лишь 10 тыс. домов, около 20 тыс. жилых домов с надворными постройками были разрушены. Поэтому переселенцы жили несколькими семьями в одном доме или в качестве «квартирантов» у эвакуированных рабочих и служащих²⁴.

При наличии большого количества оставшегося после выселения немцев скота в 1943 г. более 50% из числа переселенческих хозяйств не были обеспечены скотом. Переселенцам, прибывшим на новое место жительства в 1944–1945 гг., до конца войны скота так и не выдали. В результате большинство хозяйств приступило к уборке урожая 1946 г., имея обеспеченность рабочей силой всего лишь на 40–50%. Общая площадь пахотоспособных земель осваивалась всего лишь на 57,4%.²⁵ Поэтому значительное количество колхозов, присоединенных к Саратовской области государственный план развития животноводства не выполняли.

Большой проблемой в переселении 1944–1945 гг. стало размещение в Саратовской области значительного количества татар, чувашей, мордвинов, марийцев и др., имеющих свои национальные обычаи и зачастую не знающих русского языка. Эти переселенцы были разобщены, в большинстве их детей по причине незнания русского языка школ не посещало. Проведенными мероприятиями по заселению приволжских районов Саратовской области так и не была решена проблема рабочей силы этих районов, так как в течение 1941–1945 гг. было переселено 33971 хозяйство колхозников, что вместе с хозяйствами русских старожилов составляло 40294 хозяйства или 91,5% числа выселенных немцев²⁶. Отсутствие должной организации хозяйственной и разъяснительной работы среди колхозников переселенцев вновь привело к тому, что по состоянию на 5

²² ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 393, л. 14.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 15.

²⁵ Там же. Л. 17.

²⁶ Там же. Л. 4.

июля 1946 г. из Саратовской области выбыли более 26 тыс. хозяйств переселенцев, в колхозах одиннадцати районов осталось всего лишь около 13 тыс. хозяйств колхозников, причем в этом числе 6328 хозяйств колхозников-старожилов²⁷.

Депортация немцев нанесла огромный урон экономике региона, а попытка заменить депортированное население эвакуированными и переселенцами не привело к восстановлению экономики региона. Переселенцы, не чувствуя себя собственниками домов и понимая свое временное положение, разрушали дома. К концу войны только 30% жилого фонда бывшей Немецкой республики оставалось пригодным для жилья. За годы войны посевные площади колхозов сократились более чем на 400 тыс. га, началась постепенная замена колхозного землепользования совхозным. Основной причиной этого стал недостаток рабочей силы. При наличии большого количества оставшегося после немцев скота к середине 1943 г. более половины переселенческих хозяйств не были обеспечены скотом. За годы войны резко сократился размер приусадебных участков. Уже в мирное время вновь был поднят вопрос об организации переселения в районы, присоединенные к Саратовской области в 1941 г., что в условиях резкого сокращения численности населения за военные годы было трудно выполнить.

²⁷ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 393, л. 17.

**МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СССР В 1953–1985 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Проведение грамотной молодежной политики, борьба с преступностью среди молодежи и подростков является важнейшим направлением социальной политики любого государства. Однако в современной РФ в этом отношении не все обстоит благополучно, что наглядно демонстрируют данные по Саратовской области. Несмотря на увеличение в 2005 г. по сравнению с 2004 г. числа участников детских клубных формирований (на 1140 человек) и количества культурно-досуговых мероприятий (на 6,5 тыс.), в этом регионе рост преступности в подростковой среде продолжает оставаться одной из наиболее сложных проблем, преступность молодеет и принимает устойчивый рецидивный характер. Действительно, число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, за тот же период выросло на 4,6%, среди которых до 85% составили преступления против собственности (кражи, грабежи, разбой, мошенничество и т. д.). Особенно значительно выросло количество преступлений среди учащихся в Балаковском, Вольском, Воскресенском, Дергачевском, Пугачевском, Ртищевском и Саратовском районах. Такое положение вещей во многом было следствием снижения финансирования организации детского отдыха, сужения охвата детей киноучреждениями, роста оплаты за обучение, например, в детских школах искусств, что существенно снижает доступность эти услуг для наиболее нуждающихся¹. Чтобы переломить эту негативную тенденцию, на наш взгляд, представляется необходимым проанализировать позитивные и негативные стороны молодежной политики в советский период, а именно в 1953–1985 гг., отмеченные наибольшими успехами проведения социальной политики. Сделать это более наглядно и качественно нам поможет региональный материал Саратовской области.

В начале рассматриваемого периода в интересующем нас регионе положение с культурным досугом молодежи и подростков было далеко неблагоприятным. Например, с 1950 г. по 1955 г. количество клубов в области сократилось с 1487 до 1477, причем наиболее заметной эта тенденция была в сельской местности: с 1395 до 1368 соответственно². Культурного отдыха были лишены и горожане, в ча-

¹ См.: Доклад о положении детей в Саратовской области. Информационно-аналитический доклад за 2005 г. Саратов, 2006. С. 45, 48, 52, 85, 86, 87.

² См.: Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет. Советской власти. Саратов, 1967. С. 412; Коммунист. 1953 25 апр.; 1955 18 авг.

стности, из-за нехватки спортивных сооружений. Один из жителей Саратова писал: «Негде тренироваться стрелкам-любителям, единственный тир в детском парке находится в запущенном состоянии»³. Практически никто не занимался подбором врачей, финансово-банковских работников, педагогов-воспитателей для пионерских лагерей. Они плохо снабжались продуктами, надолго затягивался ремонт многих из них⁴. Поэтому неудивительно, что ежедневно, в частности, на улице XX лет ВЛКСМ, в сквере в 1-ом Пролетарском поселке г. Саратова по вечерам собирались подростки группами по шесть–восемь человек, кричали, свистели, ломали лавочки около домов, одним словом – хулиганили. Низкой была дисциплина даже в лучших школах Волжского района Саратова⁵.

В то же время в области в плане воспитания учащейся молодежи и профилактики преступности стали предприниматься определенные шаги. Например, еще в июне 1955 г. комсомольские организации Вольска создали при ПТУ города предметные и технические кружки для школьников, проводились экскурсии на цементные заводы, встречи с передовиками производства, была организована работа учащихся на пришкольных участках⁶. При Детском парке функционировали лыжная, хоккейная, конькобежная, стрелковая секции, в которых занималось более ста школьников. Крутлогодночно в парке действовали ботанический и зоологический кружки, имелась игротека. Свыше 300 школьников Саратова в середине 1956 г. посещало кружки областной секции юных натуралистов. Более ста кружков насчитывалось в саратовском Дворце пионеров на площади Революции (построен в 1934 г.), которые ежедневно посещало 2252 школьника. Наряду с разнообразными кружками при этом Дворце имелся молодежный эстрадный ансамбль, детская филармония, «Клуб любознательных». «Питомцы» этого дворца не раз становились дипломантами областных, всесоюзных, международных выставок изобразительного искусства (сектора архитектуры). Около 25 (из 140) оригинальных проектов, созданных в радиотехническом кружке этого Дворца, было опубликовано в союзной и зарубежной печати, а ансамбль саратовской гармонии «Колокольчик» уже через несколько лет после своего создания стал лауреатом первого фестиваля школьников Поволжья⁷. Кружки радиолюбителей существовали также при школах Саратова, пединституте, элек-

³ Коммунист. 1954. 16 авг. См. также: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 3851, л. 8, 11.

⁴ См.: Коммунист. 1954. 20 мая.

⁵ См.: Там же. 1955. 14 июня, 30 авг., 1956. 5 июня.

⁶ Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. 1918–1983 гг. Саратов, 1984. С. 198.

⁷ См.: Коммунист. 1955. 29 дек.; 1956. 21 апр., 1, 20 июня; 1958. 13 авг., 31 дек.; 1964. 24 янв.; 1967. 4 дек.; Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 351.

тротехническом, монтажном техникумах, институте механизации сельского хозяйства и других учреждениях. Различные кружки создавались и при домоуправлениях, например, санитарные, радиокружки, фотокружки, кружки художественной самодеятельности⁸.

Немало школьников занималось в детских спортивных и музыкальных школах. Одной из лучших в области была Петровская музыкальная школа, где обучалось 123 учащихся. Ее выпускники являлись активными участниками и организаторами художественной самодеятельности в тех коллективах, в которых они работали. В 1963 г. состоялся первый выпуск в Марксовской музыкальной школе – 20 юных баянистов. Школа занималась также подготовкой детей по классу фортепьяно и аккордеона. Более 40 детей занималось спортивным мастерством в детской спортивной школе «Юность» при педагогическом институте. Только за 1961–1962 гг. в ней было подготовлено 16 гимнасток первого и 35 гимнасток второго юношеского разряда⁹. Тогда же чемпионами области среди юношей стали воспитанники Петровской спортшколы, они защищали честь республики на Всесоюзных соревнованиях в Москве, а петровчанки легкоатлеты заняли в 1962 г. четвертое место по РСФСР¹⁰. Второй разряд по шахматам получила одна из учениц средней школы № 42, посещавшая саратовский шахматный клуб, созданный в 1959 г.¹¹. Разнообразные спортивные секции функционировали и при школах. Например, с 1957 г. при школе № 80 работала секция художественной гимнастики. Подготовленные тренером детской спортивной школы ДСО «Труд» гимнастки не однократно участвовали в районных и областных соревнованиях¹². Распирялась сеть пионерлагерей. Только летом 1956 г. было открыто 53 таких лагеря, для старшеклассников был создан плавучий пионерский лагерь на пароходе. Он курсировал по маршруту Саратов–Куйбышев–Сталинград–Астрахань–Саратов¹³. В 1963 г. на Зеленом острове начал функционировать лагерь судомоделистов «Волжская зорька». К этому времени в Балашове была создана школа «юных космонавтов», в Пугачеве – «юных вертолетчиков», в Вольске был создан клуб «юный моряк», а в Краснокутском районе – клуб «юных летчиков». В Саратове, Балашове, Пугачеве функционировали клубы фото- и кинолюбителей. В целом к началу 1963 г. в области разнообразных кружков художественной самодеятельности посещало свыше 40 тыс. юношей и девушек, выросли замечательные коллек-

⁸ См.: Коммунист. 1961. 24 июня, 12 июля.

⁹ См.: Там же. 1961. 19 июня; 1963. 2 февр., 22 ноябр.; 1964. 18 февр.

¹⁰ См.: Там же. 1964. 6 мая.

¹¹ См.: Там же. 1963. 12 сент.

¹² См.: Там же. 1963. 19 окт.

¹³ Там же. 1956 1 июня.

тивы: дворца «Машиностроитель», «Мир» в Саратове, коллективы Красноармейска, Балашова, Вольска¹⁴. В январе 1964 г. в Саратове был образован городской совет по художественной работе среди школьников. При кинотеатрах создавались советы содействия идейно-воспитательной работе с молодежью, проводились конференции зрителей, тематические вечера, организовывались кинолектории¹⁵. При музеях и театрах действовали лектории, которые школьники могли посещать по абонементам (во внеурочное время), либо прямо в ходе занятий (многие школы Саратова включали лекции и тематические экскурсии по музеям в планы своей учебно-воспитательной работы). К началу 1961 г. при активном участии комсомольцев в области было построено 230 клубов и Домов культуры, 24 кинотеатра, 507 кинобудок, 111 танцплощадок, 1414 просторных спортсооружений, 86 стрелковых тиров, 22 спортзала¹⁶. Средние и восьмилетние школы проводили многодневные туристские походы и экскурсии по родному краю. Обязательным их компонентом было посещение историко-революционных мест Саратова, предприятий, места приземления первого космонавта Ю. А. Гагарина, памятных мест, связанных с жизнью Н. Г. Чернышевского¹⁷. Особое внимание обращалось на работу среди школьников работниками Саратовской областной филармонии. Ими был выпущен «Музыкальный школьный абонемент» – цикл лекций-концертов для учащихся школ¹⁸. Эстетическому воспитанию подростков уделялось внимание и клубами старшеклассников при различных школах. Так, при саратовской школе № 12 такой клуб возник в 1960 г., его участниками устраивались вечера современной советской прозы, встречи с артистами ТЮЗа, преподавателями СГУ, конкурсы на лучшее сочинение о В. И. Ленине и т. д.¹⁹

Большая роль в молодежной политике отводилась сотрудниками саратовского планетария – научно-просветительского учреждения, пропагандировавшего новейшие достижения науки в области естественных знаний (функционировал с 1948 г.). Учащимся десятых классов здесь читались лекции на астрономические темы, а для

¹⁴ См.: Коммунист. 1964. 24 янв., 27 апр.; Вместе с партией (сб. док-ов по истории Саратовской областной организации ВЛКСМ (1917–1970)). Саратов, 1976. С. 228, 239.

¹⁵ См.: Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 22 апр.; Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. С. 231.

¹⁶ См.: Коммунист. 1955. 20 окт.; 1963. 15 янв.; Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. С. 219.

¹⁷ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 14, л. 39; Коммунист. 1964. 30 июня; 1965. 26 окт.

¹⁸ Коммунист. 1959. 13 июня.

¹⁹ См.: Там же. 1963. 15 мая.

школьников младшего и среднего возраста – лекции в стихах «Полет на Луну», «Михайло Васильевич Ломоносов», «Звездный дом» и другие. В 1958 г. в планетарии была установлена новая аппаратура, что позволило демонстрировать во время лекций звездное небо на разных широтах, движение Солнца и Луны, планет, искусственного спутника Земли, затмения Солнца и Луны, движения облаков, полярное сияние, наступление рассвета и восхода Солнца. Наблюдениями за «падающими звездами» – метеорами занимались участники астрономической секции при планетарии. Ее работой руководили преподаватели педагогического института, помощь оказывалась Саратовским отделением Всесоюзного астрономо-географического общества, имелись научные связи с институтом астрономии Таджикской академии наук. К десятилетнему юбилею планетария его лекторами было прочитано свыше шести тыс. лекций (из них об искусственном спутнике Земли 246 лекций). Однако нового помещения планетарий так и не получил²⁰.

Отдачу проводимые мероприятия дали уже к началу 1957 г. Один из выступавших на январском областном совещании учителей (директор Духовницкой сельской школы) заявил, что организация кружковой работы позволила «... не только отвлечь ребят от праздного времяпрепровождения, но и... привить им большую любовь к труду, воспитать у них чувство коллективизма, чувство заботы о своей школе». В то же время секретарь обкома ВЛКСМ на том же совещании обратил внимание на формализм, казенщину в работе пионерских и комсомольских организаций школ области, отсутствие инициативы и самостоятельности учащихся²¹. Часто вместо создания при школах с помощью пионерских и комсомольских организаций различных обществ и клубов и вовлечения в них трудных подростков, их переводили из общеобразовательных школ в школы рабочей молодежи. Так педагоги чаще всего боролись с второгодничеством в своих школах²². Родители уже в начале 1960-х гг. отмечали то, что дети, после возвращения из школы были предоставлены сами себе, «шалили» на улице и в школе, «неблаговидно» вели себя в пионерлагерях²³. Большой ущерб «недисциплинированные» подростки наносили электрохозяйству Саратова. Ими в районах города разбирались до 60% электроламп, особенно на улицах Белоглинской, 1-ой Садовой, Астраханской. Настоящей «болезнью» стала езда молодых людей на подножках трамваев и троллейбусов. В начале 1960-х гг. перемещавшихся таким образом по Саратову молодых людей мож-

²⁰ См.: Коммунист. 1955. 15 авг.; 1956. 30 ноябр.; 1958. 28 мая, 17 окт.; 1962. 15 окт.

²¹ См.: Там же. 1957. 8 янв.

²² См.: Там же. 1964. 14 мая.

²³ См.: Там же. 1961. 12 янв.

но было наблюдать не только в часы «пик», но буквально день и ночь. Такое их легкомысленное поведение, стремление подражать «ухарям, нарушающим правила пользования городским транспортом» создавало пробки при посадке и высадке пассажиров. Среди них были и любители «отгравировать» перочинным ножом спинки сидений, стены, двери, стекло в салонах городского транспорта. Подростки нарушали и правила пользования железнодорожным транспортом. На Советской, Коммунарной, Покровской улицах, на Набережной Космонавтов в Саратове в поздние часы часто можно было видеть среди компаний «хулиганствующих парней с неуместными прибаутками и выкриками, являющимся дикой пародией на песни» студентов вузов и старшеклассников. Они портили зеленые насаждения, уничтожали цветы. «В результате хулиганских действий отдельных лиц» в Саратове (Кировский, Волжский, Ленинский районы) часто выходили из строя телефоны-автоматы: срывались трубки, засорялись автоматы. Большинство преступлений совершалось молодежью в возрасте до 25 лет и в нетрезвом состоянии²⁴.

Важную роль в профилактике подростковой преступности играли народные дружины, члены которых посещали квартиры, беседовали с родителями, дети которых вели себя недостойно и т. д. Одной из лучших в Саратове являлась дружина Саратовского политехнического института, насчитывавшая 60 преподавателей и 653 студента²⁵. К этому делу был подключен и комсомол. В Саратовской области было создано 1200 «добровольных» народных дружин, в составе которых числилось 18 тыс. юношей и девушек²⁶. При участии саратовского областного Дворца Пионеров в области в рамках движения «Микрорайон школы – зона пионерского действия» было создано несколько таких зон²⁷. Индивидуальное шефство над подростками практиковали детские комнаты, создаваемые инспекторами районных отделений милиции при различных школах. Они же проводили и профилактическую работу, выступая на предприятиях, в домоуправлениях, на родительских собраниях с разъяснениями причин и условий, порождавших правонарушения среди детей. Только за 1963 г. была создана 101 такая комната, в которых работало на общественных началах 1040 нештатных и общественных инспекторов. Только за этот год ими было проведено 940 лекций и бесед, трудоустроено 729, возвращено на учебу 452 подростка²⁸. Однако переломить эту негативную тенденцию к 1964 г. не удалось. Действительно,

²⁴ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4915, л. 34; Коммунист. 1963. 13 июня, 13 сент.; 1964. 18 июля, 8 окт., 14 ноябр.; 1965. 14 янв.

²⁵ См.: Коммунист. 1962. 10 янв.

²⁶ См.: Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. С. 216; Коммунист. 1964. 3 марта.

²⁷ См.: Коммунист. 1964. 24 янв.

²⁸ См.: Там же. 1963. 5 июня; 1964. 3 марта.

только с 1962 г. по 1963 г. число преданных суду подростков увеличилось на 14%. Многие из задержанных нигде не работали и не учились. К концу 1965 г. около половины мальчиков и юношей Волжского района не посещали кружков и были предоставлены сами себе. На сессии Волжского районного Совета депутатов трудящихся было отмечено увеличение случаев озорства, хулиганства, употребления спиртных напитков и даже преступности среди подростков²⁹. Из свидетельств устной истории, собранных автором, явствует, что в городе и его округе в 1960-е гг. происходили столкновения молодежных преступных группировок «квартал на квартал» или, например, район поселка «Поливановка» с районом «Шестой дачной».

Не лучше была ситуация и в райцентрах, в частности, в Балаково. Там, как собственно и в Саратове, молодым людям негде было культурно провести свой досуг, так как наблюдался дефицит спортивных площадок и баз³⁰. Любители тенниса могли посещать только спортивное общество «Динамо», в других спортивных обществах Саратова этот вид спорта не культивировался³¹. Сократилось число ребят, посещавших спортивные школы, которые функционировали нелегально, так как официально они были закрыты (например, Петровская спортивная школа)³². Молодые саратовские рабочие жаловались на скуку в общежитиях. Так, в феврале 1963 г. рабочие третьего стройучастка треста «Дорстрой» в своем коллективном письме отметили: «... в нашем общежитии скучно. Одна отрада – голубой экран... Не часто балуют нас беседами и лекциями... Иногда присылают лекторов, выступления которых далеки от молодежных тем... от скуки некоторые ребята стали выпивать и устраивать кулачные бои, кончающиеся уводом в милицию... Наш комитет ВЛКСМ бездействует, партийное бюро его работой не руководит... некоторые из нас больше тянутся к рюмке, чем к спорту или искусству»³³. Если молодежь областного центра была недовольна своим отдыхом, то на селе и подавно молодые специалисты по вечерам не знали куда податься (Калининский, Саратовский, Дергачевский, Базарно-Карабулакский районы). В существующих там клубах и Дворцах культуры отсутствовали кружки художественной самодеятельности, не проводились тематические вечера, лекции, доклады. Культурно-массовая работа сводилась лишь к демонстрации кинофильмов и проведению танцев, но кое-где и этого не было из-за необустроенности помещений³⁴.

²⁹ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 7, д. 546, л. 6; Оп. 8, д. 14, л. 89, 102.

³⁰ См.: Коммунист. 1962. 24 марта; 1964. 14 янв.; 1965. 14 марта.

³¹ См.: Там же. 1963. 16 мая.

³² См.: Там же. 1964. 6 мая.

³³ Там же. 1963. 12 февр. См. также: Там же. 1964. 22 янв.

³⁴ См.: Там же. 1963. 29 янв., 10 февр., 23 авг.; 1964. 4 июля

Серьезные трудности в своей работе испытывали Дворцы пионеров, даже областной Дворец пионеров. Главнейшей из них был дефицит помещений. В воскресные дни в одной комнате занималось до четырех кружков. Не отвечала требованиям того времени и его материально-техническая база. Например, воспитанники кружка электроники пользовались станками, изготовленными еще до революции, юные астрономы примитивными средствами строили телескопы. Средств, отпускаемых городским отделом образования, было недостаточно для приобретения необходимых материалов: моторов и прочих дефицитных деталей. В торговой сети их приобрести было трудно, заводы слабо помогали Дворцу в их приобретении. Большинство пионерских клубов, созданных при домоуправлениях при участии Дворца пионеров, было плохо оснащено. Например, красные уголки в клубах Фрунзенского района Саратова использовались не по назначению – там взрослые играли в домино³⁵.

Все эти факты убедили пришедшее к власти во второй половине 1960-х гг. советское руководство в необходимости при выработке молодежной политики профилактике преступности уделять больше внимания. О том насколько важное значение придавалось властями этой проблеме говорит факт принятия 30 апреля 1974 г. ЦК КПСС специального Постановления «О мерах по дальнейшему улучшению организации отдыха пионеров и школьников»³⁶. Продолжали совершенствовать свою работу с детьми и подростками руководители парков культуры и отдыха им. М. Горького, Детского парка в Саратове, а также городского парка и культуры в Энгельсе. В частности, в саратовском Детском парке подростки посещали кружок баянистов, брали уроки хореографии и художественной гимнастики, посещали оранжерею. Осенью 1969 г. в этих и других кружках начитывалось около тысячи юных саратовцев³⁷. Построенный летом 1968 г. в Ленинском районе г. Саратова новый Дворец пионеров позволял заниматься в различных кружках и секциях 800 человекам, на 300 человек был рассчитан спортивный зал, на 400 мест – зрительный зал³⁸. Профтехучилища также вовлекали своих учащихся в многочисленные кружки художественной самодеятельности. В 1985 г. в училищах работало 470 таких коллективов, в которых занималось 10 тыс. человек; было создано 25 студий изобразительного и декоративного искусства³⁹.

³⁵ См.: Коммунист. 1964. 24 янв.

³⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 12. С. 114–117.

³⁷ См.: Лузина Е. С. Парк культуры и отдыха в Саратове. Саратов, 1983. С. 54–58; Коммунист. 1969. 14 окт.; 1971. 7 июня; 1973. 4 окт.

³⁸ Коммунист. 1968. 13 июня.

³⁹ Дорوفеев В. И. Рабочему классу – достойное пополнение. Система профтехобразования в Саратовской области в 1917–1985 гг. СГУ, 1988. С. 108, 110.

Школьниками стали чаще посещаться различные музеи города. Например, в 1965 г. областной музей краеведения посетило 121 тыс. человек, сотрудниками музея было проведено 1191 экскурсия для школьников и студентов. А музей-усадьбу Н. Г. Чернышевского только в 1969 г. посетило около девяти тыс. учащихся, сотрудниками музея им было прочитано 80 лекций⁴⁰. Улучшилась материально-техническая база саратовского планетария, что позволило уже во второй половине 1960-х гг. увеличить количество читаемых лекций в 4-5 раз. В середине 1970-х гг. коллективом этого учреждения проводились циклы лекций для учащихся с первого по десятый классы по естествознанию, географии, астрономии, космонавтике, биологии⁴¹. Значительно разнообразил досуг юных саратовцев цирк, особенно в дни школьных каникул. В частности, только за последнюю неделю декабря 1966 г. на 47 представлениях побывало около 100 тыс. зрителей, главным образом, конечно, юных⁴².

Отдача от проведенных мероприятий сказалась уже к концу 1972 г. – преступность среди несовершеннолетних снизилась на 18%. На 10,1% сократилось число правонарушений, совершенных учащимися ПТУ в 1973 г. по сравнению с 1972 г.⁴³. А к концу первого полугодия 1976 г. преступность среди несовершеннолетних сократилась на 2,6%. Эта тенденция была отмечена в 23 городах и районах области⁴⁴. Появление позитива в этом отношении в отдельных местностях области было во многом заслугой деятельности оперативных комсомольских отрядов, созданных при СГУ, авиационном техникуме, институте механизации сельского хозяйства и других вузах. Если в октябре 1972 г. в области действовало 180 таких отрядов с 2500 членами, то в 1981 г. уже 247 отрядов, в которых насчитывалось более 10 тыс. человек. Они выявляли нарушителей общественного порядка среди несовершеннолетних, занимались шефством над «трудными» подростками, организовывались советы семье и школе, общественные отделы кадров, создавались зоны комсомольского и пионерского влияния. По инициативе ВЛКСМ штабы подростков возникали на промышленных предприятиях, знакомя юношей и девушек с трудовыми традициями предприятий, их историей, организовались встречи с героями социалистического труда и ветеранами войны. Стала шире проводиться работа с детьми и подростками по месту жительства, улучшению их воспитания. Важную роль в этом играло областное педагогическое общество, объединявшее в своих рядах все вузы, многие техникумы и школы. Многие школь-

⁴⁰ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 14, л. 55; Коммунист. 1970. 22 июля.

⁴¹ См.: Коммунист. 1968. 23 мая; 1977. 7 апр.

⁴² Там же. 1967. 9 янв.

⁴³ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 477, л. 115; Д. 480, л. 50; Д. 778, л. 48.

⁴⁴ См.: Там же. Д. 1132, л. 100. Д. 1133, л. 26.

ники (только в 1980 г. 25 тыс. человек) проводили летние каникулы на детских площадках и в городских лагерях труда и отдыха, созданных при клубах, домах культуры и школах. Подростки больше стали вовлекаться в различные кружки. Только с 1976 г. по 1982 г. охват школ детским техническим творчеством вырос с 10,7 до 16,6%; художественным творчеством – с 49,6 до 56,5%⁴⁵.

Открытие в середине октября 1956 г. в Саратове отделения всесоюзного акционерного общества «Интурист», а затем и Саратовского городского бюро путешествий и экскурсий (1969 г.) позволило саратовской молодежи совершать туристические поездки не только по области, но и стране: в Смоленск, Брянск, Харьков, Брест, Вильнюс, Каунас, Ригу, Таллин, Ленинград. В конце 1971 г. число участников экскурсий путешествий составило уже 65,5 тыс. человек (в 1970 г. лишь 48,9 тыс.). К 1980 г. бюро путешествий и экскурсий существовали уже не только в Саратове, но и в Энгельсе, Балаково, Балашове, Красноармейске, Марксе, Хвалынске, Вольске, Пугачеве и Новоузенске. Число жителей области, воспользовавшихся услугами этих бюро, возросло до 3374 тыс. человек. Организацией экскурсий занимался также областной совет по туризму. Его сотрудниками разрабатывались интересные железнодорожные, автобусные, автомобильно-пешеходные туристические маршруты, например, по Гиссарскому хребту, по рекам Сибири, Карелии, Новгородской области, путешествие по Волго-Черноморскому пути, посещение Кавказских и Крымских заповедников. Весной 1967 г. в Саратове открылось отделение бюро международного молодежного туризма «Спутник». Уже летом этого же года им было организовано ряд поездок саратовцев в международные молодежные лагеря Прибалтики, Армении, Азербайджана, Чехословакии, ГДР, Англии, Болгарии, Польши. Однако обслуживание отдыхающих, особенно на дальних маршрутах не всегда отличалось качеством. Нарекания туристов вызывала организация питания, скудность культурно-массовой работы и низкий уровень экскурсионного обслуживания⁴⁶. В области благодаря усилиям выпускников школы по подготовке туристических кадров развивался также самостоятельный туризм: создавались секции автотуристов, разнообразные клубы на общественных началах, маршрутные комиссии. Ими организовались турпоходы по области, путешествия по рекам на шлюпках, принимали они участие и в со-

⁴⁵ См.: Хроника событий Саратовской областной организации КПСС. 1883–1983. Саратов, 1985. С. 332; Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. С. 263, 268, 312; Вместе с партией. С. 254, 270; Коммунист. 1976. 4 янв.; 1980. 31 авг.; 1981. 20 марта; ГАНИСО, ф. 594, оп. 32, д. 194, л. 5; ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 477, л. 11.

⁴⁶ См.: Коммунист. 1967. 4 июля; 1968. 12 июля; 1971. 8 июля; 1973. 30 янв.; 1981. 10 янв.; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 26 февр., 15 июля; ГАНИСО, ф. 594, оп. 12, д. 116, л. 174.

ревнованиях по спортивному ориентированию⁴⁷. Совершенствовалась материально-техническая база этого движения. Так, к весне 1967 г. в области возникло 400 новых туристско-оздоровительных лагерей, появилось 200 домов рыбака и охотника, 1300 пунктов проката снаряжения, 500 туристических клубов⁴⁸. Практиковалась и такая форма организации досуга, как туризм выходного дня, в рамках которого саратовцы и жители области совершали поездки, в частности, по ленинским местам – в Ульяновск, Казань, Волгоград⁴⁹. «Для создания мест отдыха трудящихся» в середине апреля 1965 г. Совмин РСФСР разрешил отвести 157 гектаров гослесфонда на Зеленом острове у Саратова⁵⁰. Широко использовался в туристско-экскурсионном сообщении речной транспорт. Например, в 1985 г. путешествия на таких плавучих домах отдыха совершило 187 тыс. человек⁵¹.

Отделы народного образования местных Советов совместно с ВЛКСМ и другими советскими общественными организациями организовывали слеты ученических производственных бригад, школьных лесничеств, военно-спортивные игры «Орленок» и «Зарница», олимпиады по математике, физике, химии, биологии, соревнования юных техников, туристов и т. д. В летний период школьники участвовали в уборке урожая и других формах общественного труда⁵². Например, на средства, заработанные школьниками на трудовых воскресниках 9 мая 1968 г., перед средней школой № 93 г. Саратова был открыт обелиск Герою Советского Союза М. Расковой⁵³. К 1975 г. в области было создано 137 спортивно-оздоровительных лагерей, а к 1984 г. их насчитывалось уже более 200. В этих лагерях ежегодно в летние каникулы на различной сельхозтехнике работало около трех тысяч учащихся⁵⁴. Приобщению школьников к производственному обучению также придавалось большое значение и не только для профилактики преступности, но и для получения ими различных профессий. Так, за 1970–1975 гг. 6570 выпускников саратовских школ получили различные профессии по металлообработке, в области химического производства, торговли, бытового об-

⁴⁷ См., напр.: Коммунист. 1967. 4 июля; 1971. 7 янв.

⁴⁸ Там же. 1967. 15 мая.

⁴⁹ Там же. 1968. 13 дек.

⁵⁰ Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 29 апр.

⁵¹ См.: Саратовская область за 50 лет. С. 265; Саратовская область за 70 лет. Саратов, 1987. С. 290.

⁵² См.: Матвеев М. Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977–1993 гг. Самара, 2005. С. 97–98; Геллер М. Российские заметки 1980–1990. М., 2001. С. 281–282.

⁵³ Хроника важнейших событий истории ВЛКСМ. С. 250.

⁵⁴ См.: Очерки истории Саратовской областной организации КПСС. Ч. 3. Саратов, 1982. С. 239, 297; Коммунист. 1975. 17 дек.; 1984. 5 янв.; 1985. 13 янв.

служивания, по автоделу и другим. А 25613 выпускников сельских школ вместе с аттестатом о среднем образовании получили квалификацию шофера, тракториста-машиниста и по другим сельхозспециальностям⁵⁵.

Появились новые детские и художественные школы. Только с 1965 г. по 1970 г. их количество выросло на 21 единицу. Эти школы имелись во всех районных центрах области⁵⁶. К 1980 г. в области насчитывалось уже 69 таких школ. На их базе в Балакове открылась детская балетная студия (в 1965 г.), а также ряд школ искусств (в Энгельсе, Саратове, Балашове и Новоузенске)⁵⁷. При многих средних школах существовали детские хоровые студии, занятия в которых проводились по программам детских музыкальных школ. Самая большая такая студия существовала при средней школе № 21. В ней обучалось около 160 школьников⁵⁸. Не менее значительным было число детских и юношеских спортивных школ и клубов (в 1983 г. только в Саратове насчитывалось 34 многопрофильных детских и юношеских клубов), где под руководством 813 тренеров (в их числе заслуженный тренер СССР Г. И. Шварц, заслуженные тренеры РСФСР В. Г. Попов, Н. И. Егина, М. М. Шраин) свое мастерство повышали более 30 тыс. человек по 24 видам спорта, используя для этого лучшие спортивные сооружения⁵⁹, подавляющее большинство которых было реконструировано и построено в конце 1950–1970-е гг. В Саратове это Дворец спорта⁶⁰, стадионы «Труд», «Локомотив», «Авангард», «Салют», «Горпедо», «Волга». Спорткомплекс «Юность» с хоккейной площадкой и школа олимпийского резерва по теннису располагались на территории Детского парка. Местом проведения показательных выступлений юных спортсменов (гимнастов, рапиристов, штангистов, боксеров), городских спартакиад по настольному теннису, шахматам, стрельбе, метанию диска являлся городской парк культуры и отдыха имени М. Горького. Новые стадионы, спортзалы, водноспортивные базы появились и в районных

⁵⁵ См.: Коммунист. 1975. 17 дек.

⁵⁶ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 49, л. 56.

⁵⁷ См.: Там же. Оп. 49, д. 120, л. 15; Коммунист. 1980. 6 дек.; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 29 апр., 29 июля, 16 сент.

⁵⁸ См.: Коммунист. 1973. 6 окт.

⁵⁹ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 49, д. 68, л. 60; Коммунист. 1961. 29 июля; 1967. 11 июля; 1983. 11 сент.

⁶⁰ В начале 1980-х гг. он включал в себя ледовый дворец «Кристалл», легкоатлетический манеж, бассейн «Саратов», детский плавательный бассейн и комбинат «Юность». Во второй половине 1960-х гг. Дворец спорта ежегодно принимал на занятия секций и групп более 3 тыс. человек по 24 видам спорта. Саратовцы считали его одним из лучших мест в городе (см.: Коммунист. 1976. 18 июня; 1981. 11 сент.; Варнаев С. Ю. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по развитию массового физкультурного движения в годы восьмой пятилетки. Дис. к. и. н. Саратов, 1986. С. 36).

центрах: Энгельсе, Базарном Карабулаке, Вольске, Марксе, Пугачеве⁶¹. В целом к 1985 г. в области насчитывалось 32 стадиона с количеством мест для более 1,5 млн. зрителей, 1431 футбольное поле, 4986 волейбольных, баскетбольных, теннисных площадок, 33 плавательных бассейна⁶². В их числе закрытый бассейн «Дельфин» в саратовском спортклубе «Алмаз», зимний плавательный бассейн в Саратовском высшем командно-инженерном училище и, конечно, бассейн «Саратов», построенный в 1961 г. К десятилетию бассейна его инструкторами и тренерами детских спортивных школ было обучено плаванию около 18 тыс. детей, подготовлено 24 мастера спорта, трое из которых были удостоены высокого титула мастера спорта международного класса. Это прыгуны в воду Г. Коваленко – победительница мировой студенческой универсиады 1970 г.; В. Нарышкин – серебряный призер чемпионата страны 1970 г. и 1971 г., а также Н. Михайлин – бронзовый призер чемпионата страны 1970 г.⁶³

Но, несмотря на столь масштабную и многоплановую работу девиантные проявления в молодежной и подростковой среде так и не удалось до конца ликвидировать. Уже к сентябрю 1974 г. количество преступных проявлений среди несовершеннолетних вновь увеличилось, а в 1975 г. число преступлений, совершенных этой категорией населения, выросло еще на 11,3%⁶⁴. Социологические исследования, проведенные в 1975 г. среди ребят, привлеченных к уголовной ответственности, показали, что среди опрошенных никто не увлекался интересным делом, общественной работой или спортом⁶⁵. Хулиганство, воровство, грабежи в подростковой и молодежной среде были достаточно распространенным явлением в повседневной жизни области и во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. Комсомольские организации в эти годы не раз рассматривали вопросы трудового воспитания молодежи, укрепления трудовой дисциплины, сокращения текучести кадров⁶⁶. Как метко подмечает М. Геллер, со-

⁶¹ См.: *Кавунов П. А.* Города Саратовской области. Саратов, 1963. С. 50, 54; *Семенов В.* Начальные люди Саратова. Саратов, 1998. С. 308, 324; *Варнаев С. Ю.* Указ. соч. С. 29, 31, 32; ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 3851, л. 36; оп. 12, д. 97, л. 39; Коммунист. 1969. 15 февр.; 1983. 12 февр.; *Лузина Е. С.* По паркам и скверам Саратова. Саратов, 1987. С. 66; *Она же.* Парк культуры и отдыха в Саратове. С. 66.

⁶² См.: Народное хозяйство Саратовской области. Краткий статист. сб. Саратов, 1987. С. 58.

⁶³ См.: Коммунист. 1971. 16 марта, 19 ноябр.; 1972. 31 дек.; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 24 июня.

⁶⁴ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 480, л. 68, д. 1132, л. 104.

⁶⁵ См.: Коммунист. 1975. 2 февр.

⁶⁶ См.: Там же. 1978. 16 авг.; 1979. 7 апр., 10 авг., 24 марта; ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 1132, л. 61, 102; Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. С. 303.

ветская молодежь, несмотря на масштабную идеологическую обработку ее государством, задыхалась от скуки в атмосфере реального социализма и поддавалась «тлетворному влиянию Запада» вопреки постановлению (май 1984 г.) о запрете записывать на пластинки и магнитофонные ленты западную поп-музыку без специального разрешения⁶⁷. Особенно неблагополучными в этом плане в Саратове были район шестого квартала в Саратове, Заводской район города. На проспекте Кирова и парке «Липки» «тусовались» саратовских хиппи. На Соколовой горе, в Пролетарском поселке, у театра «Теремок», в районе аэропорта, в университетском городке, у драмтеатра и на площади у Центрального колхозного рынка нашли пристанище саратовские любители «Битлз», «Ролинг стоунс» и т.д.⁶⁸. Именно в этих и других районах города (Поливановка, Пролетарский поселок, Октябрьский район и другие) в начале 1970-х гг. не имелось внешкольных учреждений. В Аткарске, Петровске и Пугачеве по-прежнему не было даже простейших спортивных сооружений, в Саратове они были неравномерно размещены. Не удовлетворяли культурных потребностей молодежи и многие сельские клубы в Лысогорском, Саратовском, Калининском районах⁶⁹. Девиантные проявления в разное время наблюдались также в Хвальнске, Марксе, Ртищеве, Энгельсе, Аркадакском, Балашовском, Ершовском, Ивантеевском и ряде других районов области⁷⁰.

Среди прочих причин роста девиантных проявлений среди молодежи нужно назвать отсутствие загородных пионерлагерей при ряде промышленных предприятий (в их числе завод «Серп и Молот», станкостроительный, областное управление молочной промышленности), неприглядный вид детских площадок в парках «Липки» и Детском, их нехватка во дворах жилых домов, явный дефицит детских клубов по месту жительства, при домоуправлениях и ЖКО. К 1982 г. на 88 тыс. школьников в Саратове имелось всего 18 таких клубов. Однако многие из них были не в состоянии вместить всех желающих, а клубные программы кроме просмотра кинофильмов ничего больше не предлагали. Особенно это касалось сельской местности⁷¹. Из уст многих малолетних преступников во время общения с представителями правоохранительных структур можно было услышать следующее: «Скучно, одно и то же изо дня в день. Вечерами деваться некуда... В комсомоле состоял, но мне ничего не по-

⁶⁷ См.: Геллер М. Указ. соч. С. 172, 281.

⁶⁸ См.: Коммунист. 1976. 11 дек.; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести. 2000. 24 июня, 22 июля; ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 783, л. 210 об., 211.

⁶⁹ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 48, л. 56, д. 477, л. 122; Коммунист. 1969. 24 апр.; 1971. 27 окт., 18 ноябр.; 1973. 31 мая; 1976. 10 янв.

⁷⁰ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 778, л. 280, д. 783, л. 213, д. 1132, л. 101.

⁷¹ См.: Коммунист. 1969. 29 апр.; 1973. 31 мая; 1976. 10 янв., 27 февр.; 1978. 25 февр., 25 марта; 1979. 29 апр., 7 дек.; 1981. 30 янв., 25 июня; 1982. 15 ноябр.

ручали, словно я и не существовал»⁷². Мало интереса вызывала и учеба в музыкальных школах. Например, учащиеся одной из таких школ при дворце культуры «Россия» (г. Саратов) в период с 1965 по 1975 гг. практически не принимали участия в общегородских концертах. Ее выпускники редко продолжали учебу в высших музыкальных учебных заведениях, успеваемость не превышала 90,6%⁷³. Определенную роль в распространении различных отклонений от общепринятых норм поведения и морали среди школьников сыграл формальный подход некоторых классных руководителей при проведении и подготовке различных мероприятий. Они проводились подчас без учета интересов и склонностей детей, скучно и пассивно⁷⁴. Требовали совершенствования и методы воспитания детей дошкольного возраста, об этом не раз сообщали в своих письмах некоторые опытные воспитатели Саратова⁷⁵. Однако в сравнении с началом 1960-х гг. к середине 1980-х гг. налицо были определенные достижения в сфере молодежной политики. К примеру, если в 1960 г. в области насчитывалось 1601 клубное учреждение, то в 1985 г. их насчитывалось уже 1668; на порядок выросло количество спортивных сооружений, а также киноустановок, особенно в сельской местности⁷⁶. Это, несомненно, вносило значительное разнообразие в досуг учащейся молодежи. Поэтому масштабов, характерных для заката хрущевского правления, проявления девиантности в молодежной среде все же не достигли, хотя проблемы в этой сфере сохранялись по-прежнему.

⁷² См.: Коммунист. 1967. 18 дек.

⁷³ См.: Там же. 1975. 7 янв.

⁷⁴ См.: Там же. 1974. 30 авг.

⁷⁵ См., напр.: Там же. 1967. 2 дек.

⁷⁶ См.: Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет. Советской власти. С. 412, 414, 425; Народное хозяйство Саратовской области. Краткий статист. сб. С. 71, 75, 76.

М. В. Бульчев

**ДИНАМИКА ТОРГОВЛИ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

На протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. Саратовское Поволжье относилось к числу наиболее заселяемых районов страны¹. Важнейшим итогом массовой крестьянской колонизации стало быстрое экономическое развитие края.

Северная часть края, в основном заселенная во второй половине XVII–XVIII в., уже в конце XVIII – начале XIX в. становится районом, поставляющим продукты земледелия, главным образом хлеб². Несомненно, благотворное влияние на развитие торговли оказывало углубление территориального разделения труда, происходившее в этот период как следствие роста емкости внутреннего и внешнего рынков России. В Саратовском крае это нашло выражение в специализации на выращивании определенных культур. В структуре посевов постоянно росла доля одной из главных товарных культур – пшеницы. Ее удельный вес поднялся с 13,3% в конце XVIII в. до 25,3% в середине XIX в.³ Она вышла на второе место после ржи, вытесняя в ряде местностей и эту культуру. К концу 1850-х гг. «пшеничными» местностями правобережья считались прилегающие к Волге части уездов Хвалынского, Вольского и Саратовского, целиком Камышинский, Царицынский и южные части Аткарского и Балаповского уездов. Пшеницей здесь засевалось до 50% полей у помещиков и от 45 до 67% у крестьян. Основной культурой Заволжья, которой, по мнению современника, возможно, несколько преувеличенному, засевалось 90% всех полей, являлась высоко ценящаяся на российском и мировом рынках твердая пшеница сорта

¹ Бульчев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 13–28.

² Любомиров П. Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов, 1928. С. 19.

³ Бульчев М. В. Указ. соч. С. 72.

«белотурка»⁴. Рожь по-прежнему сеялась как основной продукт питания крестьян, но частично поступала на рынок, как и другие зерновые культуры – овес, ячмень, просо. Кроме того, рост посевов ржи стимулировался и развитием дворянской винокуренной промышленности. Одним из важнейших показателей степени втягивания сельскохозяйственных районов в рыночную сферу является товарность земледелия. По подсчетам И. Д. Ковальченко, в 1804 г. товарность земледелия в Саратовской губернии составляла всего 9,8% валового сбора хлебов, и была значительно ниже соответствующих показателей Черноземного центра, а в 1850-х гг. в Саратовской и Самарской губерниях⁵ она доходила до 25 %, превышая степень товарности и по Черноземному центру, и по Поволжью в целом⁶. В среднем же товарность российского земледелия даже в 1850-х гг. не превышала 18% валового сбора хлебов⁷.

Товарный характер носило и крестьянское скотоводство на юге Заволжья, в первую очередь в Царевском уезде, где земледелие не достигло уровня других уездов и где имелись степи удобные для ведения скотоводства в широких масштабах. По официальным сведениям, которые лишь приблизительно отражали реальность, многие хозяева здесь имели по 20 голов крупного скота и до 50 овец, а зажиточные владели стадами от 100 до 300 голов крупного скота и до 500 овец. На правобережье, в хозяйствах крупных помещиков, также развивалось скотоводство, главным образом тонкорунное овцеводство⁸.

На юге края значительное распространение получило бахчеводство. Арбузами, дынями, тыквами в Царицынском, Камышинском, Новоузенском и Царевском уездах засеивались огромные плантации. Лучшие арбузы, называемые «камьшинские», получившие всероссийскую известность, выращивались на обоих берегах Волги ниже Камышина. Селения: Дьяковка, Салтыковка, Потемкино, Курнаевка, Камышкино, Иловатка и другие специализировались на бахчеводстве. Самыми знаменитыми арбузами славился Быковский хутор.

⁴ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 121, 125; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 4. С. 92; Сафронов А. Описание Саратовского Заволжья // Журнал министерства внутренних дел. Ч. XXXV. С. 376.

⁵ Нужно напомнить, что заволжские Николаевский и Новоузенский уезды, специализировавшиеся в основном на рыночных поставках зерна, с 1851 г. относились к вновь образованной Самарской губернии.

⁶ См. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 96.

⁷ См.: Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981. С. 246.

⁸ Бульчев М. В. Социально-экономическое развитие Саратовского края в первой половине XIX века. Саратов, 1990. С. 28.

Товарную известность, выходящую за рамки губернии, имели масляные культуры (подсолнечник, горчица), табаководство, садоводство. К середине XIX столетия уже весь край становится одним из крупных в рамках империи поставщиков сельскохозяйственной продукции для всероссийского рынка.

Крупные, средние и даже мелкие предприниматели, представлявшие различные сословия, начинают в первой половине XIX в. вкладывать свои средства в ряд отраслей перерабатывающей промышленности, продукция которых находила сбыт и за пределами губернии⁹. В ряде крестьянских и колониетских селениях края распространились характерные для многих регионов неземледельческие промыслы, связанные, в основном, с местным рынком¹⁰. Но один промысел, на основе которого появилось мануфактурное производство – сарпинковый, стал приобретать всероссийскую известность¹¹.

Таким образом, в Саратовском Поволжье на протяжении первой половины XIX в. сложился крупный специализированный экономический комплекс. Он включал в себя развитое сельское хозяйство, в значительной степени уже ориентированное на рынок и ряд отраслей агроперерабатывающей промышленности, базировавшихся на местном сырье. Нижневолжский регион окончательно становится органичной частью всероссийского товарного рынка, со своей ярко выраженной спецификой, сохранявшейся, с небольшими дополнениями, и в начале XX в.

Важным фактором ускоренного развития края являлось то, что его территорию пересекала примерно на две равные части Волга, крупнейшая речная торгово-транспортная система России, на которой замыкались разветвленные сухопутные тракты¹². Именно здесь, в приволжской экономической зоне, где размещались Саратов и еще пять правобережных городских поселений (Хвалынский, Вольск, Камышин, Дубовка, Царицын), а также самые крупные сельские поселения левобережья (Балаково, Екатериненштадт, Покровская слобода) к середине столетия уже были весьма заметны черты еще не

⁹ См.: Бульчев М. В. Развитие перерабатывающей промышленности Саратовской губернии в первой половине XIX в. // Четыре века. Сб. статей. Саратов, 1991. С. 52–68.

¹⁰ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1322, л. 4 об.–48. РНБ ОР, ф. 37, ед. хр. 3б, л. 232–321; Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. СПб., 1859. С. 248, 253–255.

¹¹ Бульчев М. В. Экономика немецких колоний Саратовского края в первой половине XIX века // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы российско-германской научной конференции. М., 1995. С. 171.

¹² Более подробно об этом см.: Бульчев М. В. Эволюция транспортной системы Поволжья в конце XVII – начале XX века // Поволжский край. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 52–60.

характерного для большинства регионов России нового капиталистического общества.

Развитие рыночных отношений в крае, как и в целом по стране, неизбежно проявлялось в развитии сети торговых пунктов. Наиболее характерной для данного времени становилась ярмарочная торговля.

Ярмарочная сеть края в первой половине XIX в. непрерывно возрастала, распространяясь с северо-запада на юг и юго-восток, на вновь осваиваемые территории. Интересным источником, позволяющим судить о состоянии ярмарок губернии в начале XIX в. является рукопись «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», хранящаяся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹³. По данным этого источника, тогда в губернии насчитывалось 30 ярмарок, причем 16 из них приходились на наиболее заселенные Кузнецкий, Сердобский и Балашовский уезды. В Петровском, Вольском, Хвалынском, Камышинском уездах сеть ярмарок была более редкой. Отсутствовали они в Саратовском уезде (возможно, сказывалась близость губернского центра с его тремя ярмарками). На территории самого обширного уезда Правобережья действовала лишь одна ярмарка – в г. Аткарске. Еще не появились они и в самом южном Царицынском уезде. В соседней Астраханской губернии на протяжении всей первой четверти XIX в. ярмарок вообще не было¹⁴. Первая ярмарка там открылась только в 1825 г. в г. Черный Яр¹⁵. Вместо ярмарок, основу торговой сети по уездам региона, как это выяснил П. Г. Любомиров, составляли в этот период еженедельные базары¹⁶. Довольно развитая, замкнутая цепь базаров в Сердобском и Кузнецком уездах отмечается уже описанием Саратовского наместничества 1782 г.¹⁷. В основном как сельские,

¹³ РГБ (ОР), ф. 68, ед. хр. 229. Содержание этой рукописи можно датировать второй половиной первого десятилетия XIX в. Так, упоминается возобновление «с прошлого 1804 года» службы в Троицком соборе (л. 47 об.). На л. 162 копии, хранящейся в архиве Санкт-петербургского института истории РАН. (Кол. 115, оп. 1, д. 352), упоминается «нынешний 1804 год». Весь же текст рукописи мог быть составлен в последующие два-три года. На время завершения рукописи указывает и то, что московский вариант написан на бумаге ярославского производства с датированными 1806 г. водяными знаками; количество душ приведено по V ревизии 1795 г. (VI состоялась в 1811 г.). Эту рукопись, или ее копию (мне известно о трех ее экземплярах), хранившуюся в библиотеке Академии Наук СССР, исследовал еще в 1920-х гг. П. Г. Любомиров (см.: «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XX века»).

¹⁴ РГБ (ОР), ф. 178, ед. хр. 9149, л. 16 об.–35.

¹⁵ Карагодин А. И. К истории торговли Астраханского края: конец XVIII–первая половина XIX века // Изв. Сев.-Кавк. науч. центр высшей школы. Сер. обществен. Науки. 1976. № 2. С. 80–87.

¹⁶ Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 69–70.

¹⁷ См.: Саратовские губернские ведомости. 1860. № 2–7.

так и городские ярмарки начала XIX в. были незначительными и по оборотам торговли, и по количеству участников. Ассортимент товаров большинства ярмарок был еще не широк и ориентировался на скромные потребности крестьян, горожан и, в меньшей степени, на запросы провинциального дворянства. Разницы в товарах на некоторых ярмарках, по сравнению с базарами, почти не было. Наиболее значительными в этот период были осенняя Введенская ярмарка в Саратове и Покровская в с. Беково Сердобского уезда. Покровская ярмарка, продолжавшаяся неделю, собирала, помимо местных, торговцев из соседних губерний: с «красным товаром» и фруктами – пензенских и кирсановских, с изделиями из серебра и донскими винами – тамбовских и воронежских. Продавались и многие другие товары: железные изделия, чай, сахар, а также скот, птица, шерсть, холст и прочее. Наплыв народа был так велик, что 200 дворов села не могли вместить всех прибывших, поэтому часть торговцев и покупателей размещалась в поставленных палатках или просто в своих телегах¹⁸.

По мере того, как заселялись и включались в товарный оборот новые территории, расширялась и ярмарочная сеть. Основным источником, позволяющим определить количество ярмарок, рост их числа и примерные объемы торговли, являются отчеты губернаторов. С 1842 г. к ним прилагались ведомости о числе ярмарок по уездам и количестве привезенных и проданных товаров на каждой в денежном выражении. Этот источник, как и многие другие в отчетах губернаторов, не может считаться абсолютно точным. Однако взятые на протяжении десятилетий однородные сведения дают возможность показать примерный объем ярмарочной торговли и направление ее эволюции. В 1832 г. ярмарок было уже 71, в 1850 г. – 146¹⁹, в 1861 г. (с учетом отошедших к Самарской и Астраханской губерниям трех заволжских уездов) – 216²⁰. Особенно быстро развивалась ярмарочная торговля в Заволжье. В начале столетия ее здесь еще не было, а в 1844 г. в Николаевском, Новоузенском, Царевском уездах функционировали 24 ярмарки, или 23% ярмарок губернии²¹. В 1861 г. их численность здесь возросла до 89, а удельный вес – до 41,2% ярмарок всего Саратовского края (с учетом Заволжья). Всего же количество ярмарок в крае с начала века до 1861 г. увеличилось в 7,2 раза, тогда как в среднем по стране лишь в 1,4 раза²². Происходило экстенсивное расширение рынка путем вовлечения в торговый

¹⁸ РГБ (ОР), ф. 68, ед. хр. 229, л. 209.

¹⁹ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 68, л. 36 об.

²⁰ Там же. Оп. 6, д. 50, л. 142 об.–152, д. 53, л. 194–196 об.; ГААО, ф. 1, оп. 11, д. 106, л. 106.

²¹ РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1845 г., д. 17, л. 131 об.–33 об. (Подсчет процентов мой – М. Б.).

²² Митронов Б. Н. Указ. соч. С. 61.

оборот новых, осваиваемых районов обширного степного Заволжья. Аналогичные явления наблюдались в центральной и южной частях Правобережья. В Камышинском, Царицынском и Саратовском уездах в 1861 г. находилось от трех до семи сельских ярмарок и по 2–3 городских. Особенно заметными были перемены в Аткарском уезде, где помимо двух городских, значилось 24 сельские ярмарки²³. Наблюдалось и интенсивное развитие путем увеличения плотности всех форм торговли и, в первую очередь, ярмарочной. Плотность ярмарочной сети на уже освоенных территориях Правобережья за первую половину столетия значительно изменилась: в Сердобском уезде (здесь и далее с учетом города) в 1,7 раза, Балашовском – 2, Кузнецком – 3,2, Хвалынском – 3,3, Петровском – 7. Теперь уже ярмарки, а не базары, составляли основу периодической формы торговли.

Опережающие темпы роста ярмарок края, по сравнению с общероссийскими, лишь отчасти объясняются тем, что регион на данном этапе еще продолжал заселяться²⁴. Необходимо учитывать и динамичное развитие экономики обеих частей Саратовского края, ставшего к концу крепостнической эпохи не только крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции, но и заметным потребителем промышленных изделий. В процессе складывания единого всероссийского рынка и углубления территориального разделения труда, специализация отдельных районов и целых регионов укрепляла торговые межрайонные и межрегиональные связи. Эта закономерность распространялась и на Саратовский край.

Большинство ярмарок и в середине XIX в. были мелкими и обслуживали окрестные селения. Некоторые из них в отдельные годы вообще не открывались из-за отсутствия торговцев. Так, в 1861 г. не было съезда на 11 из 42 ярмарок Николаевского уезда и на 3 из 23 – Новоузенского уезда²⁵. В то же время значение некоторых выходило за пределы уезда или даже губернии.

Крупнейшей ярмаркой Правобережья оставалась Покровская в с. Беково Сердобского уезда. В 1861 г. на нее было привезено товаров на 600 тыс. руб. (13,8% стоимости представленных товаров на всех ярмарках Саратовской губернии), а продано на 398 тыс. руб. (18,9% всех проданных ярмарочных товаров губернии). На юге Правобережья с ней была сопоставима по значимости лишь Троицкая ярмарка в посаде Дубовка (соответственно 22,6 и 15,6% всех привезенных и проданных товаров по губернии)²⁶. Она проходила с 10 мая по 10

²³ РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 53, л. 194–196 об.

²⁴ Бульчев М. В. Социально-экономическое развитие Саратовского края в первой половине XIX века. С. 4–12.

²⁵ РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 50, л. 148–152 об.

²⁶ Там же. Д. 53, л. 195, 196. (Подсчет процентов мой – М. Б.).

июня. О значении этой ярмарки свидетельствует тот факт, что по величине ярмарочной торговли посад был впереди не только уездного Царицына, но и губернского Саратова. По сведениям Д. Л. Мордовцева ярмарочные обороты посада Дубовки, городов Царицына и Саратова с конца 1840-х по 1850-е гг. имели следующий вид: посад Дубовка – 683 тыс. рублей, Царицын – 221 тыс. рублей и Саратов – 308 тыс. рублей²⁷. Таким образом, обороты ярмарки Дубовского посада почти втрое превосходили обороты трех ярмарок Царицына и более чем в два раза обороты трех ярмарок Саратова. На ней продавалось немало товаров, которые являлись важнейшими частями транзитной торговли посада: хлеб, изделия из железа, коровье масло, лес и изделия из дерева, промышленные товары. Даже в неблагоприятном для торговли 1848 г. из общего привоза товаров на сумму 453 тыс. рублей, вышеуказанных товаров было привезено на сумму 255 тыс. рублей²⁸. Обороты ярмарки в отдельные годы превышали 1,5 миллиона рублей. В период ее работы сюда стекались жители области Войска Донского. Часто здесь можно было встретить купцов из Персии и с Северного Кавказа. С левобережья и юга приезжали калмыки, татары и казахи для закупки хлеба, кирпичного чая, курительного табака, пестряди, выбойки, изделий из железа и других промышленных изделий²⁹. Большое значение Троицкая ярмарка имела для крестьян, о чем говорят сроки ее проведения. Крестьяне приобретали на лето земледельческие орудия, семена, изделия промышленности, соль, а нередко покупали и хлеб, так как их запасы выходили за зиму и весну. Погода и дороги, подсохшие после весенней распутицы, также способствовали проведению ярмарки в это время. Она обслуживала обширную территорию. Товары с нее расходились на многие сельские ярмарки.

В Заволжье наиболее известной считалась Покровская ярмарка в г. Новоузенске, продолжавшаяся с 1 октября в течение двух недель и специализировавшаяся на торговле скотом, который пригоняли жители Новоузенского, Николаевского, Царевского уездов, казахи Внутренней орды, казаки Уральского войска. В город стекалось до 780 торговцев, 4000 крестьян и до 9500 казахов. Многие горожане промышленляли обслуживанием съехавшихся продавцов и покупателей. На период торгов открывались гостиница, 37 харчевни, до 50 постоянных дворов, сдавались внаем квартиры. Производились оптовые закупки гуртов скота для отправки в Петербург, Москву, многие губернные города³⁰. В 1861 г. сумма представленных на Покровской

²⁷ Мордовцев Д. Л. Значение ярмарок для Саратовской губернии // Саратовские губернские ведомости. 1857. 16 марта.

²⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 761, л. 18.

²⁹ Терещенко А. В. Царицын и Дубовский посад. СПб., 1848. С. 19.

³⁰ Самарские губернские ведомости. 1852. 9 авг.

ярмарке товаров составила 723 тыс. руб., а проданных – 347 тыс. руб. (соответственно 13 и 25,3% товаров всех ярмарок трех заволжских уездов)³¹.

Видоизменялся и ассортимент товаров. На большинстве городских ярмарок, кроме специализированных, главными предметами торговли становятся промышленные товары, привозимые из Центрального промышленного района, Нижегородской и других крупных ярмарок, а продажа продовольствия – менее значительной. Так, на наиболее крупной ярмарке Саратова – Введенской, доля проданных съестных припасов в 1847 г. составляла менее 11% общей суммы реализованных товаров³². На сельских ярмарках и многочисленных базарах, которые успешно дополняли и уплотняли сеть периодической торговли, в основном продавались хлеб, скот, овощи, различные «крестьянские» товары.

В первые десятилетия XIX в. важное место в торговле Саратова занимали три его ярмарки. С открытием навигации, с 9 мая по 1 июня, собиралась Никольская ярмарка. Она происходила на берегу Волги у Казанского взвоза³³. Торговля производилась в лавках и балаганах, но преимущественно шла на воде, на больших и малых судах, приплывших с верховьев Волги и Оки. На нее прибывали большей частью торговцы из губерний: Московской, Нижегородской, Владимирской, Костромской и других. По Волге привозили самые разнообразные товары: глиняную обливную, фаянсовую, фарфоровую, стеклянную, хрустальную посуду, детские свистульки, деревянные лавки различных величин, тележки, бочонки, кадки, ковши, медные, чугунные и стальные изделия, вещи для домашнего обихода, сахар, чай, кофе, а также «красный» товар – ситец и другие хлопчатобумажные изделия. Из Астраханской губернии и области Войска Донского поступали виноградные вина, персидские и астраханские фрукты, рыба. В конце 1820-х гг. всех товаров привозилось на 300–400 тыс. руб., а продавалось на 65–75 тыс. руб. Покупали товары на этой ярмарке в основном жители Саратова и губернии.

Вторая ярмарка – Казанская проводилась с 1 по 3 июля. На нее съезжались торговцы и крестьяне только Саратовской губернии, как для покупки, так и для распродажи крестьянских изделий: колес, телег, дровней, оглоблей, деревянной посуды, чугунных и металлических вещей домашнего обихода. Иногда пригонялись табуны татарских, калмыцких, русских лошадей от 300 до 500 голов. Всех товаров поступало на 20–40 тыс. руб. и почти все, за исключением лошадей, продавались без остатка.

³¹ РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 50, л. 8, 142 об. (Подсчет процентов мой – М. Б.).

³² ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 761, л. 105.

³³ Около устья Глебучева оврага.

Третья ярмарка – Введенская, собиралась с 21 октября по 21 ноября. Торговля проводилась в том же Гостином дворе. Съезд торговцев на эту ярмарку обычно бывал большой. Приезжали, кроме саратовских, купцы из Московской, Тульской, Казанской, Астраханской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Петербургской, Пензенской, Рязанской губерний с товарами: сукнами, шелковыми и полупелюковыми материями, хлопчатобумажными, шерстяными и нитяными изделиями, как российских, так и иностранных фабрик. Продавались изделия из кожи, серебра, меди, стали, чугуна, разнообразная посуда, сибирские меха, соленая рыба, сахар, чай, кофе, табак и другие – всего на 2–3 млн рублей. Треть всех товаров распродавалась. Покупали товары жители Саратовской и соседней губерний: Пензенской, Симбирской и отчасти Воронежской. Со времени основания ярмарки сюда для покупки красной и соленой рыбы прибывали купцы из верхних губерний³⁴. Таким образом, Никольская и Введенская ярмарки относились в первые десятилетия XIX в. к числу крупных (с оборотом продажи свыше 50 тыс. рублей) и входили в первую сотню российских ярмарок³⁵. Нераспроданные на ярмарках товары купцам, из-за дороговизны перевоза на большие расстояния, приходилось везти на ближайшие по расположению и времени проведения ярмарки и так до тех пор, пока товары не реализовывались полностью.

Наряду с периодической торговлей в крае, как и в целом по России, развивалась стационарная форма торговли в виде постоянно действующих гостиных дворов, торговых рядов, магазинов, лавок, лабазов и прочих торговых точек. Эта форма торговли имела распространение, главным образом в городах. Повышение значения стационарной торговли проявилось в увеличении численности постоянных торговых заведений, а также населенных пунктов с постоянной торговлей. В начале XIX в. в Саратовской губернии сфера деятельности стационарной торговли охватывала лишь шесть городов и посад³⁶. К 1833 г. уже во всех городских поселениях существовала лавочная торговля³⁷. Однако степень этого роста в разных торговых центрах была неодинаковой.

Значение Саратова, как экономического центра обширного динамично развивавшегося края, известного транзитного пункта, одного из крупнейших по количеству жителей городов России, усиливалось с каждым десятилетием. Чиновник особых поручений при Хозяйственном департаменте министерства внутренних дел титу-

³⁴ РНБ (ОР), ф. 4, ед. хр. 584, л. 139 об.–141.

³⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 223.

³⁶ См.: РГБ ОР, ф. 68, ед. хр. 229, л. 53 об.–228.

³⁷ Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 году. СПб., 1834. С. 40–41.

лярный советник А. Стобеус, ревизовавший в августе 1844 г. городское хозяйство Саратова, дал этому городу очень высокую оценку: «Город Саратов, имея более 40 тыс. жителей обоего пола, значительное количество торговых капиталов и пользуясь особенными выгодами по положению по реке Волге, служит средоточием промышленности обширного края, отдаленного от центра России. В городе Саратове особенно развиты важнейшие отрасли торговой промышленности: хлебной, соляной, рыбной, лесной, дегтярной; по обилию земель в окружности Саратова жители его в значительном количестве занимаются хлебопашеством, скотоводством и садоводством. Не менее важны в городе Саратове, по сравнению с другими отдаленными от столиц губернскими городами, ремесленные и фабричные промышленности, а равно и все мануфактурные производства, поддерживаемые требованиями местных потребителей»³⁸. В середине 1850-х гг. саратовский краевед и публицист Д. Л. Мордовцев, указывая на предпочтительность соединения железной дорогой с Москвой именно Саратова (из числа волжских городов), подчеркивал, что именно здесь находится центральная пристань Среднего и Нижнего Поволжья и быстрее всего развивается торговля³⁹.

В коммерческой жизни Саратова стационарная форма торговли начинала играть все более важную роль. Количество торговых заведений быстро увеличивалось. В 1847 г. их насчитывалось 881⁴⁰. С 1840-х гг. в Саратове наблюдается тенденция вытеснения ярмарочной торговли стационарной, что было характерно для наиболее развитых городских центров страны. По словам старожила – саратовца И. Я. Славина ярмарки становились «историческими пережитками, отзвуками старого Саратова – Саратова без пароходов, без железной дороги. Они, эти ярмарки, и ютились, поэтому, в центрах и урочищах старого Саратова. С улучшением путей сообщения, с проведением железной дороги от Саратова они потеряли всякое значение, и, кажется, без всякого начальственного распоряжения, сами собой, сошли на нет, аннулировались и умерли естественной смертью»⁴¹. С 1838 г. по 1858 г. привоз товаров на Введенскую ярмарку сократился почти в 15 раз. Саратовские ярмарки функционировали и в последующее время, но ведущая роль в торговле постепенно переходила к базарам, без которых не могли существовать крупные города, и многочисленным лавкам и магазинам, появившимся во всех частях города. «Ярмарочная торговля падает там, где развивается постоян-

³⁸ РГИА, ф. 1287, оп. 39, д. 78, л. 32–32 об.

³⁹ Мордовцев Д. Л. О важности соединения Среднего Поволжья с центром России и южными морями. Саратов, 1857. С. 4–5.

⁴⁰ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852. С. 34, 35.

⁴¹ Славин И. Я. Минувшее – пережитое // Волга, 1998. № 2–3. С. 113.

ная торговля. В особенности это заметно в Саратове», – точно подмечено в отчете губернатора за 1861 г.⁴² Этот крупнейший поволжский город уже не имел нужды в ярмарках, которые все еще оставались основной формой торговли в уездных городах и, тем более, в отдаленных от городов селениях.

В городской торговле и крупных селениях края ярмарочная и лавочная торговля дополнялись базарной. Даже в жизни Саратова они играли важную роль.

Базары рассматривались как способ снабжения горожан дешевыми продуктами питания из первых рук. Приезжающие на базары с разными съестными припасами торговцы могли продавать свой товар с возов беспроцентно в местах, указанных базарными смотрителями. Впрочем, вскоре по своему назначению городские базары стали универсальными.

Центром притяжения саратовской городской торговли в XVIII–первых десятилетиях XIX в. оставались берег Волги и, особенно, Соборная площадь⁴³. Около Троицкого собора находился Гостиный двор, построенный, по-видимому, в конце XVIII в. Он состоял из торговых рядов. Ближайший к собору щепетильный ряд имел каменные лавки: десять лавок принадлежали обществу купцов и мещан, 12 – именитому купцу Мещанинову, восемь – купцу Крылову и четыре – купчихе Малгиной. По соседству находились шапочный и свежерыбный ряды. На площади располагался и первый саратовский базар, который делился на две части: Пеший⁴⁴ и Нижний. Со временем первое название распространилось на весь базар. Площадь вокруг Троицкого собора уже в начале 80-х гг. XVIII в. была, по-видимому, чрезвычайно перегружена торговыми местами. В 1784 г. второй саратовский наместник П. С. Потемкин предложил городскому магистрату рассмотреть возможность вывода хлебных и горянских рядов за город, мотивируя это тем, что территория настолько стеснена постройками, что в случае пожара они погибнут, а торговцы могут «прийти в нищету». Проект наместника был поддержан императрицей, но саратовское купеческое и мещанское общества, рассмотрев вопрос о заведении нового базара на окраине, кроме уже существующего в центре города, просили Екатерину II оставить все «по-прежнему впредь до воспоследовавшего всему здешнему городу общего плану...»⁴⁵.

Пожары действительно наносили громадные ущербы торговцам. Так, 10 июня 1800 г. сгорело 174 лавки Гостиного двора и примы-

⁴² РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 53, л. 21 об, 22.

⁴³ Позже Старособорная площадь, ныне – Музейная.

⁴⁴ Пешим он назывался, по-видимому, потому, что до него можно было добираться пешком из большинства кварталов тогдашнего небольшого Саратова.

⁴⁵ ГАСО, ф. 15, оп. 1, д. 19, л. 1–4.

каюшей территории с товарами на сумму 79450 руб. Кроме того, огнем было уничтожено еще 55 лавок у Никольской церкви (находилась на углу нынешних улиц Чернышевского и Московской)⁴⁶. Впрочем, вскоре торговая площадь с Гостиным двором была отстроена вновь. Каменный двухэтажный Гостиный двор, выстроенный двумя флигелями возле собора упоминается в описании губернии начала XIX в.⁴⁷ К 1811 г. он, по-видимому, уже успел обветшать и не отвечал новым требованиям. Поэтому саратовское купеческое и мещанское общества, с разрешения губернатора А. Д. Панчулидзева, за очень умеренную цену – 3 коп. за квадратную сажень, купили в том же году место под постройку нового Гостиного двора⁴⁸ между Троицким собором и Никольской церковью.

После еще одного пожара 21 июня 1811 г., уничтожившего центральную часть города⁴⁹, императором в 1812 г. была утверждена новая планировка города. Предусматривалось ей и строительство Гостиного двора. Строительство его началось, видимо, в 1818 г. В течение нескольких десятилетий Гостиный двор был наиболее удобным торговым заведением города. Здесь арендовали лавки многие известные купцы. Саратовец А. Н. Минх так описывал его в 1853 г.: «Ближе к Старому собору⁵⁰, между Никольской церковью и собором, помещается гостиный двор, где лучшая лавка – братьев Жегиных, с надписью на стеклянных дверях «без запросу»; кроме того, суконные и разных материй – Арского, Шерстобитого, Богданова, лавка Лысенкова и прочие. В гостином дворе бывает ярмарка в ноябре, и тогда приезжие купцы помещают свой товар в верхнем ярусе...»⁵¹. В середине XIX в. в Гостином дворе было 212 лавок, из которых были заняты товарами: панскими – 10, красным и хлопчатобумажным – 15, кожаным – 13, валеночным – 1, галантерейным – 1. Остальные 172 лавки были свободными⁵² и, видимо, использовались только под складирование товаров во время проведения ярмарок.

А торговая площадь, как и ранее, была запружена разнокалиберными торговыми местами. Но уже к середине XIX столетия, по мере роста населения и территории Саратова, эта торговая площадь те-

⁴⁶ Гераклитов А. А. Саратовские пожары 1800 и 1801 г. // Труды СУАК, 1916. Вып. 33. С. 6, 15.

⁴⁷ Архив Санктпетербургского института истории Российской Академии наук. Коллекция 115, оп. 1, д. 352, л. 33 об.

⁴⁸ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 630, л. 74, д. 672, л. 191 об., ф. 4, оп. 1, д. 440, л. 9.

⁴⁹ Убыток горожан тогда составил более 3,5 млн рублей. См.: Там же. Д. 708, л. 2.

⁵⁰ Троицкому собору, к этому времени был построен новый Александроневский собор, который не сохранился до нашего времени.

⁵¹ Очерк А. Н. Минха «Саратов и его жизнь в 1853 году» // Земли родной минувшая судьба. Саратов, 2007. С. 232–233.

⁵² ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 3170, л. 47.

ряла былую славу, уступая первенство новым городским площадям и базарам. Тот же Минх сообщает: «... За Театральной площадью следует Верхний базар (Хлебная площадь)⁵³, заваленный каждое утро огромным количеством провизии, мясом, зеленью, возами хлеба, сена и прочего. Эта площадь выходит на Московскую улицу, против церкви Петра и Павла (Сретения господня тож) и рядом с гостиницей «Париж»⁵⁴. Подобная же торговая площадь есть у церкви Митрофания – Сенная⁵⁵, где тоже свозится большое количество всяких съестных припасов»⁵⁶.

В 1808 г. была образована новая торговая площадь – Хлебная, названная так потому, что на ее территории находились амбары для зерна. На ней существовал и конный базар, велась торговля сеном. В 1820-х гг. амбары были переоборудованы в конюшни для жандармских и гусарских лошадей. Часть амбаров была перестроена под мучные лавки. Здесь же находились колодцы, снабжавшие водой горожан, и устроены колоды для водопоя лошадей.

В 1851 г. городская дума, по указанию губернатора М. Л. Кожевникова, продала участок земли на Хлебной площади каким-то мешчанам Сосновцевым, возможно, подставным лицам, от которых он, в 1856 г. по купчей крепости перешел к городскому голове Л. С. Масленникову. Последний выстроил на этом месте каменные лавки, перепродав их в дальнейшем влиятельным саратовским купцам. Приобрели здесь же места и понастроили лавки и некоторые другие кушцы⁵⁷. Так было положено начало Нового гостиного двора. Он был одноэтажный в форме неправильного четырехугольника. В его корпусе находилось 46 лавок в основном с мануфактурными и галантерейными товарами. Гостиный двор «переманил к себе всех посетителей, потому что лавки в нем теплые, светлые, да находятся они в центре города. Сюда перешли лавки с красными и галантерейными товарами... Сюда передвинулись заведения модисток, портных... Здесь бродит толпами народ...», – отмечала газета Саратовские губернские ведомости в 1859 г.⁵⁸.

Были у города и другие базары, менее обширные. Так, выше Пешки, по Московской улице, на площади у церкви Вознесения Господня (она же Михаило-Архангельская), был базар, на котором вначале торговали разными припасами, а в первых десятилетиях XIX в. появились деревянные лачужки, торговавшие горянским товаром – дегтем, смолою, решетками, сосновыми ведрами, коромыс-

⁵³ На ее месте – здание областного правительства и другие постройки.

⁵⁴ Церковь и гостиница не сохранились.

⁵⁵ В районе современного Крытого рынка.

⁵⁶ Очерк А. Н. Минха «Саратов и его жизнь в 1853 году». С. 234.

⁵⁷ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 440, л. 9–9 об.

⁵⁸ Саратовские губернские ведомости. 1859. 1 янв.

лами, липовыми кадушками, топорищами. Также торговали снастями, неводной пряжей, рогожами, кулями, всякой сбруей, хомутами и прочими вещами. Отсюда пошло название базара – Горянский. С середины XIX в. здесь продавали более рыбу, частью мочальные товары.

Торговля в крае находилась, в основном, в руках купечества. Однако определить количество и состав торговцев простым подсчетом численности купцов нельзя. Местные власти отмечали, что мещане часто записываются в купеческое сословие не для торговли, а чтобы воспользоваться льготами, представляемыми купеческим званием. Это отчасти объясняет значительный количественный рост купцов третьей гильдии. Многие купцы, используя наемную рабочую силу, занимались товарным земледелием или скотоводством на покупных и арендованных землях.

Представляет интерес социальная принадлежность лиц, обеспечивавших торговлю в Саратове, крупнейшем торговом центре края. Достоверные сведения о составе торговцев и производимой ими торговле можно почерпнуть в документах, отложившихся в фонде городской думы. Список купцов, составленный в 1826 г., содержит сведения о 248 лицах и их занятиях⁵⁹. Из них к первой гильдии принадлежал лишь один, ко второй – 12. Все они поставляли и продавали оптом и в розницу хлеб (в 8 случаях из 13), рыбу, скот. Большая часть купцов третьей гильдии торговала той же продукцией, но в меньших размерах, а некоторые также галантерейными, мануфактурными, москательными товарами. 65 купцов этой гильдии в торговле не участвовали, а являлись судовладельцами, держателями гостиниц, трактиров и питейных домов, хозяевами промышленных предприятий или занимались ремеслами, меной денег, подрядами на работы.

Более подробные сведения сообщает отчет генеральной поверки торговли Саратова за 1860 г., где указаны фамилии и звания торговцев, количество принадлежавших им магазинов, лавок, лабазов и иных торговых заведений, каким товаром и на какую сумму производится торговля⁶⁰. По-прежнему, численность купцов первой и второй гильдий, участвовавших в городской торговле, была невелика. Два купца первой гильдии и восемь второй владели 19 магазинами, торговыми пристанями, лабазами, лавками, в которых было товаров на 77 тыс. руб. По сравнению с 1826 г. заметно расширился ассортимент товаров. Наряду с традиционными: солью, рыбой, лесом, мануфактурой, появились книги, обои, заграничные вина, дамская обувь и многое другое.

⁵⁹ См: ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 1356.

⁶⁰ См.: Там же. Д. 3546, л. 26 об.–113.

Основной фигурой в торговле Саратова, как и прежде, оставался купец третьей гильдии. В 1860 г. насчитывалось 159 таких купцов, которым принадлежали 197 магазинов с общей суммой товаров более чем на 486 тыс. руб. Ассортимент товаров, как и у оптовиков, стал более разнообразным – от той же соли, рыбы до дамских модных костюмов в магазинах Э. Сервье и С. М. Сапожникова, канцелярских товаров, хрустальной и фарфоровой посуды в лавках А. М. Рыбакина и детских игрушек в лавке М. С. Овчинникова.

Определенное место в городской торговле занимали мещане. В 1825 г. в Саратовскую городскую думу поступили прошения от 117 мещан с просьбой выдать им свидетельства на право торговать⁶¹. В списке 1860 г. упомянуто 287 мещан. В их собственности были 291 лавка, шкафы, столы, полоки. Они производили в основном мелочную торговлю овощами, рыбой, крестьянской одеждой и обувью, игольными, коженными и другими товарами на сумму около 82 тыс. руб.

Участником торговли в городах, в том числе и губернских, являлось и крестьянство. В 1825 г. в Саратовскую городскую думу обратились 127 крестьян за разрешением торговать в городе и его уезде⁶². Более половины (76) прошений принадлежали крестьянам Нижегородской, Владимирской, Костромской, Вятской и иных губерний, причем 30 человек из этой группы желали получить свидетельства первого и второго рода, дающие право на оптовую торговлю. Возможно, значительная часть этих крестьян ограничивалась распродажей товаров на ярмарках и базарах города и уезда. Впрочем, некоторые из них, разбогатев, записывались в купечество, как, например, бывший крепостной из Владимирской губернии, а впоследствии саратовский городской голова Д. М. Вакуров⁶³. По мере развития в Саратове постоянной торговли и упадка ярмарочной поле деятельности торгующего крестьянства сократилось. Позиции их в стационарной торговле были скромными. В список 1860 г. включены фамилии лишь 18 крестьян, продававших в 20 лавках, полоках товар на 30 тыс. руб. В основном это были немцы-колонисты, торговавшие табаком и саршиной.

Несколько иным был состав торговцев в сельской местности. Здесь активную роль играло купечество третьей гильдии и торгующее крестьянство⁶⁴, которое в ряде случаев потеснило купечество. Мелкие торговцы – купцы и крестьяне продавали на сельских яр-

⁶¹ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 1304.

⁶² Там же. Д. 1303.

⁶³ Бульчев М., Максимов Е. Купцы Вакуровы // Степные просторы, 1995. № 4–5. С. 26–30.

⁶⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. 4. С. 156.

марках и базарах в основном предметы крестьянского спроса: изделия из железа, деготь, веревки и прочее⁶⁵.

Количество торговых свидетельств, выдаваемых крестьянам, было сравнительно невелико. В Саратовской губернии в 1845 г. таких свидетельств было выдано 214⁶⁶. Однако, как верно отметила Т. В. Широкова, необходимо учитывать, что большинство крестьян вело торговлю вообще без официальных на то разрешений даже в Саратове⁶⁷.

Наряду с периодической формой торговли в уездах была широко распространена непериодическая – развозно-разносная торговля в лице многочисленных офеней, коробейников и других. Активное внедрение товарно-денежных отношений в деревню способствовало росту потребностей сельского населения. В свою очередь, повышение спроса создавало благоприятные условия развития, ввиду отсутствия постоянных торговых заведений, не только для ярмарочной, но и развозно-разносной форм торговли. В Саратовской губернии торговлей в развоз занималось преимущественно татары (известные под названием тархан, тарханщиков), которые, закупив в городах или на уездных ярмарках небольшие партии мануфактурных и галантерейных товаров, распродавали их, переезжая или переходя из селения в селение, за деньги или в обмен на продукты сельского хозяйства. Конкурировали с ними рязанские цыгане и ярославские коробейники⁶⁸.

Рассматривая вопрос о степени участия в торговле представителей различных сословных групп, необходимо учитывать, что само по себе деление торговцев на купцов, мещан, крестьян во многом условно. Нередко лица одного сословия являлись на деле лишь агентами, приказчиками коммерсантов иной сословной принадлежности. Это характерно, главным образом в отношении торгующих крестьян. Но были примеры и другого рода. Так, в 1826 г. в саратовскую городскую думу поступило прошение на получение торгового свидетельства второго рода суздальского мещанина Алексея Голицына, являвшегося приказчиком Лариона Удина, крепостного крестьянина гр. Шереметева из Шуйского уезда⁶⁹.

Таким образом, развитие товарного рынка в Саратовском Поволжье протекало в разных направлениях. Происходило экстенсивное территориальное расширение рынка путем освоения и вовлечения в экономический и торговый оборот новых земель. Наблюда-

⁶⁵ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. СПб., 1859. С. 257.

⁶⁶ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1897, л. 104.

⁶⁷ Широкова Т. В. Крестьянская торговля в Саратове во второй четверти XIX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Саратов, 2006. С. 274–279.

⁶⁸ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 257.

⁶⁹ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 1303, л. 239.

лось и интенсивное развитие за счет увеличения плотности ярмарочной, разносной и прогрессирующего роста стационарной торговли, хозяйственной специализации отдельных районов.

В процессе складывания единого всероссийского рынка и углубления территориального разделения труда укреплялись торговые межрегиональные связи. Эта закономерность распространялась и на Саратовское Поволжье. Современники, посещавшие край, единодушно отмечали его обширнейшие связи с многими областями страны. Один из них, Я. В. Сабуров, описывая торговлю Саратова, отмечал: «Мало городов в России, которые бы совокупили столько торговых выгод по местоположению как Саратов... Рынок Саратова завален железом, получаемым из Сибири, лесом из Вятки, пшеницею от немцев, скотом, салом и шерстью от киргизцев и калмыков. Прибавьте к тому благодеяния природы: всякого рода рыбу, доставленную Волгою и соль из заволжских соляных озер...»⁷⁰.

Одним из основных предметов торговли Нижнего Поволжья с другими регионами становится хлеб. В начале 1780-х гг. даже из Хвалынска и Вольска, то есть самых северных волжских городов края хлеб шел на продажу, преимущественно, в низовья Волги. Так, вольские купцы отправляли его вверх по Волге – до 3 тыс. четвертей, а в Астрахань – до 100 тыс. четвертей хлеба, 5 тыс. четвертей овса и 2,5 тыс. четвертей пшеничных круп⁷¹. В первой половине XIX в. определяются устойчивые направления хлебной торговли, растут ее объемы. По-прежнему обеспечивалась хлебом южная часть Астраханской губернии. Сюда в начале 1850-х гг. из Саратовской губернии ежегодно отправлялось до 300 тыс. четвертей ржи. Через Дубовку переправлялось на Дон в Ростов до 30 тыс. четвертей ржаной муки и 40 тыс. четвертей ржи. Кроме того, из Саратовской губернии осуществлялись большие казенные поставки для левого и правого флангов Кавказской армии – до 415 тыс. четвертей муки, овса. Но в связи с ростом потребности в зерне центрально-промышленного региона России основной поток хлеба, преимущественно пшеницы, стал теперь поступать с Нижнего Поволжья вверх по Волге, до Рыбинска и далее до Москвы и Петербурга. В этом направлении отгружалось до 350 тыс. четвертей пшеницы и до 50 тыс. четвертей других хлебов⁷². Возможно, на корректировку направления хлебной торговли региона повлияло и то, что перегрузки в Дубовке и Качалине повышали цену товара, и ему трудно стало конкурировать с растущим зерновым потоком из заселяемых губерний Новороссии. Это направление оставалось выгодным лишь в те годы, когда в южных провинциях

⁷⁰ Сабуров Я. В. Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. С. 179.

⁷¹ РГБ (ОР), ф. 68, ед. хр. 68, л. 107–113.

⁷² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. 4. С. 156.

был неурожай и цены на хлеб увеличивались. Из северо-западной части губернии хлеб обозами отправлялся к Моршанской пристани для дальнейшего сплава в те же Рыбинск и Москву. В середине 1850-х гг. в этом направлении вывозилось до 6 млн пудов ржаной муки, до 7 млн пудов пшеницы, по 1,5 млн пудов овса и гречневых круп. Значительная часть товарного хлеба поступала вверх по Волге из заволжских Николаевского и Новоузенского уездов. В 1856 г. только с трех пристаней – Балаковской, Екатериненштадтской и Покровской было вывезено более 4 млн пудов пшеницы⁷³.

Хлебная торговля почти целиком находилась в руках скупщиков, получавших зерно от крестьян по низким ценам. Крестьяне вынуждены были идти на это вследствие необходимости уплаты податей или оброка, из-за незнания конъюнктуры, материальной зависимости от скупщика, трудности доставки хлеба на выгодные рынки. Частично хлеб приобретался на сельских ярмарках и базарах. Большие партии закупались в помещичьих имениях, где скупщики выговаривали себе выгодную доставку приобретенного товара до места складирования, так как труд крепостных возчиков не принимался в расчет⁷⁴. В свою очередь, мелкие скупщики перепродавали хлеб купцам-оптовикам. Во второй половине 1850-х гг. известными поставщиками хлеба являлись саратовские купцы А. Л. Мордовцев, Г. Н. Зайцев, Д. И. Удалов, вольские кушцы – городской голова А. А. Брюханов, Е. Ф. Курсаков и некоторые другие, имевшие миллионные капиталы. Так, торговый оборот вольских кушцов в селе Балаково, являвшимся в 1850-х гг. центром пшеничной торговли трех уездов, достигал 10 млн рублей⁷⁵.

Часть пшеницы поступала на внешние рынки через порты Азовского моря и Петербург⁷⁶. Дешевизна хлеба, удобства его вывоза привлекали в Саратовскую губернию капиталы некоторых иностранных торговых домов, обосновавшихся в Новороссийском крае. Посредством своих агентов и местных комиссионеров ежегодно скупались большие партии хлеба для отправки его через черноморские порты за границу⁷⁷. В 50-х гг. XIX в. самые большие сплавы хлебов по Хопру и Медведице производили торговые дома Ралли, Скара-

⁷³ Мордовцев Д. Л. О важности соединения Среднего Поволжья с центром России и южными морями. Саратов, 1857. С. 9, 12.

⁷⁴ Мордовцев Д. Л. Картины судоходства по Медведице и Дону // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. С. 12–14.

⁷⁵ Костомаров Н. Поездка в г. Вольск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. III. С. 97.

⁷⁶ Так, саратовская пшеница мягких сортов (русская, гирка) через порты Азовского моря отправлялась в Лондон, Ливерпуль, Марсель и другие города Англии и Франции. См.: Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 115.

⁷⁷ РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 53, л. 10 об.

манги и К°, Мариолаки и К°, имевшие обширные коммерческие сношения со многими городами Европы⁷⁸.

Другим по значительности товаром, традиционно поступавшим на всероссийский рынок из Нижнего Поволжья, являлась рыба. Со второй половины XVIII в. центр рыбного промысла размещался в дельте Волги и северной части Каспийского моря. Но по-прежнему часть рыбы и рыбных товаров транзитом поступала в центр страны через поволжские города Саратовского края, в первую очередь самого Саратова, от которого шла наиболее удобная сухопутная дорога на Москву.

Одним из важнейших предметов торговли, занимавшим едва ли не третье место, после продажи хлеба и рыбы, была эльтонская соль. Доходы, получаемые от ее реализации, давно привлекали внимание купечества, но особенно с середины 1830-х гг., когда основная торговля казенной солью (свыше 90% всей торговли Эльтонского озера в 1840–1841 гг.) начала производиться непосредственно из запасов, хранящихся при озере. Представители крупного купечества, воспользовавшись тем, что подряды большого количества фур для перевозки соли к Волге были недоступны средним и мелким торговцам, монополизировали оптовые закупки. Из донесения смотрителя Эльтонского озера астраханской казенной палате видно, что почти вся соль выбора 1857 г. взята от озера купцами: саратовскими второй гильдии Аносовым, третьей гильдии Китаевым и Медведевым и камышинским второй гильдии Ковалевым⁷⁹. Оптовая торговля солью росла, приобретая огромные размеры. Если за семилетие с 1834 по 1840 гг. из запасов Эльтонского озера было продано 18 млн пудов⁸⁰, то с 1851 по 1857 гг. уже свыше 37 млн пудов⁸¹. Сосредоточив оптовые закупки эльтонской казенной соли в своих руках, купцы получали возможность для извлечения сверхприбыли, произвольно устанавливая цены для мелочной продажи (тем самым разоряя конкурентов и держа в зависимости розничных торговцев солью) и понижая расценки за перевоз соли⁸².

Кроме хлеба, рыбы и соли Саратовское Поволжье поставляло на всероссийский рынок продукцию животноводства: скот, кожи, сало, шерсть. Увеличились к середине XIX в. поставки льняного и конопляного семени, табака, бахчевых культур, ряда других товаров сельского хозяйства и агроперерабатывающей промышленности. В 1858 г. только с правобережья (из Саратовской губернии) было вы-

⁷⁸ Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 46; *Мордочев Д. Л.* О важности соединения Саратовского Поволжья с центром России и южными морями. С. 21.

⁷⁹ Астраханские губернские ведомости. 1858. 14 февр.

⁸⁰ ГАСО, ф. 421, оп. 2, д. 49, л. 17.

⁸¹ Астраханские губернские ведомости. 1858. 14 февр.

⁸² Там же.

везено 500 тыс. пудов сала, 80 тыс. пудов шерсти мериносовых и 60 тыс. пудов русских овец, до 3 млн пудов льняного и конопляного семени, до 600 тыс. пудов табака⁸³.

В то же время Нижнее Поволжье было потребителем промышленных товаров центра России, железа и изделий из него Урала и Западной Сибири, леса и лесных изделий Пермской, Вятской и Костромской губерний. К середине XIX в. Нижнее Поволжье, связанное разнообразными торговыми узами с центром страны и другими регионами стало важным экономическим районом.

⁸³ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1408, л. 4об.-5.

**ИССЛЕДОВАНИЕ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ В РОССИИ
(80-е–90-е гг. XIX в.)**

Отмена крепостного права открыла широкий простор развитию капитализма в стране. Этот процесс сопровождался разрушением патриархальных общинных устоев, глубоким социальным расслоением деревни. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, тормозилось феодально-крепостническими пережитками – помещичьим землевладением, крестьянскими отработками. Крестьянская община также препятствовала проникновению капитализма в сельское хозяйство.

В промышленности капитализм развивался быстрее. 80–90-е гг. XIX в. – это время перехода мануфактурного производства в фабричное капиталистическое со всеми, связанными с этим процессом экономическими и социальными изменениями. Данный процесс вызвал глубокий кризис мелкой промышленности. Если для городской мелкой промышленности бурное развитие фабричного производства было не столь опасно, то для кустарных промыслов сельского населения – очень. Фабрика поглощала кустарное производство, превращая некогда самостоятельного кустаря, в фабрично-заводского рабочего.

Эти новые для страны явления заставляли экономистов, статистиков, передовых общественных деятелей задумываться над происходившим. Начавшиеся с середины 1870-х гг., земские статистические работы дали богатейший фактический материал об экономическом положении страны. Материал анализировался, и на его основе в русском обществе высказывались различные суждения о происходивших в стране изменениях, о путях дальнейшего политического и социально-экономического развития России. Одни считали: Россия будет следовать по тому же историческому пути, что и страны Западной Европы и ее будущее – капитализм, другие полагали, что капитализм в такой стране, как Россия с ее самобытным историческим прошлым, глубокой патриархальностью во всех сферах народной жизни, укрепиться не сможет. Особенно бурно спор о развитии капитализма в стране проходил на страницах печати в 80–90-х гг. XIX в. Его составной частью является вопрос о кустарной промышленности, игравшей в конце XIX в. важную роль в экономике страны. «Кустарное производство раскинулось по всей России и нет в ней такого уголка, где бы ни жил кустарь», – писал Н. В. Шелгунов¹. Подчеркивая значение, которое имели кустарные промыслы в хозяйственной жизни России, он отмечал: «Кустарь у нас настолько важный экономический фактор, что если его исключить из исследований эконо-

¹ Шелгунов Н. В. Кустарь и тариф // Дело. 1881. № 12. С. 220.

номического быта народа, то никакое действительное благосостояние и правильное развитие народного хозяйства будет невозможным»². Кустарное производство, резюмировал Б. П. Онгирский, «есть центральный факт нашего промышленного строя и, конечно, заслуживает наибольшего внимания со стороны устроителей экономических судеб России»³. «Уже в настоящее время известно, – писал журнал «Дело» в 1882 г., – что кустарничество, несмотря на развитие фабрик, представляет типическую организацию русской промышленности, и что оно покрывает целую $\frac{1}{3}$ общего бюджета крестьян промышленной полосы»⁴. В. П. Воронцов обращал внимание на тот факт, что кустарная промышленность «составляет главнейший после земледелия источник обеспечения потребностей крестьянской массы»⁵.

Впервые внимание российского общества на кустарную промышленность обратили земские статистики, которые и стали ее первыми исследователями. Систематическое изучение ее началось лишь в начале 80-х гг. XIX в. «Что мы знаем об этой промышленности, несмотря на то, что ею живет почти треть России, и она работает на всех? – вопрошал в 1880 г. Шелгунов, имея в виду кустарную промышленность»⁶. «До самого последнего времени русские экономисты пребывали в современном неведении о распространенности и значении кустарной промышленности в России», – писал много лет спустя А. С. Орлов⁷.

Вопрос о кустарных промыслах обсуждался на страницах периодических изданий, в научных обществах, государственных учреждениях. Делались попытки дать более или менее точное определение кустарной промышленности, подсчитать ее годовой доход и количество занятых в ней работников, определить ее место в экономической жизни страны.

Первым попытался дать научное определение кустарной промышленности А. К. Корсак. В своей книге, вышедшей в 1861 г., он определил кустарную промышленность как сельскую домашнюю систему труда, характеризующуюся следующими чертами: во главе производства стоит, как правило, один человек (предприниматель); кустарные промыслы могут выступать не только как побочное, но и как основное занятие крестьянина, при этом работник, по мнению

² Шелгунов Н. В. Указ. соч. С. 206.

³ Ленский Б. [Онгирский Б. П.] Государственное вмешательство на русской почве // Дело. 1883. № 10. С. 30.

⁴ Новые книги // Дело. 1882. № 12. С. 46.

⁵ В. В. [Воронцов В. П.] Кустарная промышленность в России // Северный вестник. 1886. № 1. С. 188.

⁶ Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Внутреннее обозрение // Дело. 1880. № 8. С. 440.

⁷ Орлов А. С. Деятельность земств по содействию кустарной промышленности // Очерки экономической деятельности земства: К 50-летию земства (1864–1914). М., 1914. С. 89.

Корсака, чаще выступает именно как работник, а не как предприниматель⁸. Земский статистик П. Е. Пудовиков под кустарной промышленностью понимал «промыслы и ремесла, которыми крестьяне занимаются в свободное от полевых занятий время, для пополнения недочетов в своем коренном занятии, земледелии»⁹. А. А. Исаев предложил именовать кустарным производством «все отрасли местной обрабатывающей промышленности крестьян-землевладельцев, производящие для неизвестных потребителей»¹⁰. С этим определением соглашались многие исследователи кустарной промышленности. Однако, общепринятым оно не стало, ибо, как верно заметил В. И. Ленин, точного, определения, которое было бы принято всеми исследователями, дать просто невозможно, хотя бы в силу различия их взглядов на данный вопрос.

Спорным явился вопрос о выделении наиболее существенных признаков, по которым можно было полно охарактеризовать кустарное производство. Большинство исследователей таковыми считали работу кустаря на неизвестный, по большей части отдаленный рынок, и его «связь с землей», то есть занятия земледелием в период полевых работ. Так, например, В. И. Орлов определял кустарные промыслы, как производство, которое «имеет целью изготовление товаров для рынка и существует наряду с земледелием»¹¹. Е. Н. Андреев, характеризовал кустарную промышленность, как «вид обрабатывающей промышленности, которая является домашним занятием преимущественно сельского населения и служит дополнением при сельском хозяйстве»¹². В. В. Бирюкович назвал связь кустаря с земледелием «специфическим признаком кустарного промысла»¹³.

Многие экономисты-статистики считали кустарные промыслы «подспорьем к земледелию» подчеркивая, что промыслы могут являться как дополнительным источником дохода крестьянина, так и основным.

⁸ Корсак А. К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М., 1861. С. 12.

⁹ Пудовиков П. Е. Кустарная промышленность // Труды ВЭО. 1874. Т. 3. С. 66.

¹⁰ Исаев А. А. К вопросу о кустарной промышленности в России // Русская мысль. 1880. Кн. 11. С. 90.

¹¹ Васильев В. П. К вопросу о трактовке понятия «кустарная промышленность» в земской литературе и статистических публикациях конца XIX—начала XX вв. // Проблемы истории СССР. 1982. Вып. 12. С. 150.

¹² Андреев Е. Н. Обзор исследований кустарной промышленности в России // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1880. Вып. 4. С. 106.

¹³ Бирюкович В. В. Земская помощь кустарям // Русская мысль. 1898. Кн. 8. С. 68.

Ряд исследователей кустарного производства важнейшей его чертой называли его семейную организацию. Так, А. В. Прилежаев характеризовал кустарную промышленность как «стихийно-семейную организацию», выделяя следующие наиболее важные, на его взгляд признаки: а) определенная экономическая самостоятельность работников; б) объединение работников посредством семейной связи и создание на этой основе семейной промышленной единицы. По мнению Прилежаева, эти признаки «с достаточной полнотой и точностью характеризуют сущность кустарной формы производства»¹⁴. Еще раньше экономист Э. Р. Вреден пришел к выводу, что кустарное производство в «чистом виде», то есть без применения наемного труда, имеет семейный характер и распределение, как труда, так и доходов основывается не на экономических соображениях, а «на кровной связи и родственном расположении между членами предприятия»¹⁵.

Земский статистик С. А. Харизоменов полагал, что семейная организация была характерна для кустарного производства до отмены крепостного права. С развитием капиталистических отношений семейный характер производства исчезает¹⁶.

Попытки определить количество рабочих, занятых в кустарной промышленности к общей цифре не привели. Н. В. Шелгунов, например, первоначально определил их количество в «несколько сотен тысяч»¹⁷, но затем пришел к выводу, что «кустарное производство, считает в своей среде несколько миллионов производителей»¹⁸ и, наконец, привел цифру в 40 млн¹⁹. Однако, Шелгунов тут же оговаривается: «Какая масса народа занимается кустарными промыслами, неизвестно ни из какой статистики»²⁰. Естественно его расчеты никто из экономистов и статистиков всерьез не принимал. Первым более или менее определенную цифру дал П. Е. Пудовиков – 10 млн человек²¹. Так же считал Н. С. Русанов²². В. П. Воронцов оп-

¹⁴ Прилежаев А. В. Что такое кустарное производство? СПб., 1882. С. 57.

¹⁵ Вреден Э. Р. Курс политической экономии. СПб., 1874. С. 290. См. также: Попов Р. Кустарная промышленность в России // Отечественные записки. 1985. № 3. С. 8.

¹⁶ [Харизоменов С. А.] Промыслы Владимирской губернии. М., 1882. Вып. 2. С. 22.

¹⁷ Шелгунов Н. В. Кустарная неурядица // Дело. 1870. № 9. С. 222. Очевидно, Шелгунов просто сослался на Свод материалов по кустарной промышленности в России / Сост.: А. А. Мещерский, К. М. Модзалевский. СПб., 1874. С. 1.

¹⁸ Дело. 1880. № 8. С. 440. Через две страницы Шелгунов уточняет понятие «несколько миллионов ...» – более 30 млн. человек. (С. 443).

¹⁹ Там же. № 12. С. 223.

²⁰ Шелгунов Н. В. Кустарь и тариф. С. 212.

²¹ Пудовиков П. Е. Указ. соч. С. 84.

²² Русанов Н. С. Против экономического оптимизма // Дело. 1880. № 12. С. 66, 74–75.

ределил число кустарей в 9 млн²³, оговорившись при этом что, цифра весьма условна, ибо точную определить пока невозможно, «так как исследование кустарных промыслов России далеко еще не закончено»²⁴. По подсчетам Е. Н. Андреева в кустарной промышленности было занято 7,5 млн человек²⁵.

Эти расчеты подверг критике в 1897 г. М. И. Туган-Барановский, считавший приведенные цифры значительно преувеличенными. По его мнению, к кустарям при подсчете отнесли «всех крестьян, работающих на дому, совершенно независимо от того работают ли они из своего или чужого материала»²⁶. Иными словами, кустарей отождествляли с домашними рабочими, которых нанимали самостоятельные кустари. Сам Туган-Барановский, заявив «сколько у нас кустарей – никто не знает», все же назвал свою цифру – 3 млн человек²⁷. Близкий к этому расчет получил Ф. Ф. Голицин, отметивший, что к середине 90-х гг. XIX в. «общее число взрослых кустарей, в одних только земских губерниях превышало 2 млн человек»²⁸.

С. А. Харизоменов определил количество кустарей на начало 1880-х гг. в 4 млн²⁹. В. И. Ленин считал цифру Харизоменова наиболее приблизительно верной³⁰. Ее приводят в своих работах и некоторые современные исследователи кустарных промыслов³¹.

Попытки определить примерный годовой оборот кустарного производства также не привели к более или менее определенным и общепри-

²³ [Воронцов В. П.] Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886. С. 8.

²⁴ В. В. [Воронцов В. П.] Кустарная промышленность в России. С. 188.

²⁵ Андреев Е. Н. Обзор действий Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1885. Вып. 14. С. 467.

²⁶ Туган-Барановский М. И. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности // Новое слово. 1879. № 4. С. 3.

²⁷ Туган-Барановский М. И. Статистические итоги промышленного развития России // Труды ВЭО. 1898. Т. 1. Кн. 1. С. 29.

²⁸ Кустарное дело в России в связи с умственно-духовным развитием русского народа. СПб., 1904–1913. Т. 1. С. 46.

²⁹ Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. 1883. № 11. С. 415. От 4 до 6 млн. определяла количество кустарей «Неделя» (см.: Кустари и техники // Неделя. 1886. № 9. С. 306).

³⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 450. Примеч.

³¹ См.: Рьндзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). М., 1966. С. 28, 82. Примеч.: Тарновский К. Н. Кустарная промышленность и царизм (1907–1914) // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 33. Тарновский определил количество занятых в кустарной промышленности «накануне первой мировой войны» в 4 млн человек. В одной из своих последних работ, он, ссылаясь на подсчеты А. А. Рыбникова (см.: Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий / Сост. А. А. Рыбников М., 1913) приводит цифру 5,2 млн человек указывает при этом хронологические рамки – конец XIX – начало XX вв.

нятым подсчетам. «Можно с большою вероятностью принять сумму годовых оборотов в 1 миллиард», – писал Харизоменов³². По подсчетам Е. Н. Андреева эта сумма составляла 1,5 млрд. рублей. Б. П. Онгирский полагал, что «цифра эта значительно ниже действительной»³³, хотя действительную цифру сам не назвал. В. И. Ленин также считал, что годовой оборот кустарной промышленности превышал 1 млрд рублей³⁴. Я. Я. Полферов определил сумму годового оборота кустарной промышленности в 2 млрд рублей³⁵.

Важное значение имел вопрос о происхождении кустарных промыслов. «История происхождения и развития кустарных промыслов не только имеет крупный научный интерес, – писал М. И. Туган-Барановский, – но может, кроме того, осветить с совершенно новой стороны историческую роль и общественное значение нашего капитализма»³⁶. По-разному определялось время возникновения кустарного производства. Многие экономисты и статистики считали, что большая часть кустарных промыслов возникла в конце XVIII – начале XIX вв., и даже те из них, которые появились раньше, по мнению В. С. Пругавина «развитие и наибольшее распространение получили только с нынешнего столетия»³⁷.

Ряд исследователей допускали существование отдельных видов кустарного производства уже в XVII в. Данный вопрос остался открытым. «Возникновение кустарной промышленности, – писал по этому поводу Н. В. Шелгунов, – составляет для наших исследователей народного экономического быта неразрешимую задачу. Искать начала возникновения кустарной промышленности так же бесполезно, как искать возникновения земледелия»³⁸. М. И. Туган-Барановский осторожно заметил: «Происхождение их (кустарных промыслов – С. Л.) теряется вдали времен и когда они возникли – неизвестно»³⁹.

Практически все исследователи кустарных промыслов выделяли два источника их происхождения – домашнее производство крестьян, направленное на удовлетворение лишь своих нужд (местное кустарничество) и фабрику. Впервые на эти источники указал еще А. К. Кор-

³² Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности. С. 415.

³³ Ленский Б. [Онгирский Б. П.] Указ. соч. С. 34.

³⁴ Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 97.

³⁵ Полферов Я. Я. Кустарная промышленность в России. СПб., 1913. С. 1. Однако, не ясно к концу XIX в., или к началу XX в. относится расчет Полферова.

³⁶ Туган-Барановский М. И. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности. С. 4.

³⁷ Цит. по: Плеханов Г. В. Против народничества. // Соч. М.; Пг., 1923. Т. 7. С. 232. Примеч.

³⁸ Дело. 1880. №8. С. 441–442.

³⁹ Туган-Барановский М. И. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности. С. 5.

сак. По его мнению, кустарная промышленность «возникла с одной стороны из первобытных домашних рукоделий крестьян, с другой – была результатом фабричной системы»⁴⁰. С. А. Харизоменов пришел к выводу, что фабрике обязаны своим появлением лишь те кустарные промыслы, которые возникли в XIX в.⁴¹. Промыслы, возникшие раньше («исстари»), имели источником своего происхождения домашнее производство сельского населения. К подобному выводу пришли М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, Г. В. Плеханов⁴².

Главную причину возникновения кустарных промыслов одни видели в крестьянском малоземелье, недостаточном доходе, получаемом крестьянином от занятий сельским хозяйством, другие – в наличии свободного от полевых работ времени у крестьянина. «Не плодородие почвы, недостаток наделов, а высокая арендная плата за землю неизбежно вызвала развитие кустарных промыслов», – отмечал Г. М. Герценштейн⁴³. «Кустарные промыслы, как известно, возникли в тех местностях, где земледелие не приносило крестьянам достаточного дохода», – утверждал Г. В. Плеханов⁴⁴. Напротив А. А. Исаев считал, что «кустарная промышленность была бы в большей части России желательным явлением даже в том случае, если бы доходы от земли удовлетворяли потребности крестьян», потому что кустарные промыслы «наилучшим образом наполняют зимний крестьянский досуг»⁴⁵. К такому выводу приходили многие исследователи кустарной промышленности.

Большинство исследователей кустарной промышленности выделяли следующие стадии ее развития: 1) домашнее производство для нужд семьи. Это производство полностью натуральное, что производилось в крестьянской семье, то ей же и потреблялось; 2) ремесленное производство. Здесь уже выделяются специалисты (ремесленники), которые работают не только для себя, но и по заказу определенного потребителя; 3) кустарная промышленность, которая создает товар для продажи. Являясь товарным производством, она вытесняет натуральное производство; 4) домашняя система крупного производства. Это – переходная ступень к «строго» фабричному производству; 5) фабрика.

Процесс капитализации кустарных промыслов, и значит, вытеснения мелкого кустарного производства крупным фабричным, признавали неизбежным многие экономисты и статистики. П. Е. Пудовиков

⁴⁰ Корсак А. К. Указ. соч. С. 142.

⁴¹ [Харизоменов С. А.] Промыслы Владимирской губернии. Вып. 2. С. 146–147.

⁴² См.: Туган-Барановский М. И. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности. С. 20–21; Струве П. Б. Историческое и систематическое место русской кустарной промышленности // Мир божий. 1898. № 4. С. 193–194; Плеханов Г. В. Наши разногласия // Избр. философ. произв. М., 1956. Т. 1. С. 245.

⁴³ Герценштейн Г. М. К вопросу об отхожих промыслах // Русская мысль. 1887. Кн. 9. С. 164.

⁴⁴ Плеханов Г. В. Против народничества. С. 231.

⁴⁵ Исаев А. А. Указ. соч. С. 97.

уже в первой половине 1870-х гг. заявил, что «кустарная промышленность, как форма промышленности не имеет никакого будущего». «Труд кустика, – пояснил он, – не имеет в себе никаких задатков для того, чтобы сделаться более производительным, чем он был и есть, и потому, первый спрос на труд более производительный, чем кустарный, будет вместе с тем и смертным приговором кустарным промыслам, и мелкие мастерские кустарников должны будут уступить свое место фабрике»⁴⁶. «Крупное предпринимательское производство вытесняет мелких промышленников, независимо от форм, в которых совершается производство», – констатировал А. В. Прилежаев⁴⁷. Даже такой убежденный сторонник кустарной промышленности, как В. П. Воронцов осторожно заметил: «При настоящей промышленной неурядице в России, судьба кустарного производства представляется крайне неопределенной»⁴⁸.

Если в 80-х гг. XIX в. процесс поглощения и вытеснения мелкого кустарного производства крупным фабричным был еще не так резко выражен, то в 1890-х гг. он получил более отчетливое выражение. Однако высказывались иные суждения. А. А. Исаев, например, полагал, что кустарная промышленность еще далеко не исчерпала своих возможностей и вытеснение ее фабрикой – процесс для страны не желательный. Н. А. Каблуков считал, что в России мелкому производству «по самим условиям климата надолго еще суждено играть значительную роль хотя бы и в измененной форме»⁴⁹. «Живучесть кустарной промышленности поддерживается и впредь будет поддерживаться указанным уже климатическим фактором – продолжительностью зимнего времени с его вынужденной праздностью» – писал С. Н. Булгаков, поэтому «основательны надежды и на возрождение и успехи кустарной промышленности»⁵⁰.

Таким образом, несмотря на развитие капиталистической промышленности, в конце XIX в. важное значение в народном хозяйстве страны продолжали играть кустарные промыслы. Их изучение становилось настоятельной необходимостью, без этого невозможно было полно представить развитие производительных сил страны, вступившей в новый период своей истории.

⁴⁶ Пудовиков П. Е. Указ. соч. С. 84.

⁴⁷ Прилежаев А. В. Указ. соч. С. 175.

⁴⁸ Исаев А. А. Указ. соч. С. 96–97.

⁴⁹ Каблуков Н. А. Мелкая промышленность в Пруссии // Юридический вестник. 1880. № 12. С. 603.

⁵⁰ Булгаков С. Н. Краткий очерк политической экономии. СПб., 1907. С. 79–80.

ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА САРАТОВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Реформа 1861 г. создала благоприятные условия для развития капитализма в России, в том числе и в Поволжском регионе. Последнее десятилетие XIX в. и начало XX в. ознаменовались созданием в Саратове и губернии крупных промышленных предприятий, оснащенных современной для того времени техникой. В первую очередь подвергались модернизации предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, а именно паровые мельницы.

Рост промышленных предприятий, потребности строительства железных дорог, увеличение волжского флота способствовали открытию в Саратове металлообрабатывающих заводов, таких, как гвоздильно-проволочный Гантке, дизелестроительный Беринга и других. Стимуляторами экономического роста губернии стали банки, кредитовавшие промышленность, сельское хозяйство, строительство и торговлю.

Активно продолжала развиваться торговля. Главным предметом торговли Саратова был хлеб во всех видах и продукция фабрично-заводской промышленности города. Кроме этого Саратов играл роль крупного посредника в торговле нефтяными продуктами, лесом, солью, рыбой, шерстью. Так, в 1897 г. на саратовскую пристань прибыло нефтяных продуктов 26,7 млн пудов, лесных строительных материалов и дров 10 млн пудов, рыбы свыше 1 млн пудов и соли 700 тыс. пудов. Всех же товаров на саратовскую пристань прибыло свыше 56 млн пудов¹.

Значительно увеличивается железнодорожная сеть. К 1910 г. эксплуатационная протяженность Рязано-Уральской железной дороги на территории Саратовской губернии и примыкавших к ней районов увеличилась в четыре раза и составила 4428 км. По ней ежегодно провозилось 600 млн пудов грузов и 4,8 млн пассажиров². Таким образом, являясь центром Рязано-Уральской железной дороги и крупным портом на Волге, Саратов в конце XIX – начале XX вв. стал важнейшим транспортным узлом Нижнего и Среднего Поволжья.

Формирование рыночных отношений и развитие капиталистической системы производства в Саратовской губернии не могли не оказать влияние на численность и состав населения города Сарато-

¹ Сырнев И. Первый по величине // Старый Саратов. Летопись. Воспоминания. Факты. Саратов, 1995. Кн. 2. С. 56.

² Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2. Ч. 2. Саратов, 1999. С. 6.

ва. В нашем распоряжении имеются достаточно разнообразные источники, которые характеризуют численность и состав населения Саратова в конце XIX – начале XX вв. Это данные Центрального и губернского статистических комитетов, путеводители, отчеты врачей, первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. и перепись населения города Саратова 1916 г.

Согласно данным губернского статистического комитета, в 1873 г. население города составляло 87416 человек³, а в 1878 г. оно возросло до 101467 человек⁴. В 1897 г. была проведена Первая всероссийская перепись населения, при которой было определено, что число жителей Саратова составляло 137147 человек⁵. В последующие годы население города продолжало увеличиваться, что подтверждают данные Центрального статистического комитета, согласно которым население Саратова в 1904 г. составляло 197822 человек⁶, а в 1910 г. 235300 человек⁷. В 1916 г. население Саратова равнялось 232015 человек⁸.

Сделать какие-нибудь определенные выводы из сопоставления приведенных цифр достаточно трудно, так как некоторые из них, например, данные за 1910 г., являясь приблизительными, могут быть подвергнуты сомнению. Наибольшего доверия из всех этих цифр заслуживают данные 1897 и 1916 гг., как полученные действительной переписью населения, а не путем тех или иных вычислений. Но надо учитывать и тот факт, что данные переписи 1916 г. тоже не совсем соответствуют реальной картине, так как в условиях военного времени была запрещена перепись казарм и госпиталей.

При сопоставлении данных об общем количестве населения города по Первой всероссийской переписи 1897 г. и по переписи 1916 г. видно, что за 19 лет население Саратова увеличилось на 69,3%; следовательно, ежегодный средний действительный прирост за этот период времени был равен 3,65%, хотя по отдельным годам он мог колебаться. Такой прирост населения надо признать значительным; он выше прироста населения Москвы, который с 1897 г. до 1912 г. равнялся по пятилетиям 2,5, 2,6, 2,8 и 3,0% (приблизительно), и прироста Санкт-Петербурга, который в 1902–1906 гг. был равен 2,6%⁹.

³ Гусев С., Хованский А. Саратовец: Указатель и путеводитель по Саратову. Саратов, 1881. С. 50.

⁴ Памятная книжка на 1880 год. Саратов, 1880. С. 434.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 15.

⁶ Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 45.

⁷ Города России в 1910 г. СПб., 1912. С. 51.

⁸ Кокшайский И. Н. Предварительные данные переписи населения Саратова и его пригородов, произведенной в 1916 году. Саратов, 1916. С. 20.

⁹ Там же. С. 20.

Действительный средний прирост населения является совокупностью двух составляющих: естественного прироста населения и притока населения со стороны. Естественный прирост населения в городах Европейской части России равнялся 1,58%¹⁰, в Саратове же он был значительно ниже. По сведениям местных санитарных врачей разность между рождаемостью и смертностью за время с 1897 по 1911 гг. в Саратове колебалась¹¹. В среднем за 15 лет она составила 0,643%.

Отсюда видно, что естественный прирост населения в Саратове был почти в три раза ниже среднего по городам России и составлял всего лишь 1/6 часть среднего действительного прироста населения города. Об этом свидетельствует и перепись 1897 г., согласно которой из 137147 человек только 60%¹² являлись уроженцами Саратова, остальное же население города составлял пришлый элемент. Следовательно, рост города происходил не столько за счет естественного прироста населения, сколько за счет притока со стороны. Каковы же причины этого?

Реформа 1861 г. не оправдала личные надежды большинства жителей деревни и породила ряд причин, которые заставляли многих селян покидать родные места в поисках лучшей жизни. Повышение арендной платы, непосильные налоги, частые неурожаи способствовали росту подвижности населения. Но главной причиной миграционных процессов была нехватка пахотных земель: «... урожаи невелики, скот представляет жалкую картину; лошади и коровы мелки, худы и среди лета в домашней кормежке. Пища у крестьян скудна, одежда бедна, а ведь работает он достаточно; и всему этому причина – малоземелье»¹³. Безземельные или малоземельные крестьяне постепенно образовывали слой сельскохозяйственных рабочих, вынужденных заниматься отхожими промыслами. Многие саратовские крестьяне уходили на заработки в другие селения, уезды и за пределы губернии. В свою очередь, крестьяне Пензенской, Тамбовской, Симбирской и других губерний направлялись в Саратовское Повол-

¹⁰ Города России в 1910 г. С. 50.

¹¹

Год	Прирост	Год	Прирост	Год	Прирост
1897	0,825%	1902	0,397%	1907	0,761%
1898	0,277%	1903	0,841%	1908	0,806%
1899	0,372%	1904	1,020%	1909	0,424%
1900	0,591%	1905	0,750%	1910	0,400%
1901	0,614%	1906	0,834%	1911	0,740%

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. С. 6.

¹³ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). С. 26.

жье. Центрами притяжения отходников становились города, где развивалась торговля, промышленность, транспортная сеть¹⁴.

Большинство крупных поволжских центров вырастали количественно главным образом летом. Явление это наблюдалось как в Нижнем Новгороде, так и в Казане, Самаре и т. д. Но главная масса чернорабочего люда скапливалась в Саратове и Царицыне. Географическое расположение этих городов, служило воротами для прохода в самарские и уральские степи, их оживленная торговля, присутствие узловых железнодорожных линий и, наконец, сама Волга с ее обширным речным движением – все это заставляло крестьянам избирать этот путь. Общая масса чернорабочих, два раза в год проходившая через Саратов достигала 400–500 тыс. человек¹⁵.

Но Саратов был не только перевалочным пунктом, сюда ежегодно стремились тысячи людей из Саратовской и других губерний. Причина была не только в обнищании деревенского населения, но и в развитии и росте самого города. В условиях большого экономического подъема в России, постоянно росло и промышленное производство в Саратове. Город стал третьим в России (в современных ее границах) по численности населения после Санкт-Петербурга и Москвы. Все это способствовало притоку деревенских жителей в Саратов с целью заработка.

Не случайно, по данным переписи 1897 г., видно, что крестьяне составляли почти 50%¹⁶ населения города (в то время как в 1877 г., по данным губернского статистического комитета, на их долю приходилось всего лишь 28%¹⁷). Схожие данные можно найти и в отчете Александровской больницы за 1906 г.: «Городские жители, к которым следует отнести мещан, дворян, купцов и духовенство, составляют около одной четвертой части амбулатории. Около 80% относится на долю крестьян, значительное количество которых, состоит из элементов пришлых. Саратовская губерния дает до 40% больных, Пензенская 8%, Самарская 4%, Тамбовская 3%, Симбирская 2% и прочие губернии в сложности 9%»¹⁸.

Такой постоянный приток населения негативно влиял на благосостояние низших слоев населения Саратова. Пришлого население бралось за любую работу, получало гроши, не имело постоянного места жительства. Приток чернорабочего населения в Саратов приводил к понижению заработной платы, к обеднению большей части

¹⁴ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). С. 16.

¹⁵ Ершов А. Очерки чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 31.

¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. С. 6.

¹⁷ Статистические сведения за 1877 год. Саратов, 1878. С. 15.

¹⁸ Ершов А. Указ. соч. С. 39.

городской массы и к ухудшению санитарных условий городской жизни.

Сравнительно с другими крупными городами Среднего и Нижнего Поволжья, рост населения Саратова был одним из наиболее быстрых, что видно из табл. 1:

Таблица 1

Сравнительные данные по росту населения городов Поволжья с 1897 г. по 1910 г.¹⁹.

Город	Населения тысяч		Средний ежегодный прирост в процентах
	По переписи 1897 г.	По официальным данным за 1910 г.	
Казань	130,0	194,2	3,8
Симбирск	41,7	55,2	2,5
Самара	90,0	143,8	4,6
Саратов	137,1	235,3	5,4
Царицын	55,2	100,8	6,4
Астрахань	112,8	162,4	3,3

По среднему ежегодному приросту впереди Саратова был только Царицын. Тем более, что цифра населения, скорей всего, за 1910 г. по Саратову несколько преувеличена, так как по сведениям губернского статистического комитета за 1913 г. оно равнялось лишь 228,5 тыс., а за 1914 г. – 241,5 тыс.

Происходили изменения не только в численности населения Саратова, но и в его составе, в том числе в половом отношении, что видно из данных табл. 2.

Таблица 2

Половой состав населения Саратов в 1897–1916 гг. (в процентах)²⁰

Год	Мужское население	Женское население
1897	50,3	49,7
1904	47,9	52,9
1910	46,9	53,1
1916	45,6	54,4

На основе данных табл. 2, можно проследить тенденцию уменьшения доли мужского населения и увеличения доли женского насе-

¹⁹ Табл. сост. по материалам: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 2. С. 56; Т. 14. С. 45; Т. 36. С. 48; Города России в 1910 г. С. 46, 65, 75, 86, 91, 135.

²⁰ Табл. сост. по материалам: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. С. 68; Города России в 1910 г. С. 169; Города России в 1904 г. С. 149; *Кокшайский И. Н.* Указ. соч. С. 21.

ления. Если обратиться к данным Центрального статистического комитета за 1904 и 1910 гг. и к переписи населения 1897 г., то следует сделать вывод, что подобная картина характерна и для других городов Поволжья, таких как Самара, Казань и Астрахань. По всей видимости, эту ситуацию можно объяснить неоднократными мобилизациями в начале XX в.

Произошли изменения и в социальном составе населения. Очень проблематичным будет проследить изменения в численности тех или иных социальных групп, используя переписи 1897 и 1916 гг. Дело в том, что в них фигурируют разные сословные группы. В Первой всеобщей переписи 1897 г. были определены пять сословных групп: дворяне, духовенство, купцы, мещане, крестьяне. Данные по этим сословным группам приведены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение населения Саратова по сословным группам в 1897 г.²¹

Социальные группы	Мужчины		Женщины		Обоего пола	
	Абсолют.	В %	Абсолют.	В %	Абсолют.	В %
Дворяне	3597	5,2	4474	6,6	8071	5,9
Духовенство	790	1,1	978	1,4	1768	1,3
Купцы	1963	2,8	2083	3,0	4046	3,0
Мещане	25575	37	27310	40,1	52885	38,6
Крестьяне	36036	52,2	31908	46,9	67944	49,5
Остальные	1081	1,7	1352	2,0	2433	1,7
Всего	69042	100	68105	100	137147	100

Как видно, из приведенной выше таблицы, наибольший процент населения Саратова составляли крестьяне, второй по численности группой были мещане, третьей – дворяне. Самыми незначительными по численности населения являлись две группы: духовенство и купцы. Если учесть, что мещанство и купечество в большей степени формировалось из пришлого крестьянского элемента, то, таким образом, Саратов на период Первой всероссийской переписи являлся преимущественно крестьянским городом с развитой торговлей и активно развивающейся промышленностью. При переписи 1916 г. были установлены группы населения по профессиональной занятости, а именно:

I. Рабочие и мастерские (рабочие фабричные, ремесленники, чернорабочие, домовая и промышленная прислуга и т. п.);

II. Служащие и чиновники, люди свободных профессий, военные, духовенство и т. п.;

III. Торговцы, фабриканты, предприниматели, домовладельцы, живущие на доходы от домовладения, капиталисты и т. п.;

²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. С. 10.

IV. Учащиеся средних и высших школ, живущие в городе без родителей, самостоятельно.

Кроме того, была внесена еще пятая группа, куда было внесено все то население, которое не вошло в четыре выше названные группы. Общее количество населения по этим группам выражалось в следующих цифрах, приведенных в табл. 4.

Таблица 4

Распределение населения по социальным группам в 1916 г.²²

Социальные группы	Мужчины		Женщины		Обоего пола	
	Абсолют.	В %	Абсолют.	В %	Абсолют.	В %
Рабочие	56533	53,6	66509	52,5	123042	53,0
Служащие	17136	16,2	18883	15,0	36019	15,5
Торговцы	9688	9,1	13191	10,5	22879	9,8
Учащиеся	5190	4,9	3718	3,0	8908	3,8
Прочие	17128	16,2	24039	19,0	41167	17,9
Всего	105666	100	126349	100	232015	100

Из табл. 4 явствует, что из всей общей массы населения города и пригородов на рабочую группу приходилось немного более половины. Следовательно, эти данные говорят о том, что пролетарские слои населения хотя и значительно представлены, однако, не занимают доминирующего положения среди других групп населения города. Это подтверждает тот факт, что в городе отсутствовала сильно развитая крупная промышленность. Таким образом, Саратов в начале XX в. оставался скорее торговым центром, чем промышленным, с преобладанием мелкого предпринимательства.

Сравнивая национальный и религиозный состав населения по данным Центрального статистического комитета и переписей 1897 и 1916 гг., можно сделать вывод, что здесь не наблюдалось особых изменений, за исключением уменьшения численности старообрядцев. Перепись населения 1916 г. интересна тем, что в ней приводятся данные о плотности городского населения и расселения горожан по районам Саратова. Были определены шесть участков. Распределение переписанного населения по территории города оказалось очень неравномерным, что видно из табл. 5.

²² Кокицкий И. Н. Указ. соч. С. 14.

Таблица 5

Распределение населения Саратова в 1916 г.
по полицейским участкам²³

Полицейские участки	Число жителей	
	Абсолютное	В процентах
1 участок	32981	14,2
2 участок	44239	19,0
3 участок	32598	14,0
4 участок	45917	19,8
5 участок	29097	12,6
6 участок	39022	17,0
Солдатская слободка	3380	1,5
Агаф. и Михайл. пос.	2205	0,9
Монастыр. слободка	2399	1,0
Опытная земс. станция	177	0,07
По городу	232015	100

Согласно переписи наибольшее количество населения размещалось в трех участках, охвативших все окраины города, а именно четвертый, второй и шестой (около 56%). В трех центральных участках первом, третьим, пятом размещалось около 41% населения. В пригородах проживало около 3,5% всего населения города, при чем наиболее населенной была Солдатская слободка.

Плотность городского населения варьировала несколько иначе, чем абсолютная населенность участков, так как территория каждого из них была не одинакова, что видно из табл. 6.

Таблица 6

Плотность населения Саратова в 1916 г. по полицейским участкам²⁴

Полицейские участки	Площадь (кв. саж.)	Население (тыс.)	Приходится человек на тыс. кв. саж.
1 участок	600	33	55,0
2 участок	1700	44	26,0
3 участок	700	33	46,5
4 участок	1165	46	39,2
5 участок	900	29	32,2
6 участок	1500	39	26,0
По городу	6700	224	33,4

Наиболее плотно населена была центральная часть города (первый участок), на втором месте – третий участок, в который входила наиболее старая часть города. Наиболее слабо заселены были вто-

²³ Кокшайский И. Н. Указ. соч. С. 16.

²⁴ Там же. С. 21.

рой и шестой, включающие в себя окраины города, находящиеся по направлению к Улешам, Лысой горы и Монастырской слободки. Из городских окраин наиболее тесно заселенными оказываются «Горы» (четвертый полицейский участок), где на тысячу квадратных сажен, приходилось почти сорок человек жителей.

Но следует отметить, что полицейские участки охватывали слишком большую территорию и были неравномерно заселены, что позволяет составить лишь общее представление о скученности населения в той или иной части города. Более ясное представление о заселенности Саратова дают сведения о плотности населения по районам города (табл. 7).

Таблица 7

Распределение населения Саратова в 1916 г. по районам²⁵

Полицейские участки	Переписные районы и их границы	Приходится в среднем на 1000 кв. сажен жителей
Первый	I (Камышинская – Никольская, Московская – Константиновская)	48,9
	II (Камышинская – Александровская, Глебучев овраг – Московская)	64,1
Второй	III (Астраханская – Камышинская, 2-ая Садовая – Б. Казачья)	50,5
	IV (Б. Казачья и Дворянская – 2-ая Садовая, Астраханская – граница)	23,8
	V (2-ая Садовая – Бол. Сергиевская)	15,8
Третий	VI (Московская – Глебучев овраг, Александровская – Волга)	59,8
	VII (Московская – Никольская – Волга)	38,3
Четвертый	VIII (Рождественская – Глебучев овраг – Затон)	45,8
	IX (Рождественская – Глебучев овраг – Приютская)	24,7
	XVI (Приютская – Глебучев овраг – Никольская)	37,3
	X (Никольская – Глебучев овраг – Симбирская)	53,0
Пятый	XI (Константиновская – Никольская – Волга)	45,1
	XII (Белоглинская – Камышинская – Волга)	25,3
Шестой	XIII (Симбирская – Глебучев овраг – Ильинская)	45,1
	XIV (Ильинская – Глебучев овраг – Б. Горная)	21,2
	XV (Камышинская – Б. Казачья – Астраханск.)	22,4

²⁵ Кокицкий И. Н. Указ. соч. С. 11.

Из приведенных в табл. 7 данных видно, что плотность населения внутри полицейских участков колеблется очень сильно; в особенности это заметно во втором участке, где плотность населения по переписным районам колеблется от 16,8 до 50,5 душ на тысячу кв. сажен.

Если обратиться к плану города, то можно увидеть, что наиболее скученным население было в районах, лежащих вдоль Глебучева оврага – от Волги до Камышинской улицы, затем на горах – между двумя разветвлениями этого оврага и, наконец, по Белоглинскому оврагу – между Астраханской и Камышинской улицами. Наиболее слабо населены были окраинные районы (V, IV, XV и XIV) второго и шестого полицейских участков.

Перепись населения 1916 г. позволяет также проследить расселение различных социальных групп по территории города. Что касается рабочего населения, то оно в основном проживало в пригородах на Горах и других участках, в которые входят окраины. Значительный процент рабочего населения оказался на окраине к Улешам, на горах к Затону, на окраине к Монастырской слободе (60–70% населения). Наименьший процент рабочего населения оказался в тех районах, где большой процент составляют служащие, торговцы и другие представители более состоятельных классов населения, а именно в I, II, VII и XI районах, расположенных в центре города. Наибольший процент учащихся также оказывается в самых центральных районах (16–17%), наименьший – в окраинных, где он падает до 0,2–0,6%²⁶.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. демографическая ситуация в Саратове значительно изменилась: в городе наблюдалось понижение рождаемости, характерное в тот период для всей России, но при этом численность населения города продолжала неуклонно расти. Этот рост осуществлялся преимущественно за счет притока населения со стороны, а не за счет естественного прироста. Анализ переписей населения позволил сделать вывод, что происходили изменения не только в численности, но и в составе населения Саратова. В начале XX в. Саратов был заселен не равномерно, появляются районы с высокой плотностью населения, формируются рабочие кварталы, продолжают заселяться пригороды.

²⁶ Кокицкий И. Н. Указ. соч. С. 17.

В. В. Кузнецов

**ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО
УКЛАДА И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ВОЛЖСКОГО УЕЗДНОГО
КУПЕЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Купеческой семье волжских уездных городов Саратовской губернии исследуемого периода, как и в целом по стране, была присуща патриархальность внутрисемейных отношений. Глава купеческого семейства был обязан объявлять размеры своего капитала¹, а также отвечать за выполнение повинностей и выплату податей. Таким образом, он являлся не только источником финансирования семьи, но и посредником между семьей и государством. От его умения вести торговые дела, профессиональных навыков, наконец, здоровья, зависело финансовое благополучие целого рода. Именно поэтому глава семейства был вправе требовать полного подчинения себе со стороны всех членов семьи. Дети купцов, став взрослыми, не могли без дозволения главы семейства покинуть отчий дом. По словам Б. Н. Миронова «они были привязаны к месту жительства, своему сословию, семье, сословной корпорации и фактически к профессии и поэтому были вынуждены следовать дорогой, проложенной их родителями»². Имуществом распоряжался, глава семьи, дети же находились в полной власти отца и не могли требовать раздела имущества при его жизни³. От главы купеческого рода зависели не только сыновья, но и жены. Эта зависимость объяснялась еще и тем, что мужья, чаще всего, были старше своих жен. В тот период для женщин вообще, и купеческих жен в частности, нередки были случаи смертей в довольно молодом возрасте. Причины были самые разнообразные, часто это случалось из-за отсутствия квалифицированной врачебной помощи, в том числе во время родов. Многие семейные купцы так и оставались вдовцами. По данным X ре-

¹ См., например: РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 457, л. 4; ф. 1287, оп. 37, д. 2193, л. 23; ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1408, л. 30б.

² Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. СПб., 2000. С. 233.

³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 440–467.

визии Царицына можно выделить вдовцов, глав семейств. Из 54 купеческих семейств семь (около 13%), возглавлялись вдовцами. Отчет Хвальинской городской думы о купцах, проживавших в городе, сообщает о 48 купеческих семьях, семь из которых были неполными. «Осип Алексеев Плигин – купец второй гильдии, Абрам Кондратьев Куранов, Ермил Иванов Захаров, Семен Егоров, Козма Петров Казарин, Федор Дмитриев Кожевников, Кирик Ерофеев (купцы третьей гильдии – В. К.) – вдовцы»⁴. По материалам той же ревизии повторно женились пять глав (9,3%), как правило, взяв молодых жен. В одном из повторных браков разница лет супругов составляла 28 лет, самый высокий показатель по женатым парам царицынского купечества. Среди вольского купечества (данные 1786 г.) наивысшая разница в возрасте супругов при повторном браке составила 35 лет⁵.

При этом дети от первого брака продолжали жить вместе с отцом. Так, например, уже взрослые дети вольского купца Кондратия Разумова, Афанасий и Яков, продолжали жить вместе с новой семьей отца, причем у Якова уже была своя семья и дети, Иван – 15 лет от роду и Иона – восемь лет от роду. Семья вольского купца Ивана Ивановича Попова состояла из трех сыновей от первого брака – Василия (25 лет), Матвея (23 лет), Петра (21 года) и двух сыновей от второго брака – Александра (13 лет) и Алексея (четыре года)⁶.

Здоровый образ жизни, особенно в старообрядческих семьях, крепкие генетические корни предполагали у мужчин долголетие. Весьма часто в списках купеческих семейств встречаются случаи, когда глава семьи в преклонном возрасте имел малолетних детей. По ревизской сказке «1811 года сентября 31 дня Саратовской губернии города Вольска о состоящих мужеска пола купцах и мещанах», у Кондратия Разумова, имевшего двух сыновей 46 и 37 лет, родился третий сын от второго брака⁷.

Но случалось и так, что глава семейства заканчивал свое земное существование раньше супруги, и тогда именно ей приходилось брать в свои руки семейное дело. В этом заключалась особенность русского семейного права. По данным X ревизии Царицына из 54 купеческих семей восемь (14,8%) возглавлялись вдовами. Это характерно и для других городов. К числу таких женщин можно отнести вдову села Окатной Мазы Хвальинского уезда Самодуровской волости Феклу Герасимову 59 лет от роду, которая становится главой купеческого семейства третьей гильдии. В состав семьи входили «... ее сыновья – Григорий – 32 лет, Абрам – 23 лет, а также дети

⁴ Данные за 1831 г. см.: РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 457, л. 4–8.

⁵ ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 240, л. 7.

⁶ См.: Там же. Л. 7, 39.

⁷ Там же. Л. 7.

Григория – Максим – 13 лет и Федор – 1 мес.»⁸. Согласно отчету городского головы Царицынской градской думы Саратовской губернии М. Ф. Белоярцева от 12 марта 1832 г., в Царицыне и его уезде торговлей занималось девять купеческих вдов – Екатерина Григорьевна Дмитриева, Марфа Дмитриева Ловчикова, Мария Дмитриева Попова, Марфа Иванова Вознина, Матрена Бабаева, Авдотья Никучинкова, Марфа Кондакова, Анна Агапина и Мария Васильева Лапшина⁹. Принадлежали все вдовы к третьей купеческой гильдии.

Нередко встречались случаи, когда купцы, будучи еще в добром здравии, завещали свое торговое дело и капиталы своим женам. Так, вольский почетный гражданин, купец второй гильдии Дмитрий Александрович Матросов пишет в духовном завещании «... все, что бы то ни было, и где бы мне в мою собственность какое имение или капитал мог быть принадлежащим, все предоставляю в полное хозяйственное владение и распоряжение жене моей, по мне Почетной гражданке вольской 2 гильдии купчихе Елене Лаврентьевой Матросовой»¹⁰. Были и другие причины, когда жена вынуждена была брать на себя ведение дел, как, например, царицынская третья гильдии купчиха А. С. Шешминцева «по случаю лишения рассудка» своего мужа¹¹.

Судьба купеческих детей, как уже упоминалось выше, полностью зависела от главы семейства. Молодой человек получал отеческую заботу, образование (чаще всего домашнее), определенный уровень благосостояния, за что должен был беспрекословно подчиняться родительской воле. Что же касается купеческих дочерей, то им готовилось приданое, с которым они могли рассчитывать на «хорошую» партию. Чаще всего браки устраивали сами родители, по своему усмотрению. Не последнюю роль при этом играли коммерческие интересы и той, и другой стороны. Купеческие дочери, как правило, составляли партию не только отпрыскам купеческих фамилий, но и мещанам. Хотя принадлежность к сословию, олицетворявшему силу и власть денег, сдерживала стремление волжских купцов к чинам и дворянству, тем не менее, это не означало, что купцы не искали возможностей для установления родственных связей с представителями местного чиновничье-дворянского сословия. Особенно преуспели в этом наиболее зажиточные купцы, видевшие в породнении с чиновниками важное и необходимое условие успеха их предпринимательской деятельности, так как в этом случае им обеспечивалось покровительство со стороны властных структур, содействие в получении выгодных подрядов, откупов, промышленных заказов. Если

⁸ ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 1055, л. 4.

⁹ См.: РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 493, л. 3–6.

¹⁰ ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1776, л. 2.

¹¹ См.: ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 2195.

же чиновник был дворянином, то на его имя можно было прикупать крестьян. Особенно был известен в Поволжье следующий факт. Дочь известного предпринимателя, основателя богатейшего (после Злобина) купеческого рода Нижнего Поволжья Александра Петровна Сапожникова была выдана замуж за некоего Милашева, о котором саратовский губернатор А. М. Фадеев в своих воспоминаниях иронично пишет, что он из «простолюдинов» Саратовской губернии, в молодости был «в приказном звании», а с переездом в Астрахань добился «чинишка» и занимался «письмоводством у богатого откупщика Сапожникова» (имеется ввиду Александр Петрович Сапожников). Тот женил его на сестре, предварительно «достав» ему чин коллежского асессора, чтобы можно было покупать имения. Приобрел на его имя большое имение в Саратовской губернии и поменьше – в Астраханской. Вскоре Милашев стал уездным предводителем дворянства, а потом астраханским губернским предводителем дворянства, получил даже придворное звание камергера¹². Сестре купцов – помещице было куплено имение на побережье Каспийского моря. Это позволяло братьям Сапожниковым эксплуатировать на рыбных промыслах не только наемных работников, но и ее крепостных и пользоваться сложившимся на Каспии уникальным для мировой практики правом помещиков (официально, правда, не признанным правительством, но и не опровергнутым) на морские воды против их владений до четырехсаженной глубины, которая при мелководности Северного Каспия начиналась примерно в 100 верстах от берега¹³. Внучка активного участника пугачевского движения стала одной из богатейших помещиц Нижнего Поволжья.

Купеческие сыновья брали в жены и купеческих дочек, и мещанок, и крестьянок, реже – представительниц других социальных групп. Так, царцынский городской голова М. Ф. Белоярцев, влиятельный и, по словам современника-дворянина «уважаемый всем обществом человек», своих двух сыновей женил на дворянках-помещицах. Поэтому жил он «на дворянскую ногу», имел большой двухэтажный дом, а его снохи, вообще-то незаконно, владели крепостными, что было замечено губернатором, который останавливался именно у него во время рекрутского набора в городе. Крестьян пришлось отпустить¹⁴. Сын В. А. Злобина Константин, был женат на свояченице М. М. Сперанского Марианне Стивенс. Браки между представителями купеческого сословия заключались чаще всего среди наиболее видных купеческих родов.

¹² См.: Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Одесса, 1897. С. 121–122.

¹³ См.: Бульчев М. В. Борьба за Каспийские рыбные промыслы в первой половине XIX в. // Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 109, 112.

¹⁴ См.: Записки о Саратове К. И. Попова // Волга. 1990. № 5. С. 70.

Что касается возрастного соотношения супругов в купеческой семье, то в купеческом сословии, по сравнению с другими городскими сословными группами, по мнению некоторых исследователей, существовал самый большой возрастной разрыв у супругов. «Абсолютный брачный возраст у мужчин приходился обычно на 26–35 лет, у женщин – на 18–20 лет»¹⁵. Купечество, живущее на доходы с торговли, и, следовательно, стремившееся упрочить свое экономическое положение и приумножить капиталы, считало, что женитьба «хороша лишь после того, как налажено «дело» и пущен в оборот наследственный капитал»¹⁶. Такое представление о браке в какой-то мере определяло брачный возраст мужчины купеческого сословия.

Интересную информацию дал анализ первой обывательской книги Вольска за 1786 г., где указаны возрасты членов семей. Было выявлено 82 брачные пары среди купцов и членов их семей¹⁷. Из этого количества были исключены четыре пары, вступившие в повторные браки. Остальные 78 пар были распределены по четырем возрастным группам (по возрасту мужей).

Было подсчитано, что в возрастной группе от 51 года и старше (шесть пар) средний показатель разницы лет мужа и жены составляет шесть лет. В следующей группе – 20 пар – (возраст мужа от 41 до 50 лет) разница была уже меньшей и составляла 4,5 года. В возрастной группе от 31 до 40 лет (19 пар) разница оказалась самой минимальной, всего 0,9 лет, причем в пяти случаях из 19, жены оказались старше мужей. В самой молодой возрастной группе – до 30 лет (33 пары) разница равнялась 1,4 года, то есть, тоже была незначительной.

Были также проанализированы данные X ревизии по Царицыну, выявлены 91 брачная пара, не считая пять пар, вступивших в повторные браки. Выяснилось, что в возрастной группе от 51 года и старше (16 пар) средняя разница в возрасте мужа и жены оказалась самой большой, составив восемь лет. В следующих двух группах (возраст от 41 до 50 лет – 18 пар и от 31 до 40 лет – 25 пар), эта разница была значительно меньше и, примерно, одинаковой – 3,5 и 3,6 лет. В четвертой группе – до 30 лет включительно, разница между супругами составила всего 2,3 года. Таким образом, можно отметить, что купеческая традиция выбирать жен помоложе, постепенно уходила в прошлое. Но в то же время, нужно учитывать, что для вольского и царицынского, в основном мелкого купечества, был характерен большой приток из мещанско-крестьянской среды, ее, несколько иными, отношениями к возрасту вступающих в брак.

¹⁵ Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980. С. 25.

¹⁶ Там же. С. 25.

¹⁷ Подсчитано нами по данным см.: ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1.

Одна из проблем, требующая глубокого, специального исследования – типология поволжской городской, в частности, купеческой семьи. По мнению известного исследователя социальной истории Российской империи Б. Н. Миронова «согласно типологии, общепринятой в современной исторической демографии, различают, пять форм семейной организации: 1) семья, состоящая из одного человека; 2) группа родственников или не родственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство; 3) простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар»¹⁸.

Исходя из предложенной Б. Н. Мироновым типологии, автором были проанализированы материалы первой обывательской книги Вольска (1786 г.) и десятой ревизской сказки Царицына (1858 г.). Полученные результаты оказались очень близкими по соотношениям групп (см. табл. 1). Купеческие семьи волжских уездных городов Саратовской губернии, как правило, представляли собой либо нуклеарные семьи, либо составные семьи. Это подтверждается и анализом списков купцов по Царицыну и Хвалынску (1831–1832 гг.), в которых указан состав их семей¹⁹. Купцы-одиночки и группы родственников, ведущих общее хозяйство, очень редки, как, впрочем, и расширенная семья.

Таблица 1²⁰

Типология купеческих семей

Типы семей	Вольск, 1786 г.		Царицын, 1858 г.	
	Количество семей	Процент	Количество семей	Процент
Из одного человека	1	1,8	1	1,9
Группа родственников	2	3,6	1	1,9
Нуклеарная семья	23	41,8	25	46,3
Расширенная семья	5	9,1	1	1,9
Составная семья	24	43,7	26	48,1
Итого	55	100	54	100

¹⁸ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 219–220.

¹⁹ См.: РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 457, 493; ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 240 и др.

²⁰ Подсчитано нами по данным: ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1; ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 2195.

Для обоих городов, даже разделенных временем, наиболее типичной оказалась составная семья, включающая порой несколько женатых пар. Обычной, для этой группы, была патриархальная семья, возглавляемая отцом, при котором находились женатые сыновья и, иногда, женатые внуки. Примером может служить семейство вольского купца П. И. Леванова, вдовца 84 лет, в которое входили трое женатых сыновей и 19-летний женатый внук, имевший ребенка. Всего в это патриархальное семейство входило 20 человек²¹. Братские семьи (в составе составных семей), когда после смерти отца, сыновья продолжали вести дело одним капиталом, тоже не были редки. По данным Вольска они составляют 29,2% от количества составных семей. В Царицыне в 1858 г. этот процент значительно ниже, но, все равно, заметен – 11,5% всех составных семей²². Среди этих семей нередко были очень людные. Рассмотрим все три братских семейства по Царицыну. В семейство, возглавляемое царицынским третьей гильдией купцом Тимофеем Козьминным Перфильевым, входило 35 человек. Помимо семьи самого купца, который в 49 лет был уже дедом, сюда входили обширные семьи его умершего родного брата и его двоюродного брата. В семейство, которое после смерти в 1858 г. царицынского 73-летнего купца Леона Козьмина Новокиценова возглавил его старший сын («купеческий сын» по сказке 1858 г.) Ларион (49 лет), кроме семьи самого Лариона, входили семьи его брата и снохи, всего 34 человека. В братское семейство, которое возглавлял еще один царицынский купец – Дементий Алексеевич Перфильев, входили семьи и его четырех женатых братьев. Всего их было 33 человека. Впрочем, нужно отметить, что из трех перечисленных семей, лишь семейство Т. К. Перфильева сложилось до IX ревизии 1851 г. Остальные две образовались в 1857 и 1858 гг.

Возможно, эти громадные «братские» семьи с единым капиталом на исходе 50-х гг. XIX в. все же были недолговечными. Скорее всего, они являлись в это время своеобразной переходной формой, которая, распадаясь, оставляла после себя или патриархальные, или нуклеарные семьи. Обращает на себя внимание тот факт, что процент нуклеарных семейств тоже достаточно высок как для 80-х гг. XVIII в., так и для конца 50-х гг. XIX в. Таким образом, это был переходный период, когда разделы капиталов, даже у мелкого купечества, не были редкостью, но патриархальность отношений внутри купечества еще имела прочные позиции.

Порой в купеческих семьях воспитывались приемные дети. В ревизской сказке Вольска за 1811 г. упомянуты 239 купеческих семейств. В 12 из них жили «подкидыши», «воспитанники», «неза-

²¹ ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 335.

²² Подсчитано нами по данным: ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1; ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 2195.

коннорожденный», «приемыши», причем в одной семье их было двое²³. Возможно, порой под названием подкидыша скрывался тот же «незаконнорожденный». Так, в семействе Ивана Андреевича Расторгуева, бывшего городского головы, у его сына Семена (36 лет) воспитывался «подкинутый к нему неведомо кем Тимофей (7 лет), по крестному отцу Семенов». Он же упоминается в этом семействе в ведомости вольских купцов за 1819 г. В семействе Степана Афанасьевича Мясникова, опять же у его сына Павла (27 лет) был «приемыш, воспитанный сын Осип (2 года), по крестному отцу Павлов». Есть и другие очень похожие примеры. Подкидыш (по сведениям 1819 г.) воспитывался и в семье купца первой гильдии П. С. Сапожников, уже весьма пожилого человека. В семье Ф. Ф. Крюкова (по сведениям 1811 г.) жили два 12-летних «воспитанника» – Петр Алексеев и Савва Иванов. Известно, что купцы действительно часто воспитывали сирот своих родственников, или просто горожан. В данном случае, это можно рассматривать как особую форму благотворительности.

Весьма сложно, на основании имеющихся источников, судить о национальном составе купечества волжских уездных городов. Сложность изучения данной проблемы в том, что до первой переписи населения 1897 г. не производился учет населения по национальному признаку. Сословно-податная система учета населения дореформенной России не выделяла национальных групп предпринимателей. Сведения о записи в купеческое сословие представителей национальных меньшинств плохо сохранились. Несомненно, что в преимущественно русское по происхождению купечество, вливался и нерусский компонент. Так, обывательская книга Вольска 1786 г. сообщает, что купец Петр Михайлов Чувашинов записался в купечество во время проведения IV ревизии из ясачных чувашей д. Калмантай Хвалынского уезда. Возможно, из крещеной мордвы вышел еще один вольский купец – Петр Иванов Леванов, также записавшийся в купечество из ясачных крестьян д. Завьяловки Саратовского уезда²⁴. Не случайно, двое из трех его сыновей взяли себе жен тоже из числа ясачных крестьян с. Барнуковки и Стригая. В той же книге упоминается, что у купца второй гильдии Андрея Архипова Канина имеются двое калмычат, выменянных в Петропавловской крепости – Иван Андреев и Николай Иванов.

В ревизской сказке Вольска 1811 г., среди записавшихся в купечество, встречается имя уже сорокалетнего Ивана Андреева Канина «из калмыцкой нации» и двух его детей, причисленных в купеческое сословие еще в 1797 г. «Из молдованцев» происходил записан-

²³ См.: ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 240.

²⁴ См.: Там же. Д. 1.

ный в вольское купечество в 1808 г. Л. И. Галкин²⁵. В списке царичинских купцов за 1832 г упоминаются Илья Амктаев Бабаев и Федор Алпатов Бабаев²⁶, возможно, крещеные татары или калмыки. В списке купцов Хвальинска за 1831 г. упоминаются четыре (из 51) татарские фамилии: Реим Мягденов (в составе его семейства – жена, четыре сына, четыре племянника и шесть внуков), Муслим Рахманкулов (жена, четыре сына и два внука), Умер Аббясов (две жены и пять сыновей), Шавмен Мустаев (две жены, четыре брата и два племянника). Все они были купцами третьей гильдии и занимались, как и многие другие купцы этого города, хлебопашеством, скотоводством и мелочной торговлей²⁷.

Важную роль в предпринимательской деятельности части купцов волжских городов играла религиозная мотивация. Особым явлением жизни большинства волжских городских поселений конца XVIII – первой половины XIX вв. было старообрядчество. Многие купцы были явными или тайными приверженцами разных толков старой веры или же адептами многочисленных сект. Классик буржуазной социологии М. Вебер связывал зарождение капиталистического предпринимательства на Западе с определенными аспектами протестантской этики, основывавшейся на таких морально-нравственных императивах, как аскетизм, трудолюбие, бережливость, честность и рационализм²⁸.

По мнению Б. В. Ананьича, наблюдения Макса Вебера чрезвычайно важны для понимания России, где старообрядчество, подобно протестантству в странах Западной Европы, оказало большое влияние на развитие капитализма²⁹. Положение старообрядцев в российском обществе как гонимого и ущемленного в правах религиозного меньшинства, которому жизненно необходимы были значительные финансовые средства для защиты от чиновничьего преследования и поддержания жизнедеятельности скитов, обусловило их взгляд на накопление денег и капиталов, как на богоугодное дело, в отличие от преобладавшего в российском обществе в целом, предосудительного и враждебного отношения к стяжанию богатств и осуждения духа приобретательства. Экономическое развитие старообрядческого предпринимательства происходило одновременно с эволюцией духовного строя самой религиозной общины. В начале XIX в. сформировалась новая духовная концепция дела, которая,

²⁵ См.: ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 240.

²⁶ См.: РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 493.

²⁷ См.: Там же. Д. 457.

²⁸ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

²⁹ См.: Ананьич Б. В. Предпринимательство в России (религиозно-национальный аспект) // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 244.

основывалась на понимании отношения к труду как к душевспасительному занятию, как исполнению «святого долга перед Богом и людьми». Такое дело становилось для староверов личным христианским подвигом, поэтому они энергично развивали предпринимательство³⁰.

Даже общий обзор социо-конфессионального состава волжских предпринимателей конца XVIII – первой половины XIX вв. показывает, что старообрядчество играло в развитии торговли и промышленности роль, неадекватную своему месту в конфессионально-демографической структуре населения Саратовского Поволжья. По данным исследователя «раскола» середины XIX в. А. И. Артемьева, раскол относительно преобладает именно в городских сословиях, а пути, по которым он развивался, обязательно пересекались в торговых центрах³¹.

Не случайно, поэтому из старообрядцев выдвинулись крупные купцы-предприниматели, сыгравшие важную роль в развитии экономики, как на общероссийском, так и на региональном уровнях. В Саратовском Поволжье из старообрядческой среды вышли известные купеческие семейства саратовских купцов Волковых, Горбуновых, Масленниковых, Кабановых. Почти все вольские купцы того времени были старообрядцами. Среди них наиболее именитые – Злобины, Сапожниковы, Курсаковы, Расторгуевы, Матросовы, Волковойновы, Плигины, Брусянцевы, Епифановы, Мельниковы, Мясниковы и другие³².

В Саратовском крае были представлены различные толки старообрядчества и секты. Важнейшей зоной влияния раскола являлись берега Волги. На севере численно преобладали поповцы. Причина заключалась в близости влиятельных Иргизских монастырей. На юге поповцы преобладали в Царицынском уезде и в Дубовке, что объяснялось близостью к землям Войска Донского, где это течение было распространено. Беспоповцы имели более прочные позиции в Саратове, впрочем, были они и в Вольске, и в Дубовке. В Царицыне и, особенно, в Камышине, старообрядцев было гораздо меньше, позиции православия здесь оказались более прочными. В южных уездах, кроме того, были представители таких рационалистических сект как молокане и жидовствующие. Особенно заметными они были в Дубовке, являвшейся своеобразным перекрестком всех толков и

³⁰ См.: Керров В. В. Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 261.

³¹ РНБ (ОР), ф. 37, д. 273, л. 7.

³² Бибикова М. Ю. Старообрядчество г. Вольска и Вольского уезда XVII–XX веков // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Мат-лы IX межрегион. науч. краевед. чтений 7–8 апреля 2000 г. Саратов, 2000. С. 188.

течений. Чиновник канцелярии губернатора К. И. Попов, автор интереснейших воспоминаний о жизни губернии в 20-х–30-х гг. XIX в., проводя VIII ревизию в Дубовке в 1835 г. обнаружил в посаде около десяти различных толков и сект. «Странным казалось то, – вспоминал Попов, – что в одном семействе приходилось находить по три и по четыре человека совершенно разных сект: отец молоканин, жена его нетовка, сын спасовец, его жена поморской секты; каждый ест из отдельной посуды, хотя кушанья готовятся в одних горшках, исключая некоторых дней, в которые кушанье готовится для других особенное, соображаясь с нравами их сект»³³. Вполне осведомленным о состоянии раскола в Дубовке был местный благочинный иерей Максим Волновский, оставивший интересное описание посада за 1836 г. Он отмечает большое количество молокан, которые «именуют себя воскресниками». Их было 254 мужчины и 256 женщин. «Закоренелейшие из молокан в Дубовке и более всех вреднейшие, – отмечает Волновский, – купец 3-й гильдии Иван Петров Крючков с детьми и мещанин Ермолай и сын его Гавриил Хворостовы». Среди менее вредных были купцы И. Е. Гренин, А. И. Казеев. 27 мужчин и столько же женщин относились к субботникам. 60 мужчин и 79 женщин придерживались поморского согласия. Больше всех было поповцев – 438 мужчин и 512 женщин. «Главнейшие среди них и вредные для церкви Божией купец Филипп Иванов и сын его Петр Макаровы»³⁴.

Губернаторы долгое время относились к распространению старообрядчества безучастно, получая иногда солидную мзду от купцов. Также откупались старообрядцы и от городничих и некоторых представителей православного духовенства. Так, известный исследователь раскола в Саратовской губернии Н. С. Соколов нашел в архиве даже расписки дубовского духовенства с 1804 по 1824 гг. о получении ежегодно по 100 руб. за разрешение старообрядческим попам производить разные требы. Не случайно, в Дубовке с 1800 по 1810 гг. было всех поповцев 627 душ, а в следующем десятилетии их численность возросла до 742 душ³⁵. Помимо духовно-нравственных интересов, купцов-старообрядцев объединяли и экономические. Прочные связи саратовского поповского толка с общиной на Рогожском кладбище Москвы, являвшейся всероссийским центром старообрядчества, позволяли держать контроль над всеми хлебными торговыми операциями, устанавливая цены на всех крупнейших оптовых ярмарках. Разумеется, в тех городских поселениях, где старообрядческое купечество контролировало экономику и имело значительное количество единоверцев среди мелкого купечества и ме-

³³ Записки о Саратове К. И. Попова. С. 69.

³⁴ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506а, л. 46 об.–47.

³⁵ См.: Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888. С. 220, 221.

щанства, в их сфере влияния находились и органы самоуправления – думы и магистраты. Они охотно занимали высшие выборные должности, так как они давали важные рычаги влияния в городах, позволяли поддерживать единомышленников. К. И. Попов, сопровождавший губернатора Ф. Л. Переверзева во время ревизий присутственных мест уездных городов, отмечая старообрядческие дома Вольска «славившиеся своими огромными капиталами», выделяет из них городского голову Курсакова, который умел произвести приятное впечатление на приехавших чиновников³⁶.

В мае 1820 г. правительство, обеспокоенное ростом влияния раскола, издало так называемые «правила, касательно производства купеческих и мещанских выборов из раскольников», которые, по сути дела, запрещали старообрядцам занимать государственные должности³⁷. Мера эта была связана, прежде всего, с тем, чтобы не допустить расширения старообрядчества в губерниях³⁸.

Но, ввиду вышеизложенных причин, эти правила о раскольниках 1820 г. оставались невостребованными в Саратовской губернии вплоть до 1835 г., до того времени, когда Министерство внутренних дел прислало в канцелярию саратовского губернатора запрос с просьбой проконтролировать исполнение закона пятнадцатилетней давности³⁹. И, как следствие, появились новые указания губернскому правлению со стороны губернатора «немедленно рассмотреть баллотированные списки об избранных Городскими обществами к занятию должностей на текущее трехлетие, и если окажется, что некоторые из них допущены к оным в противность вышеозначенных Высочайше утвержденных 27 мая 1820 года правил... то тотчас удалить их от должности, заместив оные теми, которые к сему могут быть допущены»⁴⁰. В этом же году наступление на купцов-староверов начал саратовский преосвященный Иаков, добившийся удаления с должности гласного вольской городской думы Жестянина, приверженца поморского согласия, который не допускал свою дочь до брака с православным. Тогда на защиту молодых встала городская общественность⁴¹.

Следует отметить, что список староверов, занимающих чиновничьи должности в уездных городах Саратовской губернии, был довольно солиден. А. А. Наумлюк, проанализировав некоторые архив-

³⁶ Записки о Саратове К. И. Попова. С. 62.

³⁷ Тальберг Н. История Русской Церкви: [в 2 т.] Свято-Успенский–Псково-Печерский монастырь, 1994. Т. 2. С. 844.

³⁸ См.: Наумлюк А. А. Осуществление правил 27 мая 1820 г. «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности» в Саратовской губернии // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 2. Саратов, 2005. С. 23, 25.

³⁹ См.: ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 147, л. 1–10б.

⁴⁰ Там же. Л. 2 об–3.

⁴¹ См.: Наумлюк А. А. Указ. соч. С. 30.

ные материалы, выявил список выборных лиц из купеческого и мещанского звания, принадлежавших к раскольникам по некоторым городам в 1835 г. В магистрате Вольска ими были: бургомистры из купцов – Сергей Мельников, Лука Разумов; ратманы из купцов – Николай Новиков, Андрей Волковойнов, Степан Симаков, Ерофей Золуев; в думе – городской голова купец Гавриил Расторгуев, а также Авдей Калганов, Степан Мунин, Иван Жестянкин (поморец), староста – Павел Стрелков. В магистрате Камьшина раскольниками были: бургомистр – купец Тимофей Лазарев (поморец); в думе – гласный Никита Герасимов. В посаде Дубовке, в ратуше – ратманы из купцов – Василий Рышников, Макар Макаров⁴².

Подобная ситуация наблюдалась и в других уездных городах губернии. Практически каждый город, в котором в управлении находились старообрядцы, оправдывался тем, что православных, которые могли бы заниматься государственными делами, не хватает, так как многим мешает торговая деятельность. Губернское правление признавало, «что если изъять из государственных должностей всех раскольников, в том числе и тех, которые добром и благонаравием заслужили похвалу от общества и правительственные награды, то во многих селениях православным придется находиться на должности почти бесценно»⁴³. Тем не менее, в 1836 г. саратовский губернатор А. П. Степанов принимает решение «чтобы на места всех состоящих ныне при должностях по городским выборам раскольников и старообрядцев, хоть их число находилось в большой массе людей, – утвердить православных христиан...»⁴⁴. Таким образом, участь раскольников и их должностных мест была решена.

Затем последовали другие, не менее решительные меры, призванные ликвидировать идеологические центры поповского толка, наиболее влиятельного на севере губернии. В марте 1837 г. был закрыт влиятельнейший иргизский Вехнепреображенский мужской монастырь, а в мае 1841 г. саратовский губернатор А. М. Фадеев силой же обратил в единоверие остальные монастыри⁴⁵. История Иргиза, как всероссийского центра старообрядчества, была завершена. Однако покончить с самим старообрядчеством правительству не удалось, слишком влиятельными были его сторонники. В 1841 г. в Вольск к купцу Гурию Суетину съехались влиятельнейшие раскольники губернии и Войска Донского для обсуждения сложившейся ситуации. Подобное же собрание состоялось в Хвалынске, где купцы Михайловы, Гузики, Пономарев составили своего рода комитет для

⁴² См.: *Наумлюк А. А.* Указ. соч. С. 29.

⁴³ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 147, л. 31.

⁴⁴ Там же. Л. 32 об.

⁴⁵ *Каргин Ю.* Старообрядцы на Иргизе // Альманах «Памятники Отечества». 1998. № 3/4 (40). С. 113.

поддержания раскола всеми средствами. По сути дела, после закрытия монастырей, центр поповщины переместился на правый берег в Хвалынский и Вольск. Подобные же совещания происходили в Дубовке⁴⁶. Наступление на раскол было продолжено и на правом берегу Волги. Например, в 1839 г. губернатор не утвердил в должности ратмана вольского купца А. Д. Калмычкова, на том основании, что он являлся старообрядцем⁴⁷.

Преосвященный Иаков (Вечерков) решил обратиться великолепный, в стиле русского классицизма каменный старообрядческий храм в Вольске, в котором с 1830 г. велась служба, привлекавшая тысячи молящихся, в единоверческий. Но в 1840 г. Секретный комитет, учитывая мнение Министра внутренних дел гр. Строганова, отклонил ходатайство Иакова на том основании, что единоверцев в городе было только 30. В начале 1844 г. храм все-таки был опечатан, а последний старообрядческий священник арестован и вскоре отказался от сана. Позже, в 1845 г., Иаков, найдя в Вольске еще несколько десятков сторонников единоверия, в том числе среди части купечества, среди которых особенно влиятельными были перешедшие в эту веру ради выгод А. П. Сапожников и С. М. Мельников, все же передал им эту старообрядческую Христорождественскую церковь. Но в дальнейшем эта церковь не имела и десятой доли прихожан Львовской раскольничьей часовни, находившейся в саду купцов Расторгуевых, к которой принадлежал приходом, как выяснила действовавшая в 1854–1855 гг. специальная правительственная комиссия Ю. И. Стенбека, до 10 тыс. человек⁴⁸. Она была опечатана только в 1856 г. Продолжали действовать старая деревянная церковь, построенная еще ярой старообрядкой Пелагеей Злобиной, упраздненная только в 1855 г. и еще одна – построенная на кладбище А. П. Сапожниковым в 1832 г., как памятник на могиле отца, церковь во имя Воскресения Христова, которая позже также была обращена в единоверие. Наиболее преданные сторонники старообрядчества были ожесточены столь крутыми мерами правительства и местных властей. В революционный 1848 г. руководитель дубовских старообрядцев П. Ф. Макаров, заявлял: «если бы у нас открылось то же, что на Западе, я бы первый поднял меч на дворян и попов»⁴⁹.

Искоренить раскол не удалось. Даже многие купцы, перешедшие в единоверие, продолжали поддерживать своих прежних сторонников. «Раскольники, спрятались под маской единоверия, но не перестали быть раскольниками; конечно, бессознательно, по невежеству, но очень характерно и ядовито саратовская полиция с этого времени

⁴⁶ См.: Соколов Н. С. Указ. соч. С. 430.

⁴⁷ ГАСО, ф. 407, оп 2, д. 1555, л. 3 об.

⁴⁸ См.: Соколов Н. С. Указ. соч. С. 452.

⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 432.

завела в своих списках отдельную графу с заглавием: раскольники *единоверческой секты*» – отмечено в отчете Стенбека⁵⁰. По достаточно обоснованному мнению хвалынского уроженца А. И. Артемьева, руководившего комиссией после отъезда в столицу Стенбека, явные и тайные раскольники составляли в губернии, то есть только на правобережье, 8,51% от числа православных⁵¹, что было значительно выше, чем в среднем по стране. Теперь уже единоверцы (и очень редко старообрядцы) активно участвуют в органах городского самоуправления. Так, в 1848 г. вольским городским головой был православный купец П. М. Квасков, но бургомистрами были единоверцы С. М. Мельников и Н. И. Новиков, среди четырех ратманов двое – Н. В. Баландин и М. А. Попов числились раскольниками. В 1855 г. обязанности городского головы Вольска исполнял православный купец А. А. Брюханов, а оба бургомистра – Д. И. Селиванов и К. Н. Брусянцев, были из единоверцев, двое из четырех ратманов – тоже. Как видим, ситуация не изменилась. По данным 1858 г. городским головой был М. С. Мельников, представитель известной раскольничьей династии, но официально – единоверец. По-прежнему, два ратмана (А. С. Ключин и М. А. Волковойнов) были из числа единоверцев. В 1861 г. трое из семи высших должностных лиц были единоверцами⁵².

Еще более жестко власти относились к представителям сект, из которых наиболее многочисленными были молокане (воскресники, духовные христиане), представленные главным образом на юге губернии. По сведениям царцынского протоиерея П. Лугарева, молокане и субботники объявились в уезде с 1805 г., сначала в небольшом количестве. В 1814 г. они оказались среди вернувшихся из-за границы беглых солдат, барских людей и бродяг, приписанных в купечество и мещанство Дубовского посада согласно высочайшему манифесту⁵³. Вскоре их влияние возросло.

Опасаясь распространения влияния этих сект на православных, государственный совет и комитет министров высказали мнение, утвержденное царем в 1835 г., о переселении сектантов – молокан, духоборов и иконоборцев в Закавказье. Среди документов ГАСО сохранилось любопытное дело о купцах и мещанах Дубовского посада, входящих в молоканскую секту, где содержится немало прошений местных купцов о переселении их в Закавказье. В 1837 г. 119 «духовных христиан евангелического исповедания» обратились к Минист-

⁵⁰ Соколов Н. С. Указ. соч. С. 451.

⁵¹ См.: Бульчев М. В. Рукописное наследие А. И. Артемьева в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность: Мат-лы X межрегион. краевед. чтений. Саратов, 2003. С. 39.

⁵² ГАСО, ф. 407, оп 2, д. 1555, л. 4.

⁵³ Там же. Л. 96 об.

ру внутренних дел Д. Н. Блудову с прошением о переселении их в города Ленкорань, Шемаху и Кубу, где уже осели их единоверцы. Среди сектантов исключительно были купцы третьей гильдии, обремененные большими семействами, Жабины, Самодуровы, Хлюпины, Ионовы, Грушенковы, Захарочкины, Крючковы и другие. Преследования со стороны властей, угроза лишиться купеческих льгот, попасть в солдаты и, тем самым, потерять возможность спасения души, вынуждали старообрядцев и сектантов, особенно представителей мелкого купечества, стремиться сохранять неделимым капитал, что вынужденно консервировало существование больших семейств. Семьи, подавшие заявления на переселение, в подавляющем большинстве были составными, патриархальными. Так, в семейство И. М. Крючкова, была включена семья его брата, всего 18 человек. В семействе Филиппа Ионова были трое женатых сыновей, старшему из которых, было 40 лет. Всего в семействе было 16 человек и так далее⁵⁴.

Важной мотивировкой вынужденного желания переселиться, помимо стремления уйти от неприкрытого гонения за веру, являлось запрещение купцам иметь работников из числа православных «через что, – писали купцы, – лишены мы всех способов к дальнейшему сысканию для себя и семейств наших пропитания...»⁵⁵.

Подводя итог, следует отметить, что в купеческой среде волжских уездных городов переход от составной, патриархальной семьи к малой, нуклеарной, в изучаемый период только начинался. Коммерческие интересы торгового дела требовали концентрации капитала в одних руках, поэтому довольно часто купеческие сыновья так и оставались до пожилого возраста в звании купеческого сына, не смея выйти из-под родительской опеки. Заметного изменения типологии семьи в изучаемый период не наблюдается. Наиболее распространенными и в 80-х гг. XVIII в., и в 50-х гг. XIX в., оставались составная (преимущественно отцовская) и малая, нуклеарная, семьи. Несомненно, на высокий уровень сохранности составных патриархальных семейств на протяжении изучаемого периода оказывал влияние и такой фактор, как приверженность значительной части волжского купечества к старообрядчеству и сектантству разных толков. Как правило, представители этих религиозных течений, предпочитали жить большими патриархальными семействами, что позволяло контролировать в крепости вере всех членов семьи, а с другой, сохранять капитал, позволяющий им оставаться в купеческом сословии, имея соответствующие купечеству льготы и привилегии. Особенно это было важно для представителей мелкого купечества, ввиду его высокой вертикальной мобильности.

⁵⁴ См.: ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 458, л. 2–88.

⁵⁵ Там же. Л. 41–42.

Как уже отмечалось выше, в этот период обновляемость сословия была очень высокой. Вновь причислявшиеся к купечеству, приносили в это сословие традиции иных социальных групп, в частности мещанства и крестьянства, что оказывало влияние не только на типологию семьи, но и на брачность. Как видим, наименьшая возрастная разница супругов замечена среди молодых и семей среднего возраста, то есть тех возрастных групп, за счет которых и пополнялось купечество. Именно они, то массово появлявшиеся в купечестве, то выходявшие из него, затрудняют выявление специфически купеческих черт семейственности и брачных отношений.

Яркой особенностью волжских городских поселений являлось наличие сравнительно многочисленного и общественно активного слоя купцов-раскольников. Вольск, Хвалынский, отчасти Дубовка после разгрома иргизских монастырей становятся на некоторое время центрами поповщины на Волге. Попытки привить старообрядчеству единоверие имели в северных городах лишь показной успех. На юге губернии православие в купеческой среде преобладало в уездных городах, тогда как Дубовка оставалась важным «гнездом» раскола во всех его проявлениях. Аскетизм мирской жизни приверженцев старой веры, связывавшие их узы взаимопомощи и взаимовыручки, укреплявшиеся в условиях гонений и запретов со стороны властей, общинный характер жизнедеятельности и хозяйствования, позволявший использовать в коммерческих целях принадлежавший общине капитал, нанимать из среды общинников-единоверцев рабочих и приказчиков – все это создавало благоприятные условия и предпосылки для предпринимательской деятельности старообрядцев, к которым относились самые богатые купеческие фамилии на Нижней Волге.

ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

На рубеже 60–70-х гг. XX столетия научный мир начал заново открывать для себя крестьянство, задумываться о его судьбах. Не обошел этот процесс и Россию, многие века являющуюся аграрной страной. В конце XIX – начале XX вв. около 80% ее населения составляли крестьяне. К тому же большая часть представителей других сословий, исключая дворянство, имела деревенские корни. Современная ситуация как в нашей стране, так и в мире, поставила множество новых вопросов, связанных с крестьянством, с крестьянским менталитетом, культурой, религиозностью и т. д. Именно религия на протяжении всей истории человечества являлась нравственно-организующим началом, объединяющим народы вокруг идеалов, укрепляющим национальное государство и придающим единообразие национальному характеру. Различия в быте, психологии, семейном укладе и исторической судьбе народов и стран коренятся, прежде всего, в области религиозной, духовной. Религия определяет национальный характер народа в целом.

В 1917 г. Россию потрясла социальная катастрофа, нанеся ей невосполнимый моральный, религиозно-нравственный, духовный ущерб. Исторически сложившуюся традиционную русскую православную государственность удалось разрушить этим социальным потрясением. Гонения на православную церковь оборвали многовековую церковную традицию, служившую неизменной опорой русского бытия. В Советском Союзе по причине богоборчества было мало известно о священниках, деятельности духовенства русской православной церкви в России и отношении к ним русского народа. Но, тем не менее, русский народ был главнейшим оплотом христианской культуры. Несомненно, характер народного христианства до революции имеет значение для процесса возрождения религиозного самосознания в постсоветской России. Этим и определяется актуальность настоящей статьи.

Исследование заявленной нами проблемы в целом и отдельных ее аспектов имеет давнюю историю. Начало изучения быта и мировоззрения русского народа относится к 30-м гг. XIX в. В этот период вышли в свет обширные этнографические труды, представляющие собой собрания фактического материала по духовной жизни народа, его воззрениям и обычаям. Он печатался в сборниках и периодических изданиях РГО, в журналах «Живая старина», «Этнографическое обозрение», в сборниках обрядового фольклора. Труды содержали подробное описание календарных праздников и обычаев го-

дового цикла, семейных обрядов, поверий, примет. Наибольший интерес представляет работа А. В. Терещенко, где был обобщен весь известный к середине XIX в. материал по обрядам русского народа. В частности, автор выделил бытовые обряды русских и обрядовые праздники, особо остановился на праздновании Пасхи, Русальной недели, Семика, Троицы, Святков и Масленицы¹. Эти данные и сегодня не утратили для науки ценности исторического источника.

В середине XIX в. вопрос о народной религии стал рассматриваться как часть общей проблемы существа и самобытности мировоззрения русского крестьянства, его суевериях и предрассудках. Наиболее полно обрядовый фольклор русских представлен в сборниках П. В. Шейна². Во второй половине XIX – начале XX вв. необходимость реформирования церковного прихода пробуждает к нему научный интерес. Так, профессор Московской духовной академии С. И. Смирнов исследовал роль священников-духовников в православном обществе. Он утверждал, что духовник был очень близок к своим «духовным детям», и эта близость никак не понижала его авторитета.

В начале XX в. появляются исследования светских ученых сектантства и его значения в русской народной жизни. Исследователи и, в частности, А. С. Пругавин, видят причины возникновения сектантства в неудовлетворенности «насуточных потребностей личности», жажде нравственных, человеческих впечатлений, требованиях свободы слова, личности, проповеди, обучения, демократизации религиозной жизни³. В дореволюционной науке изучался также вопрос о православно-языческом синкретизме – слиянии дохристианских представлений и обрядов с верованием и культом православия – как вопрос о так называемом двоеверии. Из работ, посвященных исследованию народных религиозных верований, наиболее полной по материалу и значимости для русской религиоведческой науки можно считать монографию крупного ученого Е. В. Аничкова. Он поставил вопрос о сущности двоеверия и его происхождения, увидел в нем новую религиозную форму, продукт религиозного творчества. Аничков явился автором концепции, выводящей русскую аграрную обрядность из материальных потребностей и реальных условий быта⁴.

В первые годы советской власти одним из исследователей, которого глубоко волновали и неизменно тревожили судьбы русской

¹ См.: Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2007.

² См.: Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. СПб., 1898–1900. Т. 1. Вып. 1–2.

³ См., например: Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. 1905.

⁴ См.: Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. СПб., 1905. Ч. 1–2.

церкви, являлся критик, философ, литератор А. А. Золотарев. В своих трудах он воссоздает многоплановый облик русского духовенства первой половины XX в.⁵ Из исследований бытового православия начала 1920-х гг. необходимо выделить работу М. И. Смирнова «Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (по этнографическим наблюдениям)». Он на конкретном материале показал, что под покровом православия таятся остатки дохристианской веры, понимаемые населением как православные. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. проблемами бытового православия занимался профессор Н. М. Маторин, который изучал явление религиозного синкретизма, исследовал народное понимание образов православных святых⁶. Среди исследований, вышедших в советский период, необходимо отметить сравнительно-исторический очерк Г. А. Носовой о религиозных верованиях, обычаях, отношениях, бытовавших в среде русского крестьянства в конце XIX – начала XX вв.⁷ В целом же, в СССР изучение различных проблем православия было надолго прервано, отдельным аспектам уделялось ограниченное внимание. Возможности всесторонне освещать прошлое православной церкви не было. Коллективные и индивидуальные труды выходили к круглым датам и были тщательно «причесаны» цензурой⁸.

Только с началом во второй половине 1980-х гг. демократизации советского общества появились серьезные научные работы по интересующей нас проблеме. Основой для их написания послужили публикации XIX в., а также материалы современных научных экспедиций. Так, В. К. Соколова обобщила материал, посвященный календарным праздникам и обрядам русских в коллективном труде, посвященном изучению отдельных вопросов этнографии восточнославянских народов. Автором изложены основные обряды годового цикла, отмечена связь языческих и христианских верований в обрядовом фольклоре и в основных ритуалах⁹.

В последнее время появилось много научных работ, в которых исследуется связь церковного и народного календаря, а также рассматривается соотношение христианских и дохристианских верований в народном представлении о календарных праздниках. В статье Л. А. Тульцевой подробно анализируется роль престольного празд-

⁵ См.: Хализев В. Е. Богатырское сословие: А. А. Золотарев о роли духовенства в истории России // Литературное обозрение. 1992. № 2.

⁶ См.: Маторин Н. М. К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сб. статей. Л., 1934.

⁷ См.: Носова Г. А. Язычество в Православии. М., 1975.

⁸ См., напр.: Церковь в истории России. М., 1967.

⁹ См.: Соколова В. К. Календарные праздники и обряды // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 380.

ника в жизни крестьянина, сам праздник делится на две части: церковная служба и собственно празднование (гуляния, гостевание), показано их соотношение¹⁰. Следует также особо отметить работы Т. А. Бернштама, посвященные соотношению будней и праздников в народной картине мира и половозрастному обособлению в разные периоды времени¹¹. В них исследована роль и место молодежи в жизни общины, показано ее особое положение и статус в различных обрядах. Однако многие аспекты праздничной культуры еще остаются сравнительно малоизученными. Так, в отечественной фольклористике еще ни разу не предпринималась попытка комплексного описания пространственной организации деревенского праздника, хотя некоторые из упомянутых выше исследователей в той или иной степени касались этого вопроса.

Интересные материалы по изучению крестьянского мировоззрения собраны в исследовании Е. Левкиевской. Автор обратила внимание на органичное сочетание в сознании русских крестьян древнейших верований и православной идеологии. В частности, автор отмечает, что Св. Параскева Пятница вобрала в себя черты языческой Мокоши, а Св. Георгий Победоносец в крестьянском сознании ассоциировался с древнейшим божеством солнца Ярилой¹². Любопытной представляется работа кандидата филологических наук А. В. Сергеевой. В ее монографии, посвященной изучению менталитета и традиций русских, уделяется внимание конфессиональным особенностям и говорится о русском православии как народной, домашней религии, позволявшей самостоятельность действий и поступков. В качестве примера такого восприятия религии автор приводит пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай»¹³.

В годы «перестройки» и постсоветский период ученые стали проявлять интерес к изучению обрядности, тесной связи язычества и христианства в повседневной жизни русских крестьян, их менталитета, национального характера. К числу таких работ относятся исследования Н. И. Толстого, Л. Н. Виноградовой, М. Н. Власовой, Ю. А. Вьюнова¹⁴ и других авторов. Проявилась реальная возможность объективно-

¹⁰ См.: Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // *Расы и народы*. М., 1998. Вып. 25.

¹¹ См.: Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // *Этнические стереотипы поведения*. М., 1985; *Он же*. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988.

¹² См.: Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2004.

¹³ См.: Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2006.

¹⁴ См.: Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982; Власова М. Н. Новая Абевега русских суеверий. СПб.,

го изучения истории всей православной церкви. Новые подходы к анализу церковной истории XIX столетия были намечены Б. Г. Литваком¹⁵. Им и его коллегами рассматриваются проблемы взаимоотношения крестьянства и священников, отношение крестьянства к религии и церкви. Экономическое положение православной церкви конца XIX – начала XX вв., источники и суммы доходов, характер церковного землепользования являются предметом исследования в статье В. В. Морозана «Экономическое положение русской православной церкви в конце XIX – начале XX вв».

Значимым шагом в развитии отечественной исторической науки стало появление фундаментального труда Б. Н. Миронова «Социальная история России»¹⁶. В российской историографии это первая обобщающая работа, посвященная социальной истории России. В исследовании подробно рассмотрены взаимоотношения сословий, их взгляды, поведение, уровень образования, занятия и т. д. Миронов обращается к истории повседневности, отражает многогранность структуры общества рубежа XIX – XX вв. как в целом по стране, так и по отдельным губерниям. В 2006 г. вышла книга С. А. Раздольского «Монастыри Кавказской епархии и их роль в культурном развитии Северного Кавказа»¹⁷, посвященная истории распространения и бытования православия в XVIII – начале XX вв. на юге Российской империи. В монографии показаны трудности этого процесса, рассмотрены различные секты (хлысты, поповцы, безпоповцы, субботники, молокане и др.), обращено внимание на разделение в годы Кавказской войны духовенства на военную и гражданскую части, отмечен кризис среди православного общества в конце XIX – начале XX вв.

Своеобразным белым пятном в истории православия остается проблема низовой структуры церкви – православного прихода, к которому относилось крестьянское население. Изучение истории крестьянских приходов позволяет выяснить действительные потребности населения в церквях и отправлении богослужений, особенности отношений прихожан и священников (внутри приходской общины). Прихожанин и священник – знаковые персонажи, олицетворяющие собой уклад крестьянской православной жизни. Деятельность священников, являвшихся носителями духовной и социальной активности, проводниками православной идеологии, представляется необходимым и оправданным явлением на протяжении всей истории христианства. Поэтому в данной работе, опираясь на опубликован-

1995; Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995; Вьюнов Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России. М., 2005.

¹⁵ См.: Русское Православие: веки истории. М., 1989. С. 309–379.

¹⁶ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX вв.) СПб., 2000 Т. 1–2.

¹⁷ См.: Раздольский С. А. Монастыри Кавказской епархии и их роль в культурном развитии Северного Кавказа. Майкоп, 2006.

ные (пословицы, поговорки, сборник обычаев и обрядов русского народа) и хранящиеся в государственном архиве Саратовской области неопубликованные источники, мы попытаемся изучить разностороннюю деятельность священнослужителей, выяснить что они представили собой в повседневной жизни, в пастырском служении, определить какое влияние они оказывали на крестьянские приходы, исследовать социальные изменения в русской деревне накануне XX в. и разрушение традиционного крестьянского мира. Решение данной проблемы позволит определить тенденции дальнейшего развития взаимоотношений крестьянства и церкви, эволюцию народного мировоззрения и бытового поведения крестьянства в последующий период.

Значительную роль в формировании русского национального сознания сыграла православная церковь. Она в течение веков незримо «лепила» душу русского народа. Влияние церкви проявлялось во всем: в творческом духе народа, в создании могучего государства, в русской истории и культуре, формировании русского национального характера. Христианское начало сформировало особое русское «правдоискательство», небрежение «вещами мира сего», искание царства божия, милосердие и сострадание к страждущим¹⁸. Все эти качества формировались в народе через общение с церковнослужителями, через восприятие мира в свете христианской доктрины. В связи с этим личность священника, его поведение, уровень его образования, мудрость становится общественно значимой.

В поговорках и пословицах русского народа, собранных В. И. Далем, содержатся выражения, свидетельствующие о почтительном отношении русского народа к священникам и «церковному стяжанию». Например, «Не отсыпав попу новины, хлеба не продавай», «Первую мерлушку попу на опушку», «Церковное стяжание – божье» «Алтарю служить, от алтаря и жить (питаться)»¹⁹.

Между священнослужителями и прихожанами нередко складывались теплые отношения: отеческие с одной стороны, почтительные и уважительные – с другой. Случалось, что сельские священники собственными руками обрабатывали землю, трудились на пасеке. Этому соответствовал и их внешний облик вне церкви, и их поведение. Крестьяне с участием относились к труду священников, помогали им в крестьянских работах (чаще во время жатвы). Расставание со священником, вынужденным по какой-либо причине покидать свой приход, часто трогало прихожан до глубины души²⁰. Сходство

¹⁸ См.: Вьюнов Ю. А. Указ. соч. С. 94.

¹⁹ Даль В. Пословицы русского народа. Йошкар-Ола, 1996. С. 473.

²⁰ См.: Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв.: Этнографические исследования и материалы. М., 2002. С. 188.

уклада жизни церковнослужителей и основной массы прихожан отмечают и исследователи.

Контакт усиливался, если священник не только сближался с крестьянами в силу общности быта и хозяйства и доброго расположения к своей пастве, но и по духовной сути своей становился истинным наставником пасомых. Яркий пример любви крестьян к своему священнику – отзыв крестьян села Нарышкина о деятельности отца Михаила Лебедева, в котором они просят Святейший Синод оценить его пастырскую и благотворительную деятельность и наградить этого священника. Данное прошение содержит два с половиной листа подписей крестьян. Здесь же говорится, что консистория полагала бы преподать Лебедеву архиерейское благословение преосвященства с внесением в его послужной список²¹.

Крестьяне Сердобского уезда Нарышкинской волости Нарышкинского сельского общества Саратовской губернии, собравшись на сельский сход, «... имели суждение о глубокоуважаемом нашем священнике отце Михаиле Павловиче Лебедеве, благотворная деятельность которого в течение семи лет его пребывания у нас побуждает нас в приятную необходимость заявить и просить кого следует оценить его деятельность как священника и человека, а именно: благодаря его деятельности храм наш приведен в прекрасное состояние; с его, отца Лебедева, появлением, мы, прихожане села Нарышкина, пользуемся хорошим хоровым пением, так как отец Михаил исключительно своим старанием и средствами содержит сельский хор, употребляя на это 50 рублей, получаемые им от общества за преподавание в нашей сельской школе закона Божия.

Кроме того, отец Михаил в доступных для понимания всякого крестьянина поучениях, как в церкви, так и в жизни проповедует труд, сохранение семьи в идеальном ее виде, честное отношение к обязанностям и трезвость, чему он примером служит сам. Во время холерной эпидемии отец Михаил заявил себя, как-то и подобает представителю учения Христа. Он самоотверженно ухаживал за холерными, и когда случалось, лечил своих пасомых, для чего не жалел ни жизни своей, ни средств, будучи сам человеком бедным и семейным. Так, благодаря его ухаживаниям остались живы: семейство Марочкиных, Шепелевых, Голаховых, Суходоловых, Андрей Воробьев и его жена и др.»²². Всего в документе было перечислено около десятка фамилий.

Благодаря советам отца Михаила, население села Нарышкина приняло меры предосторожности против заразы и тем самым им удалось избежать высокой смертности. Несмотря на большое и очень бедное население села, умерло только 35 человек. Известно,

²¹ См.: ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 4303, л. 1.

²² Там же. Л. 4.

что отец Михаил покупал для бедных своих прихожан лекарства. За свою самоотверженную деятельность селяне выразили Михаилу Павловичу Лебедеву искреннюю благодарность и признательность. Далее сельский сход направил прошение губернатору, чтобы он поставил в известность Святейший Синод о действиях своего приходского священника. Российский Красный крест также ходатайствовало перед Саратовской духовной консисторией об оценке заслуг священника отца Лебедева²³.

В документах нашли отражение и конфликты крестьян со священниками. Из материалов архивных дел видно, что «далеко не все служители церкви отвечали необходимым нравственным и профессиональным требованиям». Отношение крестьянства к приходскому духовенству зависело от нравственного уровня и поведения самого священника. Крестьян возмущало недостойное поведение священно и церковнослужителей в быту, безответственность, формальное их отношение к своим пастырским обязанностям, вымогательство. Но проявления неприязненного отношения носили не принципиальный, а личностный характер: настаивая на удалении одного клирика, они просили заменить его другим.

В материалах архива приводится описание местных священников, где видна небрежность в повседневной жизни, а также пристрастие к спиртным напиткам и курению. Так, например, в рапорте его преосвященству епископу саратовскому и царицынскому от церковного старосты Николая Ларионовича Ботаева говорится: «Местный наш священник, о. Стефан Сергеевич Бельский, со дня своего поступления священником в наш приход, вел себя до невозможности нетрезво, не только в будничные дни, но не исключая и великих Праздников и почти всегда совершал церковное Богослужение в нетрезвом виде; что крайне прискорбно православному христианину видеть в таком состоянии своего отца духовного – не только в церкви совершающего Св. Тайны, но и в быту, где-нибудь в обыденной жизни»²⁴. Далее отмечается, что отец Бельский брал высокую плату за требы, например, венчание, похороны, крестины и молебны, особенно за венчание²⁵. С прихожанами он обходился «... всегда грубо, неприлично, требует угощения водкой, принести живую курицу или утку, поросенка, каравай хлеба, бутылку, или две, иногда и больше, кроме угощения, водки»²⁶.

В прошении прихожан Михаило-Архангельской церкви села Канадей указывалось, что священник с момента приезда в их приход вел неприличную для служителя алтаря творца небесного жизнь. В

²³ См.: ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 4303, л. 15.

²⁴ Там же. Д. 4711, л. 14.

²⁵ См.: Там же. Л. 15 об.

²⁶ Там же. Д. 4303, л. 16.

обыденной жизни и при богослужении часто бывал в нетрезвом виде, при служении путался «с пятого на десятое», посылал своих детей и сам ходил по несколько раз в день в винные лавки своей и соседних деревень за водкой. Возникшая в связи с этим опасность уклонения многих православных христиан в раскол и другие религии обусловила просьбу прихожан удалить из их прихода священника Бельского и прислать им другого, который отличался бы трезвой жизнью и примерным поведением²⁷. Приведенный пример наглядно демонстрирует, что реальное положение приходов зависело во многом от взаимоотношений с прихожанами, материального благосостояния последних и других житейских обстоятельств. Одних приношений и платы за требы в абсолютном большинстве приходов для обеспечения духовенства было недостаточно.

Такое поведение священнослужителей было не редкостью. Поэтому у русского крестьянина одновременно с уважением к церкви и богу складывалось негативное отношение к священнику. Достаточно того, что в поговорках, пословицах и сказках священников называют попами. Зачастую образ священника в пословицах и сказках предстает в негативном освещении. «Поп-толоконный лоб», «жеребчье сословие» – эпитеты, которыми народ награждал священнослужителей. В письме Гоголю В. Г. Белинский называет русское духовенство гнусным, отмечает, что духовенство находилось во всеобщем презрении у русского общества и русского народа. «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? Попов...» – далее пишет автор и утверждает, что поп на Руси для всех русских есть представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства²⁸.

Русское крестьянство в основной своей массе было православным и имело своими духовными наставниками церковных священников. Но в то же время встречались случаи разногласия крестьян и духовенства, в результате чего крестьяне часто уходили в раскольнические секты, где священство отрицалось. В материалах государственного архива Саратовской области многие рапорты священников, относящиеся к концу XIX в., содержат материалы об уклонении крестьян в раскол и о распространении раскола²⁹. Например, в рапорте священника села Березовки Камышинского уезда Даниила Невзорова говорится: «...крестьяне в 1866 г. из православия совратились в раскол несмотря на неоднократные священнические им убеждения»³⁰.

²⁷ См.: ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 4711, л. 17.

²⁸ Белинский В. Г. Письмо к Гоголю. М., 1956. С. 10.

²⁹ См.: ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 2985, 2986, 2990, 3010, 3017, 4407.

³⁰ Там же. Д. 3010, л. 1.

Священник Аткарского уезда Григорий Тупикин доносил в Саратовскую духовную консисторию, что прихожане его – крестьяне деревни Ключей уклонялись от исполнения христианских обязанностей: не бывали у исповеди и святого причастия, не крестили младенцев и не соблюдали обряда христианского погребения умерших, почему и не записывались по документам церкви. Далее в этом же документе отмечается, что волостной старшина Александровской волости и сельский староста Григорий Губарев имели склонность к расколу, в доме Губарева имелась раскольническая молельня. Вредоносное влияние последней на церковь заставило обратиться в полицейское управление с просьбой произвести дознание по этому делу³¹. Дознанием было выявлено наличие в деревне Ключи раскольников поморской секты, которые проживали в десяти домах. Сектанты не принимали местного священника с обычными требами, хранили, крестили по своему обряду, не сообщая об этом священнику³².

Другим примером уклонения от православия в раскол служит поведение крестьянки села Песковатки Матрены Ивановой. До замужества она принадлежала к православным, а после замужества перешла в молочно-иудействующую секту, дочь ее, рожденная в 1872 г., была крещена по обряду той же секты. Эти факты стали известны полицейскому управлению, так как М. Иванова обратилась туда с просьбой о выдаче удостоверения личности для ее дочери Анны. Полицейский пристав принял решение «возбудить преследование» против Матрены Ивановой из-за ее перехода в раскольническую секту³³.

Социально-экономический фактор, развитие капитализма, особенно в крупных городах, также заставлял крестьян уходить из деревень. Особенно сильна эта тенденция была именно в соседней с городами сельской местности. Стремление уйти от крестьянского труда овладевало многими поколениями сельских жителей. Молодежь стремилась в города, чтобы учиться. Новые социально-экономические условия способствовали развитию процесса «охлаждения» к церкви среди крестьянского населения. Желая больше заработать, крестьяне переставали посещать церковь в воскресные и праздничные дни, происходило пренебрежение заповеди божьей из корыстных расчетов. В отношении крестьян к богу и религии нарастали двойственность и скептицизм. Некоторые крестьяне, называя себя безбожниками, все-таки ходили в церковь, объясняя такое поведение следующим образом: «Это ведь дело хитрое... Я достоверно не знаю, есть ли бог, или нет его. Если есть бог – все-таки у меня будет маленькая гарантия за то, что я могу попасть в царство небесное.

³¹ См.: ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 3980, л. 3–3 об.

³² См.: Там же. Л. 5–6.

³³ См.: Там же. Д. 4091, л. 10.

Хожу в церковь, короче говоря, на всякий случай»³⁴. Наблюдалось снижение бытовой религиозности, связанной с развивающимся в рассматриваемый период практицизмом среди крестьянства. Заметно усиливался процесс секуляризации, явление более существенное, чем сектантское движение. Материалы архивных дел об «увещании» крестьян, «охладевших» к церкви, раскрывают причины углубления процесса секуляризации и новые формы его проявления. Данные источников говорят, что лучшей иллюстрацией равнодушия крестьянства к религии являлась небрежность в выполнении обряда причастия. За 1880–1890 гг. сохранились десятки дел об «охлаждении» крестьян к церкви, что свидетельствует о больших масштабах этого явления.

Суммируя все вышесказанное можно констатировать, что во второй половине XIX в. в жизни крестьянской общины произошли существенные перемены. Проникновение в деревню капиталистических отношений, усиление миграционных процессов, уход крестьян на заработки в города и другие губернии значительно трансформировали крестьянское мировоззрение, контроль поведения сельчан со стороны семьи, общины и церкви стал слабее. Длительное отсутствие крестьян отрывало их и от повседневной жизни семьи и общины, исключая таким образом из активной социальной жизни и разрывая единство с родной общиной. Находясь на заработках крестьянин не участвовал в жизни православной церкви и не принимал участия в аграрной деятельности, а значит и в ритуальных действиях, которые сопровождали повседневные занятия деревенских жителей. Все это привело к важным изменениям социальной ситуации во второй половине XIX в. в крестьянских православных приходах, что наглядно демонстрирует саратовский региональный материал. В губернии, как и во всей стране, прихожане и служители церковью становились прагматичными. Это противоречило с запретом церкви заниматься земным жизнеустройством, не увязывалось с миссией священников напоминать человеку о его вечном призвании и вечном значении его личности. Началось обмирщение церкви, она начала заниматься житейскими делами вместо небесного попечения. Общество стало двигаться не к христианизации, а к дальнейшей дехристианизации. Происходило отречение русского народа от христианской веры. Падение влияния православия на жизнь людей, значительное сокращение его приверженцев, постарение церковной паствы, ослабление связи верующих с церковью – эти признаки являются выражением кризиса, который переживала православная церковь в конце XIX – начале XX в. Возможно, что подобные перемены помогли большевикам так легко разрушить церкви и веру народа.

³⁴ Кабытов П. С. и др. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 164.

А. А. Шалыгин

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.**

В начале XX в. на территории Российской империи проживало около пяти миллионов евреев, большинство из которых были компактно расселены в Украине и Белоруссии в пределах так называемой «черты оседлости». С момента первой русской революции политически активные круги еврейской общественности под влиянием революционной агитации начинают выступать за изменение своего политического и социального статуса. Но изменения в положении евреев произошли только после свержения самодержавия и установления в России нового политического режима. После Октябрьской революции евреи были уравнены в правах с другими этносами.

В годы гражданской войны еврейское население, в целом далекое от политики, оказалось на передовой линии борьбы различных политических сил российского государства. В одном из своих выступлений М. И. Калинин отметил, что русская революция, ее характер и глубина социальных, политических и экономических изменений, испугали русскую интеллигенцию, и «кадровый голод» помог решить приток в руководящие советские и партийные органы большого количества работников из числа образованного еврейства¹. Особая роль еврейства в русской революции привела к новому всплеску антисемитизма. Зачастую русские эмиграционные круги, и участники Белого движения, и антибольшевистские политические силы Украины и Белоруссии воспринимали большевистскую власть как «власть жидов». Среди русскоязычного населения РСФСР также имели место резкие выпады в сторону советских и партийных работников евреев. Например, крестьяне одного из уездов Саратов-

¹ Калинин М. И. Евреи-земледельцы в союзе народов СССР // Известия. 1926. 25 ноябр. Согласно переписи, проведенной в 1922 г., среди членов РКП(б) евреи составляли 5,2% (третье место после русских и украинцев, но это компенсировалось высокими должностями, занимаемыми евреями) (см.: Е. С. О национальном составе РКП // Правда. 1923. 21 авг.).

ской губернии говорили, «как умрет Ильич, тогда наступит жидовское управление, и Россия пропала»². Еврейские погромы 1918–1920 гг. негативно сказались на численности еврейского населения³. Многие евреи, пользуясь уничтожением «черты оседлости», стремились перебраться, как им казалось, в более благополучные центральные губернии РСФСР и в Москву. Эта неконтролируемая миграция и как следствие ее – увеличение на рынке труда Москвы и других городов (в том числе и Саратове) относительно дешевой рабочей силы усилили антисемитские настроения в рабочей среде – главной политической опоре нового режима.

В условиях экономического кризиса начала 1920-х гг. большевистское руководство было не в состоянии оказывать помощь пострадавшему еврейскому населению. Это были призваны сделать некоторые общественные организации, развернувшие в СССР свою деятельность в годы новой экономической политики. В 1920 г. Политбюро специальным постановлением учредил Еврейский общественный комитет (Евобщестком), куда вошли представители Бунда, «Поалей Циона», ЕКОПО (Еврейского комитета помощи нуждающимся евреям), ОЗЕ (Общества охранения здоровья еврейского населения) и др. Евобщестком занимался распределением гуманитарной помощи, поставляемой в Советскую Россию из США от Американской администрации помощи (АРА), между жертвами еврейских погромов.

Большевистское правительство разрешило на территории России деятельность некоторых зарубежных еврейских неполитических организаций. Прежде всего речь идет о «Джойнте» (American Jewish Joint Distribution Committee) – еврейской благотворительной организации, созданной в США в 1914 г. для оказания помощи пострадавшим от войны евреям Европы, России и Палестины. Возобновило работу Общество по распространению ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОРТ) – благотворительная организация, созданная в России еще в 1880 г. После Первой мировой войны она была преобразована во всемирную организацию (Association for Handicrafts and Agricultural Labor among the Jews) со штаб-квартирой в Берлине и к середине 1920-х гг. создала сеть филиалов по Союзу ССР. В стране появились и организации британского

² ГАСО, ф. 521, оп. 4, д. 43, л. 8.

³ Согласно материалам статистики, с 1897 г. (Первая перепись населения Российской империи) по 1920 г. количество евреев в стране сократилось более чем на два млн. человек. Помимо жертв гражданской войны сюда следует отнести и жертвы погромов 1905–1907 гг. и жертвы Первой мировой войны (см.: Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. По данным Первой Всеобщей переписи 1897 г. СПб., 1901. С. 2–3; Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923. Вместо отчета. М., 1924. С. 133–134).

ЕКО – Еврейского колониционного общества (Jewish Colonization Association). ОПГ и ЕКО обязались ассигновать солидную сумму на землеустройство пострадавших от погромов, голода и эпидемий евреев. Своеобразным посредником в финансово-распределительных вопросах между организациями и правительством в то время выступил Евобщестком, уже имевший определенный опыт работы в этой сфере. «Джойнт» же способствовал оформлению разрешений на выезд в США частным лицам⁴.

Как отмечает известный исследователь Г. В. Костырченко, директору русского отдела «Джойнта» Жозефу Розену принадлежит идея выделения земельных угодий в Северном Крыму и на юге Украины для создания еврейских земледельческих хозяйств⁵. Идея эта очень понравилась советскому руководству. В августе 1924 г. после долгих дебатов ЦИК СССР официально учреждает государственный Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (Комзет), хотя свою практическую деятельность Комитет начал еще в июне.

В годы нэпа в СССР бурно обсуждался вопрос о создании еврейской автономии. Большевики были заинтересованы в благополучном разрешении этого вопроса по нескольким причинам. Гражданская война нанесла серьезный урон национальной еврейской культуре, а миграция евреев в центр России (в несвойственную им зону проживания) привела к угрозе ассимиляции евреев. Создание еврейского территориально-административного образования в рамках РСФСР было своеобразным идеологическим ударом по сионистским организациям и тем кругам советского еврейского сообщества, которые стремились эмигрировать в Палестину. Также нужно учитывать и международную ситуацию. После окончания Первой мировой войны в Палестине так и не было создано еврейского государства несмотря на все заверения правительства Великобритании. Поэтому создание еврейской автономии продемонстрировало бы всему миру успешное решение в СССР не только национального вопроса в контексте самоопределения отдельного этноса, но и напугавшего еврейского вопроса.

Во второй половине 1920-х гг. Северный Крым рассматривался как самая вероятная территория для будущей еврейской автономии. Эти земли по своим географическим условиям больше всего подходили к характеру еврейских хозяйств. Этот проект нашел поддержку в высших кругах союзного руководства в лице М. И. Калинина, Г. И. Бройдо, М. А. (Ю.) Ларина и некоторых других. Первоначально и сам Сталин поддерживал этот вариант. Однако имелись и противники. Например, нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов 10 апре-

⁴ См.: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003; ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 621.

⁵ Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 91.

ля 1926 г. представил в Политбюро ЦК ВКП(б) записку, в которой аргументировано выразил свое отрицательное мнение по «крымскому проекту»⁶.

Финансовую помощь в работе Комзету оказали отделения ОРТ, ЕКО и «Агроджойнт» – Американская еврейская агрономическая корпорация, по сути отдел «Джойнта», специально созданный 21 июля 1924 г. для содействия переселенческой политике. Однако сотрудничество это было осложнено политическими разногласиями между руководствами зарубежных организаций и СССР (о чем, кстати, не преминул упомянуть в своей записке А. П. Смирнов⁷).

Руководство СССР, предвидя трудности в «общении» с иностранными организациями, учредило специальную организацию – частноправовое «Общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР» («ОЗЕТ»). Устав ОЗЕТа был принят и утвержден 22 декабря 1924 г. на заседании Административно-финансовой комиссии при СНК СССР. Свою деятельность ОЗЕТ начал в начале 1925 г. Первым руководителем стал Ю. Ларин.

Членами ОЗЕТа могли стать совершеннолетние граждане обоего пола, «неопороченные по суду», а также «всякого рода коллективы и юридические лица». Как юридическое лицо ОЗЕТ мог «приобретать, закладывать и отчуждать необходимое для его целей имущество, заключать договора и займы, выдавать обязательства, иметь сношения с правительственными и общественными учреждениями».

Общество по своим задачам, функциям и обязанностям можно считать неофициальным структурным подразделением Комзета. Впервые, ОЗЕТ был подотчетен Президиуму Совета национальностей ЦИК СССР и Комзету и был обязан «всемерно содействовать осуществлению его задач». Во-вторых, ОЗЕТ имел право учреждать «в пределах СССР республиканские, областные, губернские и другие местные отделения», созывать съезды различного уровня, вплоть до всесоюзного. И что самое главное, на ОЗЕТ возлагались очень важные обязанности – проведение необходимых агитационно-пропагандистских мероприятий: чтение лекций, организация концертов, выпуск печатной продукции (газет, листовок, плакатов, брошюр с обязательным обозначением наименования организации) и поиск необходимых денежных средств, «как в СССР, так и вне его»⁸.

Но «изыскивать средства» за границу ОЗЕТ не пустили. 27 марта 1926 г на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос о

⁶ См.: Записка наркома земледелия РСФСР А. П. Смирнова в Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу переселения евреев в Крым // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 376–378.

⁷ Там же. С. 378. Смирнов писал, что «Агроджойнт» угрожал Комзету прекратить финансирование, если в СССР не прекратятся аресты сионистов.

⁸ См.: ГАСО, ф. 461, оп. 2, д. 62, л. 7–8 об.

масштабных работах в Приазовских плавнях, требовавших больших материальных затрат. Согласно официальным договорам все работы должны были проводиться под руководством ОЗЕТа. Однако член Комзета А. Н. Мережин заявил, что общество, «крайне бедное материальными средствами ... не в состоянии взять на себя громадные расходы по осушению и устройству приазовских плавней». Для поиска средств необходимо было провести ряд переговоров с иностранными европейскими буржуазными организациями. Вести эти переговоры от имени правительства, считал Мережин, должно «не частное общество, а государственный «комитет по земельному устройству трудящихся евреев при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР (Комзет)», олицетворяющий правительство по вопросам земельного устройства трудящихся евреев». Свое заявление Мережин обосновывал положением инструкции о деятельности Комзета, фактом договорных отношений с зарубежными еврейскими организациями и желанием последних вести дело с государственным ведомством, нежели с частной организацией. Участие в переговорах ОЗЕТа, как указывалось, «придаст делу недостаточно солидный характер и затруднит его»⁹. Таким образом, выход ОЗЕТа на международную арену был невозможен – государство во избежание распространения контрреволюционного влияния монополизировало сферу международного сношения.

Примечательно, что в доработанном и опубликованном в 1928 г. уставе ОЗЕТа пункт о поиске средств остался неизменным: официально ОЗЕТ по-прежнему имел право вести переговоры о финансировании с иностранными организациями и частными лицами¹⁰. Документов о подобных разрешениях обнаружить не удалось.

ОЗЕТ имел представительства в ряде городов союза, где имелись значительное еврейское население и инициативные работники региональных учреждений из числа евреев. В Саратове отделение ОЗЕТ возникло 24 октября 1926 г. На первом организационном заседании были проведены выборы в Президиум отделения и решены некоторые организационные вопросы. Президиум состоял из 19 членов и пяти кандидатов. В Президиум вошли представители как государственной власти (член губисполкома Гринштейн, член Коллегии рабоче-крестьянской инспекции Каплан, члены первичных партийных ячеек), так и представители науки (профессор университета Каценбоген), сферы образования (представитель отдела обра-

⁹ См.: Записка члена Комитета по земельному устройству трудящихся евреев А. Н. Мережина в Политбюро ЦК ВКП(б) о наделении Комзета полномочиями для переговоров с организациями и ведомствами по проблеме землеустройства евреев // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос... С. 375–376.

¹⁰ Устав Всесоюзного Общества по земельному устройству трудящихся евреев в Союзе ССР («ОЗЕТ»). М., 1928. С. 4.

зования Гуткин, заведующий профтехнической школой Шофер), медицины (главный врач Советской больницы Динес, хирург Рабинович, доктор Одельман), искусства (профессор консерватории Городинский), юристы Ципкин, Дунович, студенты, рабочие и «чуждый элемент» – собственники кустарных промыслов. Саратовское отделение выполняло установку Первого Всероссийского съезда ОЗЕТ – привлечение в общество и в процесс переселения различных слоев еврейского населения¹¹. Была создана ревкомиссия с неясными функциями.

Вербовка членов общества в губернии проходила очень активно. На январь 1928 г. в Саратовском отделении числилось 498 человек. К 1 января 1929 г. численность увеличилась до 792 человек, что составляло около десятой доли всего еврейского населения губернии¹². Большинство членов – 673 человека (84,98%) – составляли мужчины. По социальному составу преобладали служащие – 489 человек (61,73%); кустари и рабочие – 121 (15,35%) и 58 (7,36%) соответственно. В общество также входили учащиеся, домашние хозяйки, торговцы, представители свободных профессий и т.д. Среди членов отделения преобладали беспартийные – 657 человек (86,35%). Коммунистов было 114 человек и членов ВЛКСМ – 21 человек. Особый интерес вызывает тот факт, что среди членов саратовского отделения ОЗЕТ 65 человек по национальности не являлись евреями¹³.

Местное отделение занималось пропагандой мероприятий по землеустройству евреев. В губернии осуществлялась подписка на официальную газету ОЗЕТ «Трибуна». Также газету можно было приобрести у общественных и платных распространителей, книгоношей и т.д. Саратовское правление ОЗЕТ активно сотрудничало с губернскими периодическими изданиями («Саратовские Известия», «Большевистский молодец») и различными городскими стенгазетами, при помощи которых освещало деятельность общества. Во многих учреждениях и предприятиях Саратова (например, на Кожевном заводе, в Совнархозе, Союзе «Медсантруд» и др.) были организованы ячейки, обслуживавшиеся штатными лекторами, агитаторами и пропагандистами ОЗЕТа. В Саратове читались лекции, проводились концерты, устраивались киносеансы. Все денежные средства, вырученные от этих мероприятий, тратились на приобретение инвентаря для поселенцев, на финансовую помощь нуждаю-

¹¹ См.: ГАСО, ф. 461, оп. 2, д. 62, л. 1а, 3 об.; Со съезда ОЗЕТ // Известия. 1926. 18 ноябр. С. 4.

¹² ГАСО, ф. 461, оп. 2, д. 62, л. 12; По данным переписи 1926 г. в Саратовской губернии проживал 7481 еврей (см.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1928. Т. 3. С. 474.) В целом по стране в 1928–1929 гг. численность членов ОЗЕТ составила от 200 до 220 тыс. человек (см.: Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 94; История еврейского народа. М., 2001. С. 501).

¹³ ГАСО, ф. 461, оп. 2, д. 62, л. 14–14 об.

щимся, отчислялись государству в качестве налогов. Саратовское отделение подготовило уполномоченных для агитационной работы и вербовки новых членов в Покровске, Балашове, Петровске, Сердобске, Камышине, Аткарске, Кузнецке. Губернское отделение ОЗЕТ оказывало шефскую помощь саратовским евреям, переселившимся в Крым (в район Евпатории) и Биробиджан, устанавливало связь для проведения совместных мероприятий с отделением ОЗЕТ в Сталинграде¹⁴.

8 ноября 1928 г. состоялось учредительное собрание Саратовского отделения Общества по распространению ремесленного и земледельческого труда среди евреев «ОРТ». На собрании присутствовало 43 человека. Целью общества являлось «содействие улучшению экономического положения еврейских трудовых масс путем привлечения их к производственному труду в области промышленности, ремесла и земледелия»¹⁵. Устав ОРТа в целом идентичен уставу ОЗЕТа.

Значительной информации о деятельности саратовского отделения ОРТа обнаружить не удалось. Известно, что отделение оказывало помощь саратовской еврейской артели «Еврейский труженик», также предпринимались попытки ведения агитационной работы¹⁶. Но постепенно деятельность отделения прекратилась, и 2 марта 1930 г. решением комиссии, состоявшей из представителей Нижневолжской краевой администрации и Саратовского городского совета, саратовское отделение ОРТ было ликвидировано. В постановлении говорилось, что отделение «в своей работе совершенно бездеятельно». Это, по мнению Комиссии, шло «в разрез с задачами социалистического строительства, а потому дальнейшее его существование и деятельность невозможны»¹⁷.

22 марта 1930 г. состоялась перерегистрация саратовского отделения ОЗЕТ. Выше упоминавшаяся комиссия, заслушав доклад представителя отделения, постановила, что отделение не ставит перед собой цели «накопления материальных денежных средств, для распространения их между участниками объединения», «не имеет неправильного идеологического направления в своей деятельности, идущего в разрез с задачами социалистического строительства», а посему разрешить дальнейшее функционирование отделения¹⁸.

Деятельность ОЗЕТа и его региональных представительств продолжалась до 1938 г. В разгар «Большого террора» начинается широкая кампания против еврейских политических организаций, со-

¹⁴ См.: ГАСО, ф. 461, оп. 2, д. 62, л. 23–25.

¹⁵ Там же. Д. 120, л. 3.

¹⁶ См.: Там же. Д. 129, л. 6 об.

¹⁷ Там же. Д. 62, л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 29.

ставлявших в 1920-е гг. оппозицию Сталину. Компромат был собран и на руководство Комзета и ОЗЕТа, тем более, что ОЗЕТом руководил старый соратник Сталина по Наркомнацу и негласный лидер советского еврейства С. М. Диманштейн, сменивший на своем посту скончавшегося в 1932 г. Ларина. Диманштейн был обвинен в антисоветской, диверсионной и шпионско-террористической деятельности и 25 августа 1938 г. расстрелян. В ходе следствия было выяснено, что в рядах ОЗЕТа и Комзета скрывались «контрреволюционные элементы и шпионы». Сменилось направление внутренней политики – еврейские организации стали не нужны, а их деятельность приобрела «неправильное идеологическое направление». 11 мая 1938 г., через неделю после ликвидации Комзета, была запрещена деятельность ОЗЕТа и его региональных отделений по союзу ССР. Иностранным еврейским организациям было предписано прекратить свою работу в пределах СССР.

Изменения коснулись и вопроса автономии. В 1929–1931 гг. советское руководство окончательно отказывается от «крымского варианта». Наиболее благоприятными признаются земли на Дальнем Востоке в районе Биробиджана. Не смотря на значительное сокращение переселенческих еврейских хозяйств и снижение среди евреев интереса к земельному устройству в 1934 г. провозглашается создание Еврейской автономной области с областным центром в Биробиджане. Если в 1920-е гг. истинные причины землеустройства евреев были завуалированы, размах мероприятий объяснялся «заботой о погибающей еврейской национальности», то в 1934 г. власти не скрывали, что еврейская автономия на Дальнем Востоке – «коммунистический ответ на проект сионистов в Палестине»¹⁹.

После Октябрьской революции в нашей стране проводился уникальный национальный эксперимент, составной частью которого был проект землеустройства евреев. «Создать национально-земледельческую культуру народа, который земледелием никогда не занимался – это, по существу, грандиозная задача»²⁰, – заявил М. И. Калинин 17 ноября 1926 г. на Первом Всероссийском съезде ОЗЕТ. Нерешенность этой задачи можно объяснить не только этническими стереотипами, игнорирующими занятие земледелием, но надуманностью самого проекта, организационной неразберихой и бюрократизацией самой идеи.

¹⁹ См.: История еврейского народа. М., 2001. С. 502–503, 507; Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 118.

²⁰ Калинин М. И. Указ. соч. С. 4.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАЙОННОГО ДЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1954–1970-е гг.

Особенности сельского расселения в любом регионе страны зависят от сложившейся структуры поселенческой сети. Наиболее интенсивно административно-территориальные изменения в Саратовской области шли с середины 1950-х гг., а стабилизировались в 1970-е гг. Изменения затрагивали районное деление области, численность населенных пунктов, их административный статус. Причинами столь радикальной трансформации районной структуры области являлось бурное экономическое развитие страны, вызванное, в частности, серьезными попытками реформирования социалистической системы хозяйствования.

Саратовская область была образована 10 января 1934 г. В 1950-е гг. начинается активная реорганизация районной структуры области: 14 марта 1951 г. был упразднен Широко-Буеракский район¹. В 1954–1957 гг. территория Саратовской области значительно сократилась за счет передачи 13 районов в состав вновь образованной Балашовской области. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1954 г. Балашовской области передавались также территории еще нескольких областей. От Сталинградской области были переданы 12 районов, от Воронежской области – 10, от Тамбовской области – два района². Эти районы составляли значительную часть правобережья. Из состава Саратовской области в Балашовскую были выделены Аркадакский, Балаповский, Казачкинский, Кистендейский, Красавский, Макаровский, Ново-Покровский, Родничковский, Романовский, Ртищевский, Салтыковский, Самойловский, Турковский районы³. В 1957 г. Балашовская область была упразднена, а входившие в нее районы вновь отошли к прежним областям. 13 районов возвратились в состав Саратовской области. Тогда же были упразднены Красноярский и Приволжский районы⁴. В этот год Ворошиловский район переименовали в Саратовский. Характерный пример реакции местных властей на участие известного государственного и партийного деятеля, имя которого носил район, в «антипартийной группе», пытавшейся сместить Н. С. Хрущева с лидерских позиций в стране.

¹ Справочник фондов ГАСО. Саратов, 1984. С. 20.

² ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 2, л. 77.

³ Там же.

⁴ Справочник фондов ГАСО. С. 20.

С 1957 г. до конца 1970-х гг. внешняя географическая граница Саратовской области оставалась неизменной. А вот общая численность районов, как и их границы на протяжении исследуемого периода неоднократно менялись. В этом процессе можно выделить два крупных периода: 1957–1965 гг. и 1965–1979 гг.

Основной тенденцией первого периода стало территориальное укрупнение районов области. В 1958–1959 гг. было проведено первое массовое укрупнение территорий районов, в области было упразднено 14 районов⁵. В 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР упразднению подверглись еще десять районов. Александрово-Гайский район был включен в состав Новоузенского района, Клиновский – в состав Пугачевского, Свердловский – в Баландинский, Золотовский – в Красноармейский, Черкасский – в Вольский. Еще пять районов были поделены между двумя или даже тремя более крупными районами: Бакурский – между Екатериновским и Петровским, Воскресенский – между Саратовским и Вольским, Ново-Покровский – между Баландинским, Аркадакским и Балашовским, Ново-Репинский – между Ершовским и Дергачевским, Широко-Карамышский – между Татищевским, Саратовским и Лысогорским⁶. Общее число сельских районов сократилось с 61 до 37.

«Второе укрупнение» произошло в 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 декабря 1962 г. численность сельских районов достигла 18. Среди 19 упраздненных районов было девять правобережных и семь левобережных. Правобережные районы чаще подвергались изменениям. При укрупнении районов упразднялись, наиболее удаленные, пограничные территории. Например, в 1962 г. Аркадакский район принял в свой состав Ртищевский и Турковский районы. Базарно-Карабулакский был укрупнен за счет включения Балтайского района. Хвалынский вошел в состав Вольского района⁷.

⁵ В сентябре 1958 г. были ликвидированы: Дурасовский, Казачкинский, Кистендейский, Куриловский, Макаровский, Салтыковский, Чапаевский районы. В июне 1959 г. – Безмянский, Жерновский, Комсомольский, Красавский, Вязовский, Подлесновский, Родничковский районы (см.: Справочник фондов ГАСО. С. 20–21).

⁶ ГАСО. ф. 1738, оп. 8, д. 8, л. 56.

⁷ Справочник фондов ГАСО. С. 20–21. Помимо указанных преобразований Екатериновский район вошел в состав Аткарского; Духовницкий, Малоперекопский, Сухо-Острогский – в состав Балаковского; Романовский и Самойловский – в Балашовский; Первомайский, Федоровский, большая часть Краснопартизанского – в Ершовский; Лысогорский – в Калининский; Питерский – в Краснокутский; Новобурасский – в Петровский; Красноармейский и Татищевский – в Саратовский; Ровенский в Терновский. В Марковский район вошли Советский и Федоровский, а также часть территории Первомайского района. Часть территории Пугачевского района была передана Перелюбскому району, а Пугачевский район был увеличен за счет присоединения части территорий Ивантеевского и Краснопартизанского районов.

Процесс укрупнения сельских районов в начале 1960-х гг. не всегда находил положительный отклик у жителей удаленных населенных пунктов. Зачастую население обращалось с просьбами в высшие партийные органы власти об изменении решения. Заслуживает внимания, к примеру, письмо жительницы села Первомайское Марксовского района А. К. Оськиной (письмо подписали еще 13 односельчан) Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну от 20 января 1965 г. В нем, в частности, отмечалось: «Мы обращаемся к Вам с просьбой о восстановлении Первомайского района. Саратовский Обком КПСС и Облисполком в настоящее время занимаются вопросом восстановления районов. Восстанавливается бывший Федоровский район, райцентром утверждена ст. Мокроус и туда же вливаются наш райцентр Первомайск и по одному колхозу и совхозу бывшего Первомайского района. Мы считаем такой подход неправильным. Станция Мокроус значительно удалена от хозяйств, входящих в восстановленный район. Ликвидация райцентра бывшего Первомайского района плачевно отразится на положении жителей. Люди, работающие сейчас в Госбанке, на почте, в райсоюзе и других организациях, примерно 70 человек, останутся без работы. Так как совхоз рабочей силой обеспечен полностью, они вынуждены будут бросить свои обжитые родные места и уезжать искать работу»⁸.

Укрупнение районов в начале 1960-х гг. находилось в русле развернувшейся политики централизации и бюрократизации управления страной. Административно-территориальные изменения районных границ Саратовской области, как правило, являлись уже последствиями исполнения постановлений ЦК КПСС. Так, на ноябрьском пленуме ЦК КПСС 1962 г. было принято постановление о перестройке партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов в соответствии с производственными принципами. После XXII съезда КПСС в колхозном и совхозном строительстве происходило крупное реформирование, создавались новые управленческие структуры. Вопросы материально – технического снабжения села, заготовок сосредоточивались в специальных органах, в новых структурах руководства совхозами и колхозами – совхозно-колхозных производственных управлениях. В докладе ЦК КПСС указывалось: «необходимо привести в соответствие с требованиями времени и партийное руководство промышленностью, строительством и сельским хозяйством»⁹. Выполняя это постановление, партийное руко-

⁸ ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 23, л. 49–50 об.

⁹ Постановление пленума ЦК КПСС «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством». 19–23 ноября 1962 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 289.

водство Саратовской области, следуя производственному принципу, создавало совхозно-колхозные управления и партийные комитеты в городах. Это приводило к ослаблению экономических взаимосвязей между населенными пунктами и райцентрами. Для удаленных и малочисленных населенных пунктов служило одним из факторов их дальнейшего исчезновения с карты области.

Эта реорганизация также вызывалась стремлением усилить партийное руководство промышленностью и сельским хозяйством. В партийных комитетах имелись структурные подразделения, которые функционально занимались хозяйственными вопросами. К 1962 г. значительно выросли парторганизации. На 1 января 1962 г. в колхозных парторганизациях состояли 1184 тыс. коммунистов на 345 тыс. больше, чем на начало 1956 г. В совхозах удельный вес коммунистов-рабочих увеличился, за те же годы с 53,2% до 70,3%. С 1959 г. в крупных колхозах и совхозах стали образовываться партийные комитеты, а парторганизациям бригад ферм, отделений предоставлялись права первичных организаций. В 1959–1960 гг. парткомы имелись в 5664 колхозах и 2140 совхозах, процесс их создания и увеличения в начале 1960-х гг. продолжался¹⁰.

В 1965–1979 гг. процесс укрупнения сельских районов был остановлен, возобладала тенденция восстановления районов в прежних границах. По Указу Президиума Верховного совета РСФСР от 12 января 1965 г. было восстановлено восемь правобережных (Красноармейский, Лысогорский, Ртищевский, Самойловский, Татищевский, Турковский, Федоровский, Хвальнский) и три левобережных (Краснокутский, Краснопартизанский, Духовницкий) района, а общее число районов увеличилось до 29¹¹. В 1969 г. было восстановлено еще шесть районов и их общее число достигло 35. В числе восстановленных значились Ново-Бурасский, Романовский, Балтайский, Ивантеевский, Питерский, Советский районы¹².

Интересно, что в периоды проведения Всесоюзных переписей населения общее число районов и их границы «приводились» в соответствие с материалами предшествующей переписи. По итогам Всесоюзных переписей 1959, 1970, 1979 гг. количество сельских районов Саратовской области «условно» составляло одно и то же число – 37. Так, в 1959 г. общее количество сельских районов области составляло 47¹³. При подсчете официальных статистических данных количество районов было «условно сведено» к цифре 37¹⁴. Сведения еще по

¹⁰ Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 163–164.

¹¹ Справочник фондов ГАСО. С. 23.

¹² ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 19, л. 191.

¹³ Там же. Д. 6, л. 6.

¹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Саратовской области // Коммунист. 1960. 27 авг.

десяти остальным (они будут официально упразднены только 19 мая 1960 г.) были получены заблаговременно в соответствии с данными районов, в которые в будущем планировалось их включить. В 1970 г. официальное количество районных административно-территориальных единиц составляло 35¹⁵. В материалах фонда облстатуправления количество «увеличивалось» до 37¹⁶. Данные по Ровенскому (будет восстановлен в январе 1972 г.) и Александрово-Гайскому (восстановлен в апреле 1973 г.) районам заранее подсчитывались отдельно¹⁷. Вряд ли можно говорить о «случайности» такого совпадения. По всей видимости, количество районов Саратовской области в силу экономической и территориальной целесообразности как раз и составляет число, близкое к 37.

Вопросы изменения административно-территориального устройства области всегда находились в ведении областных и республиканских партийных органов, хотя все эти изменения были санкционированы Президиумом Верховного Совета РСФСР, то есть властью «советской», «законодательной», «народной». В большинстве решений такого рода было заметно полное игнорирование мнений местных органов власти и жителей населенных пунктов, которых в последующем эти решения касались. Однако иногда позиция «с мест» не только учитывалась, но и становилась основой для выработки управленческих решений.

Показательна в этой связи дискуссия, развернувшаяся с декабря 1964 г. вокруг проблемы восстановления Романовского района. Поводом послужило письмо в ЦК КПСС, направленное председателями колхозов, входивших ранее в Романовский район. Дело в том, что по предложению Саратовского облисполкома территорию Романовского района планировали «разрезать» на две части. Одну из них предлагалось передать Балашовскому району, другую часть – Турковскому. Население колхозов, которые составляли 11 крупных хозяйств, обоснованно возражали против этого, поскольку районный поселок Романовка с момента возникновения оставался и длительное время был центром притяжения для населения всех хозяйств. К поселку были проложены дороги. В самом поселке были сосредоточены основные социальные учреждения: магазин, фельдшерский пункт, школа и пр. В письме в ЦК КПСС один из председателей колхозов прямо заявил, что «объединение с Турковским районом ляжет тяжким бременем на местный бюджет. Десятки лет мы строили дороги и мосты до Романовки, затратили колоссальные средства, а теперь надо начинать все сначала, потому что в Турки мы никогда не ездили и дорог туда не делали»¹⁸. Подобные разделы земель проводились без учета сложившихся экономических и социальных связей.

Облисполком сложившиеся экономические и социальные связи предпочел «не заметить» и свою позицию обосновывал иными до-

¹⁵ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 271, л. 24–26, 49.

¹⁶ См.: Там же. Ф. 2052, оп. 39-п, д. 125, л. 25–142.

¹⁷ Справочник фондов ГАСО. С. 23–24.

¹⁸ ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 19, л. 191.

водами. В качестве одного из основных аргументов выдвигалось положение о слишком малой территориальной площади и численности населения для создания отдельной административно-территориальной единицы: в 1962 г. в среднем по области на каждый район приходилось по 24 сельских Совета с населением 56 тыс. человек, а территория Романовского района насчитывала 11 сельских Советов и 32,6 тыс. человек¹⁹. В облисполкоме также утверждали, что многие колхозы и совхозы, ранее находившиеся в составе Романовского района, стали тяготеть к более мощному экономическому центру – городу Балашову. В данном случае категорические возражения местных органов власти были приняты во внимание, в итоге в 1965 г. Романовский район был восстановлен.

В 70-е гг. XX в. процесс пересмотра границ сельских районов области происходил более умеренно. В январе 1972 г. был восстановлен Ровенский район, в апреле 1973 г. – Александрово-Гайский район.

Александрово-Гайский район упразднили еще в мае 1960 г. по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР. Земли общей площадью 682 тыс. га перешли тогда в состав Новоузенского района. На них в то время располагались 11 совхозов и девять колхозов с площадью сельхозугодий 651,5 тыс. га, а население составляло 46,4 тыс. чел²⁰.

За 13 лет идея создания крупного района на юге области не оправдала себя. Многие населенные пункты оказались удаленными от райцентра на расстоянии 60–80 км, что приводило к их упадку, а зачастую и исчезновению. В объяснительной записке к решению о восстановлении района от 12 апреля 1973 г. значилось: «Упразднение Александрово-Гайского района отрицательно повлияло на оперативное и квалифицированное руководство хозяйственной деятельностью колхозов, совхозов. Ухудшилось решение вопросов по социальному обслуживанию населения²¹. Восстановленный в 1973 г. Александрово-Гайский район был значительно меньше по территориальной площади. Площадь сельскохозяйственных угодий составляла 255,6 тыс. га, в том числе 83,6 тыс. га пашни. Численность населения сократилась до 15,3 тыс. человек²².

С карты области исчезли до 1977 г. пять районов: Красноармейский, Марксовский, Петровский, Аткарский, Хвалынский.

В сентябре 1941 г. была осуществлена депортация немецкого народа. Всего было выселено 438,7 тыс. человек, в том числе из АССР Немцев Поволжья – 365,8 тыс. человек, из Саратовской области – 46,7 тыс. человек, из Сталинградской области – 26,2 тыс. человек²³. Лишь 13 декабря 1955 г. с советских немцев были сняты «огульные обвинения и ограничения в их правовом положении». Однако немцам не разрешили вернуться на историческую родину, в том числе и

¹⁹ Там же. Д. 767, л. 21.

²⁰ Там же. Л. 189.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Полян П. М. Не по своей воле. М., 2002. С. 111.

в районы Саратовской области. Указ узаконивал дальнейшее проживание немцев там, куда их выселили, «учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства... а районы его прежнего места жительства заселены»²⁴.

К примеру, один из кантонов АССР НП Каменский в 1942 г. был включен в состав Красноармейского района. Село Каменское в 1943 г. было преобразовано в рабочий поселок. В момент указанной реорганизации в Каменском рабочем поселке проживало около тысячи человек. В годы войны на территории Красноармейского района развернулось строительство Сталинградской железной дороги. В населенных пунктах стало оседать население. В 1950 г. по решению Совета Министров РСФСР в этих поселках были размещены конные заводы № 56 и 59.

По данным облисполкома численность населения бывшего Каменского кантона в 1952 г. она составляла 6098 человек. 20 ноября 1952 г. выпел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о создании на территории Красноармейского района (бывшего Каменского кантона) двух сельских Советов: Карамышского с населением 2338 человек и Гвардейского с населением 2925 человек²⁵. Так, новое административно-территориальное деление области постепенно уничтожало память о проживавших на этих территориях жителях немецкой национальности. В 1960 г. бывшие 15 немецких кантонов являлись территориями шести районов области: Красноармейского, Краснокутского, Ровенского, Терновского, Марковского, Первомайского²⁶.

Юридические ограничения к возвращению на Волгу и свободу перемещения для немцев были сняты только в ноябре 1972 г., однако власти продолжали препятствовать приезду немцев в районы Саратовской области. В конце 1970-х гг. саратовский облисполком часто получал из различных регионов письма бывших переселенцев из АССР НП с просьбой подтвердить место рождения, место работы и трудовой стаж²⁷. Ставился вопрос и о воссоздании немецкой государственности на Волге. Одна из таких попыток закончилась неудачей в 1979 г. В административно-территориальной структуре Саратовской области так и не нашлось места национально-территориальным образованиям советских немцев.

²⁴ Полян П. М. Указ. соч. С. 163.

²⁵ ГАСО, ф. 1738, оп. 8, д. 1, л. 83.

²⁶ Там же. Д. 7, л. 133.

²⁷ См.: Там же. Д. 1591, л. 10–140.

Я. Н. Рабинович

**ПЕРВЫЕ ВОЕВОДЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО САРАТОВА:
Ф. Т. ЧЕРНОВО-ОБОЛЕНСКИЙ И Е. Ф. МЫШЕЦКИЙ**

Сведений о первых воеводах левобережного Саратова сохранилось мало. Мы почти ничего не знаем об их биографии до момента назначения в Саратов, а также о саратовском периоде их деятельности. К числу таких начальных людей города-крепости относятся Федор Тимофеевич Черново-Оболенский и Ефим Федорович Мышецкий. Оба они – князья Рюриковичи, потомки святого Михаила Всеволодовича Черниговского. Начало службы обоих князей было связано с Новгородской землей. Оба князя в 1611–1612 гг. присягнули шведскому королевичу Карлу Филиппу, а затем перешли на сторону Москвы, признав царем Михаила Федоровича Романова. Оба прожили бурную и долгую жизнь, служили не только Михаилу Федоровичу, но и Алексею Михайловичу.

О родословной воевод Ф.Т. Черново-Оболенского и Е. Ф. Мышецкого можно сказать следующее. Один из сыновей Михаила Всеволодовича Черниговского, Юрий Михайлович, получивший в удел Торусу, имел пятерых сыновей, один из которых, Константин Юрьевич, стал родоначальником князей Оболенских, а другой, Михаил Юрьевич, основателем рода князей Мышецких. Князья Оболенские рано перешли на службу Москве, уже при Дмитрии Донском участвовали в борьбе с Тверью, Литвой и Ордой. Служилые князья Оболенские отличились в войнах Василия Темного с галицкими князьями, принимали активное участие в походах Ивана III и Василия III, возглавляя московские полки. В XVI в. некоторые из князей Оболенских занимали высокие посты в Боярской думе. Многие из них пострадали в годы опричнины.

Внук Константина Юрьевича Оболенского Константин Иванович погиб при нашествии Ольгерда в 1368 г.¹ Его внук, Семен Иванович

¹ От Константина Ивановича (через его младшего сына Андрея) пошли князья Долгорукие, Щербатые и Тростенские, а через его среднего сына Ивана –

Оболенский, имел двух сыновей: Дмитрия Щепу (родоначальника князей Щепиных, Золотых и Серебряных) и Константина. Один из десяти сыновей последнего – Михаил Константинович Оболенский-Сухорук являлся прадедом нашего героя, князя Федора Тимофеевича Черново-Оболенского².

Старший из трех сыновей Михаила Константиновича, Федор Михайлович Черный, был боярином во времена Ивана Грозного. Его младший брат, Василий Михайлович, имел сыновей Тимофея и Бориса. У Тимофея Васильевича Оболенского был единственный сын Федор, который также получил прозвище Черный или Черново.

В отличие от князей Оболенских, князья Мышецкие долго находились на службе у Литовских Великих князей. По-видимому, они перешли к Москве только при Иване III. Источники упоминают о четырех братьях: Семене, Иване, Федоре и Алексее Ивановичах Мышецких, которым Иван III дал земли в поместье в Новгородской земле в 1498 г. Отец нашего героя, Федор Федорович Мышецкий, упоминается в книгах Разрядных в походе 1589 г. царя Федора Иоанновича против шведов³. Его двоюродный брат, Данила Тимофеевич, являлся воеводой в крепости Корела в 1609 г. Федор Федорович и Данила Тимофеевич были внуками первых новгородских помещиков Мышецких.

Существует предположение, что Федор Тимофеевич Черново-Оболенский родился в 1588 г.⁴ Впервые мы встречаемся с Федором Тимофеевичем во время восстания Болотникова. В боярском списке 1606–1607 гг. в боях под Калугой упомянут стряпчий с платьем «князь Федор княж Тимофеев сын Черного-Оболенский»⁵. Правда, Е. И. Кобзарева считает, что еще в 1603 г. запись о закабалении трех холопов (за два руб.) относится именно к Ф. Т. Черного-Оболенскому⁶.

князя Курлятевы, Ноготковы, Репнины, Туренины, Пенинские, Лыковы, Кашины, Стригины, Нагие, Телпневы, а также Оболенские.

² Другие сыновья Константина Семеновича были родоначальниками князей Тюфякиных (Борис Константинович), Горенских (Василий Константинович), а также еще четырех ветвей князей Оболенских (Василий Белый, Юрий, Иван Глулый и Василий Краса).

³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 417: «Головы ставить сторожи... князь Федор княж Федоров сын Мышетцкой».

⁴ Славянская энциклопедия. XVII в.: В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 54.

⁵ Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003. № 39. С. 137.

⁶ См.: Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. № 9 (19). СПб., 2003. С. 361. См. также: Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 гг. (1591–1596 и 1602–1603 гг.) М.; Л., 1938.

Первоначально Ф. Т. Черново-Оболенский, судя по всему, принадлежал к аристократической оппозиции Василию Шуйскому. Сохранились сведения о том, что Ф. Т. Черново-Оболенскому был установлен старый оклад (25 рублей), и что при Василии Шуйском в 1608 г. он получил придачу (15 рублей)⁷. Однако эти дополнительные пожалования не изменили отношения князя Федора к царю Василию. В 1608 г. после поражения князя Дмитрия Шуйского под Болховом и создания Лжедмитрием II тушинского лагеря Федор Тимофеевич, как и многие другие молодые дворяне, отъехал в Тушино. Смутное время способствовало карьерному росту молодых дворян. В Тушино Ф. Т. Черново-Оболенский занял должность стольника⁸.

Катастрофа русской армии под Клушино (24.06.1610 г.) привела к свержению царя Василия Шуйского, избранию москвичами русским царем польского королевича Владислава и к оккупации поляками Москвы. В это же время шведы, бывшие союзники царя Василия (и злейшие враги Польши), приступили к захвату Новгородской земли, осадили крепость Корелу и захватили Ладогу. Московское марионеточное правительство Семибоярщины находилось полностью под контролем польского коменданга. Поляки пытались установить контроль над всей территорией страны. По призыву патриарха Гермогена и троицких старцев в стране началось формирование Подмосквовного ополчения, которое возглавил рязанский дворянин Прокопий Ляпунов⁹. Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах Федор Тимофеевич оказался в 1611 г. в Новгородской земле. Возможно, он вместе со многими бывшими тушинцами, после

⁷ Четверткин Смутного времени (1604–1617) // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1912. Кн. 2. С. 315.

⁸ Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб., 2003. С. 30: «Самая яркая карьера, сделанная новгородцем (из тех, что мы рассматриваем) – это чин стольника при Тушинском дворе, достигнутый помещиком Деревской пятины кн. Федором Черным-Оболенским». К началу XVII в. наблюдается значительный рост числа людей с огромными амбициями, в том числе – из числа провинциального дворянства, причем, эти люди были лишены возможности реализовать свои амбиции. Смута вдруг открыла для них невиданные ранее перспективы личной карьеры. См. также: Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. Волгоград, 1999. С. 551.

⁹ В отечественной историографии это ополчение чаще всего называют «Первое ополчение», реже – «Рязанское ополчение». Но ведь еще в 1608–1610 гг. в походе М. В. Скопина-Шуйского и освобождении Москвы от тушинской осады участвовало ополчение северных городов, которое по-праву можно считать первым ополчением. Поэтому в данной статье принято другое название: «Подмосквовное ополчение» вместо традиционного «Первого», и «Нижегородское ополчение» вместо «Второго». Именно так назвал ополчение Минина и Пожарского еще в 1914 г. историк П. Г. Любомиров в своем классическом труде о событиях 1611–1613 гг.

свержения царя Василия, принял сторону Семибоярщины, признал королевича Владислава Московским царем и вместе с королевским воеводой Иваном Михайловичем Салтыковым осенью 1610 г. убыл из Москвы в Новгород, чтобы заставить новгородцев присягнуть королевичу Владиславу.

А. А. Селин считает, что Ф. Т. Черново-Оболенский зимой 1611 г. принимал участие в осаде и взятии Ладоги, захваченной в августе 1610 г. французскими наемниками на шведской службе под командованием Пьера Делавиля¹⁰.

Весной 1611 г. после пожара Москвы и казни в Новгороде польского ставленника И. М. Салтыкова Федор Тимофеевич вместе со всеми новгородцами, а также многими дворянами, прибывшими из центра страны, перешел на сторону Подмосковного ополчения Прокопия Ляпунова.

Федор Тимофеевич мог находиться зимой-весной 1611 г. под Москвой и прибыть в Новгород уже в мае 1611 г. в составе отряда В. И. Бутурлина, которого Прокопий Ляпунов отправил вести переговоры со шведами об избрании шведского королевича на московский престол¹¹. Данной версии придерживается Е. И. Кобзарева, которая пишет: «Ф. Т. Черный-Оболенский, судя по всему, служил в Подмосковном ополчении»¹².

Переговоры между новгородцами и представителем Подмосковного ополчения В. И. Бутурлиным с одной стороны, и шведским военачальником Яковом Делагарди – с другой, зашли в тупик. Воспользовавшись беспечностью новгородцев, шведы в ночь на 16 июля 1611 г. захватили Софийскую сторону города и вынудили новгородского воеводу И. Н. Одоевского и митрополита Исидора подписать соглашение (договор от 25 июля), по которому новгородцы признали покровительство шведского короля, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский престол шведского королевича. В качестве главного воеводы в Новгороде оста-

¹⁰ А. А. Селин пишет, что «вместе с Салтыковым в 1610 г. в Новгороде оказались самые одиозные представители тушинского и калужского двора – ... «стольник» князь Федор Тимофеевич Черный Оболенский». См.: Селин А. А. Ладога при Московских царях. С. 35.

¹¹ «Начальники ж из-под Москвы послаша в Великий Новгород Василия Ивановича Бутурлина и повелеша ему збиратися с ратными людьми и Нова города оберегати... Начальники же начаша думати, что без государя быть нельзя, чтоб им избрати на Московское государство государя, и придумаша послати в Немцы прошати на московское государство Немецково королевича Филиппа». Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14 Первая половина. СПб., 1910. С. 110, 112. Гл. 264, 270. О посылке в Новгород.

¹² Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 136, 175, 180.

вался Яков Деллагарди, в подчинении которого находился новгородский воевода И. Н. Одоевский.

Летом – осенью 1611 г. после захвата шведами Новгорода и формирования шведско-новгородского правительства Деллагарди – Одоевского, многие из дворян, прибывших в 1610–1611 гг. в Новгород из центра страны в составе отрядов И.М. Салтыкова и В.И. Бутурлина, оказались перед выбором: что делать дальше? Под Москвой в это время после убийства казаками дворянского предводителя Прокопия Ляпунова произошел распад ополчения; большинство дворян, опасаясь репрессий, разъехалось из-под Москвы. В Подмосковном ополчении, которое теперь возглавил казачий атаман И. М. Заруцкий, остались, в основном, казаки и москвичи. Можно полагать, что Ф. Т. Черново-Оболенский и другие дворяне, приехавшие из центра страны, – все эти люди, оставшись в Новгороде, сознательно предпочли его переживавшему раскол Подмосковному ополчению¹³.

Федор Тимофеевич в это время стал активным поборником идеи избрания шведского королевича на русский престол. Фактически он возглавлял после отступления из Новгорода В. И. Бутурлина, Л. А. Вельяминова и некоторых других дворян, которые позднее примкнули к Нижегородскому ополчению Д. И. Пожарского, всю служилую корпорацию новгородцев.

В декабре 1611 г. в Швецию было отправлено новгородское посольство во главе с архимандритом Никандром. Новгородские послы в Стокгольме должны были вести переговоры об условиях избрания шведского королевича «на Новгородское государство, а также на Владимирское и Московское». Текст приговора новгородцев об избрании шведского королевича от 25 декабря 1611 г. сохранился. К этому приговору приложили руку некоторые прибывшие в Новгород дворяне Подмосковного ополчения, в том числе поставил свою подпись кн. Ф. Т. Черново-Оболенский¹⁴.

По сути – эта была та группа людей, которая вместе с кн. И. Н. Одоевским и митрополитом Исидором сознательно ориентировалась на избрание шведского королевича русским царем. Ведь соответствующая идея возникла еще до захвата шведами Новгорода, когда еще не стоял вопрос ни о выделении детям боярским поместий, ни о переподчинении новгородских войск шведским военачальникам Я. Деллагарди и Э. Горну.

После того как город был захвачен шведами, в Новгороде было произведено выделение поместий ряду лиц, которые ранее не имели владений в Новгородской земле. Первые такие пожалования

¹³ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода ... С. 136.

¹⁴ Приговор митрополита Исидора, князя И. Н. Большого Одоевского, земских чинов. 25 декабря 1611 г. // ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 162. С. 284.

происходили в начале осени 1611 г., когда Я. Делагарди стремился заручиться поддержкой представителей Подмосковного ополчения и местного дворянства¹⁵. Скорее всего, приехавшим из центра были сохранены те оклады, которыми они были верстаны при Василии Шуйском, – во всяком случае, подобная практика проводилась администрацией в отношении новгородских детей боярских. Пожалование получили среди прочих Ф. Т. Черново-Оболенский и другой выходец из Подмосковного ополчения Смирной Елизарьевич Отрепьев, дядя Григория Отрепьева. Федор Тимофеевич получил оклад 700 четей (четь, или четверть – единица площади земли)¹⁶. Известно, что еще до 1613 г. ему и Курапу Мякинину были пожалованы поместья Лобана Лугвенева в Водской пятине в Будковском, Лужском и Хрепельском погостах¹⁷. Ему было пожаловано также поместье Андрея Трусова¹⁸.

В 1612 г., когда шведы окончательно утвердились в своей власти, они организовали централизованный сбор кормов с поместий руками своих сторонников из русских людей. В основном, этим делом занимались те, кто сознательно делал ставку на избрание Карла Филиппа на русский престол. Среди выявленных сборщиков кормов почти половина подписалась под приговором 1611 г. об избрании шведского королевича на русский престол. Половина из этих сборщиков получила дополнительные земельные пожалования. Новго-

¹⁵ Часть из этих пожалований могла быть сделана позднее, весной – летом 1612 г.

¹⁶ «Ф. Т. Черново-Оболенский: размер оклада – 700, получил – 239, недодано – 461». Е. И. Кобзарева впервые ввела в научный оборот более сотни документов из Стокгольмского государственного архива, в том числе Дачную книгу Шелонской пятины 1611–1612 гг., в которой приводятся эти сведения. Микрофильмы данного документа имеются в ГАРФ. О Шелонской пятине, одной из пяти пятин Новгородской земли, в Стокгольмском архиве сохранилось много документов периода шведской оккупации (см.: Дачная книга Шелонской пятины 1611–1612 гг. (ГАРФ. КМФ-9. ЗА-37. № 336). Реально поместья не новгородцев («пришлых дворян»), размер оклада которых составлял 600–700 четей, оказались меньше, чем поместья новгородских детей боярских, верстаных окладом 500–550 четей (см.: Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 136, 192;

¹⁷ Роспись, сколько в Водской пятине дворянам и детям боярским и вдовам и недорослям дано поместий по приговору бояр и воевод Якова Пунтусовича Делагарда да князя Ивана Никитича Болшого Одоевского в нынешнем во 122 г. // RA, NOA, serie 2:79, л. 21–22. Документ указан автору Адрианом Селиным.

¹⁸ Сохранилась челобитная стольника Ф. Т. Черново-Оболенского (май 1612 г.), в которой он обращается к властям с просьбой освободить от податей пожалованное ему поместье Андрея Трусова в Обонежской пятине. См.: Дело по челобитной стольника кн. Ф. Черного Оболенского о невзимании кормов с его поместья в Обонежской пятине, вконец разоренного литовскими людьми. 1612, мая // RA, NOA, serie 2:354, л. 38–40. Ср.: Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол. С. 361.

родское руководство стремилось обеспечить в первую очередь тех, кто оказывал активную политическую поддержку созданному режиму. Сборщики продовольствия для «немецких» войск составляли как бы отдельную группу лиц, находившуюся в привилегированном положении. В Новгороде к этому делу были привлечены дворяне во главе с выходцами из Подмосковного ополчения князем Ф.Т. Черново-Оболенским и С.Е. Отрепьевым¹⁹. В дальнейшем, летом 1612 г., эти же лица будут участвовать в переговорах между Новгородом и Ярославем. Подьячий Федор Ларионов в своей челобитной в Новгород в декабре 1611 г. писал, что он «... послан был в Оштинской стан с князем Федором Оболенским и с Иваном Лутохиным приводить к крестному целованию и для денежного сбора»²⁰. Также крестьяне Оштинского стана Воскресенского Важенского погоста позднее писали, что «в 120 году, приезжал к нам по твоему государеву указу приводит нас к крестному целованию князь Федор Тимофеевич Оболенской да Иван Захарьевич Лутохин с товарищи. И мы... в своем Важенском погосте тебе, государю королевичу Карлу Филипу Каролевичу, крест целовали»²¹.

В отличие от Ф. Т. Черново-Оболенского многие из князей Мышецких были противниками шведов. Данила Тимофеевич, будучи воеводой в Кореле, в 1609 г. отказался уступить крепость шведам²² и в дальнейшем уехал из новгородской земли; в 1611–1613 гг. он был уже воеводой в Устюжне Железнопольской. Его двоюродный племянник, Ефим Федорович, в 1609–1610 гг. остался верен, как и многие новгородцы, Василию Шуйскому и сражался против тушинцев в войске М. В. Скопина-Шуйского. Сам Е. Ф. Мышецкий зимой 1610–1611 гг. принимал активное участие в борьбе против шведов в составе войск И. М. Салтыкова, осаждавших Ладогу. Французы Пьера Де-

¹⁹ Многие новгородцы проявляли большое рвение при сборе кормов. Вполне возможно, что на первом этапе дети боярские часто не осознавали реального положения вещей, не понимали, что Я. Делагарди обогащается за счет собираемых кормов. Новгородцы думали, что все собранные средства идут на содержание войск. В то же время обложение поместий, осуществляемое руками новгородцев, вело к ухудшению отношений детей боярских со шведами, которые отдавали распоряжения о сборе кормов (см.: *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 180, 197.

²⁰ Челобитная боярам и воеводам подьячего Федки Ларионова о даче денег из государевой казны. Декабря 28 // RA, NOA, serie 2:71, л. 4. Документ указан автору Адрианом Селиным.

²¹ Дело по челобитной крестьянина Приезжего Михеева... 1612. 22.08 // RA, NOA, serie 2:174, л. 28–31. Документ указан автору Адрианом Селиным.

²² См.: Грамота царя Василия Ивановича в Корелу к епископу Сильвестру, к воеводе Мышецкому и ко всем жителям: о выводе из Корелы российских поданных и об отдаче города и уезда шведам в порядке выполнения ранее заключенного договора. Москва, 30 августа 1609 г. // СГГД. Т. 2. СПб., 1822. № 191. С. 378–380.

лавила, запертые в ладожской крепости, так и не смогли получить от Якова Деллагарди обещанного подкрепления. Юхан Видекинд писал о постоянных нападениях новгородцев на шведские отряды, посланные на помощь Делавиллю. В этом деле отличился и Е.Ф. Мышецкий, который «побил неприятеля, языки многие поимал»²³.

После освобождения Ладоги от французов, Е. Ф. Мышецкий вместе с троюродным братом Федором Семеновичем в 1611–1612 г. «сидел в осаде два года в Орешке», и после этого «попал в плен, бежал». Эти сведения приводит Г. А. Власьев, но они нуждаются в проверке²⁴, поскольку имеются данные, что Е. Ф. Мышецкий подписался в декабре 1611 г. под приговором новгородцев о признании шведского королевича своим государем. Объяснить этот парадокс можно следующим образом: Е. Ф. Мышецкий в начале 1611 г. действительно сидел в осаде в крепости Орешек, а после захвата шведами Новгорода и формирования правительства Деллагарди-Одоевского, Ефим Федорович участвовал в переговорах об условиях сдачи Орешка в случае приезда шведского принца. Тогда же он мог подписаться под приговором новгородцев, после чего вернулся в Орешек (якобы, чтобы склонить гарнизон к сдаче) и продолжал находиться среди защитников крепости²⁵.

²³ См.: Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. Князя Черниговские. Ч. 2. С. 170–250.

²⁴ Известно, что гарнизон Орешка неоднократно отбивал атаки шведов (летом 1610 г., зимой 1611 г.), а после захвата шведами Новгорода защитники Орешка соглашались сдать город только самому шведскому принцу. Шведский военачальник Клаас Сланг организовал блокаду крепости. В итоге Орешек сдался только в конце апреля-начале мая 1612 г., когда из 1300 защитников в живых осталось около 100 человек (см.: Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 151, 157).

²⁵ Документы новгородского архива, любезно предоставленные автору этих строк ладожским историком Адрианом Александровичем Селиным, подтверждают данный тезис. Из челобитной Игната Яковлева сына Мокеева мы узнаем, что Ефим Федорович Мышецкий в начале 1612 г. был послан из Новгорода «встречать казну королевича», и ореховские сидельцы взяли его «под Орешок», где он находился 10 недель до сдачи Орешка. Из других документов известно, что возглавлял оборону Орешка от шведов в это время отец Ефима Федоровича, Ф. Ф. Мышецкий, вместе с которым сидели в осаде Андрей, родной брат Ефима, а также двоюродный брат? Иван и троюродный брат Федор Семенович. Сам же Ефим Федорович вместе с братом Мурзой получили от новгородского правительства осенью 1611 г. поместье отца в Теребужском погосте Водской пятины, которое сильно было разорено обеими сторонами (шведами и ореховскими сидельцами) во время осады Орешка. См.: RA, NOA, serie 2: 71, 73, 193. В январе 1612 г. Ефим и Мурза Мышецкие получили дополнительные земельные пожалования в Деревской пятине. При этом Е. Ф. Мышецкому был установлен довольно большой оклад – 600 четей, а отделено ему было только 100 четей. Новые пожалования Е. Ф. Мышецкий получил в сентябре и декабре 1612 г. (см.: Отдел кн. Мурзе и кн. Ефиму Федоровым Мышецким поместья кн. Богдана Федорова Мышецкого в Еглинском погосте Деревской пятины. 1612, янв. // RA,

В дальнейшем, мы видим Е. Ф. Мышецкого вместе с другими «орешковскими сидельцами» среди новгородских дворян, находящихся на службе шведов вплоть до начала 1614 г.

Весной-летом 1612 г. представители Подмосковного ополчения, оставшиеся в Новгороде, в основном были поглощены проблемой возведения одного из сыновей Карла IX на московский престол. Именно детям боярским из Подмосковного ополчения практически полностью принадлежала заслуга в установлении контактов с Нижегородским ополчением Минина и Пожарского, а также в переговорах относительно шведской кандидатуры²⁶. Эти переговоры с князем Д. М. Пожарским летом 1612 г. со стороны новгородцев возглавлял Ф. Т. Черново-Оболенский.

В это время обстановка складывалась таким образом. В начале лета 1612 г. из Швеции в Новгород вернулся Иван Якушкин, отправленный в Стокгольм еще в августе 1611 г. с договором между Делагарди и Новгородом. Он привез письмо нового короля Густава Адольфа от 8 апреля и письмо королевы от 20 апреля 1612 г.²⁷ Шведы и новгородцы, пытаясь расширить зону своего влияния, вступили в соприкосновение с отрядами из городов, поддерживающих Пожарского, пытались установить контроль над Белоозером. С другой стороны, еще с 1611 г. между новгородско-шведским правительством и новым самозванцем, Лжедмитрием III (Псковским вором Сидоркой), который укрепился вначале в Ивангороде, а затем в Пскове, а также другими отрядами казаков, черкас и поляков велись активные боевые действия. Поэтому шведы и Д. М. Пожарский стремились урегулировать свои отношения на фоне борьбы против общего врага. После того, как Густав Адольф и его мать подтвердили свое намерение прислать королевича Карла Филиппа в Новгород, новгородцы вступили в переговоры с земским ополчением, надеясь урегулировать конфликт и добиться избрания королевича на русский престол.

Весной 1612 г. ополчение Минина и Пожарского прибыло в Ярославль. Отсюда Пожарский отправил в Новгород Степана Татищева. При этом бояре в Ярославле просили прислать к ним новгородских послов «вскоре, не замешкав», вместе со С. Татищевым и его спутниками²⁸. Из Новгорода в Ярославль вместе с Федором Тимофееви-

дорова Мышецкого в Еглинском погосте Деревской пятины. 1612, янв. // RA, NOA, serie 1:75. С. 965-978; RA, NOA, serie 1:69. С. 132-143, 235-243).

²⁶ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода ... С. 136.

²⁷ Отписка кн. Д. М. Пожарского и Ярославской Земской думы митрополиту Исидору. [1612 г.] // ДАИ. Т. I. № 164. С. 287.

²⁸ См.: Отписка устюжан к выгочодцам, с приложением трех отписок к воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с товарищами: от Новгородского Митрополита Исидора, о немедленном отправлении из Новгорода в Ярославль посланников с полномочием, для совещания об избрании шведского ко-

чем Черново-Оболенским были отправлены игумен Геннадий и С. Е. Отрепьев. Эти люди представляли «шведскую партию», которая в то время была достаточно сильной в Новгороде²⁹. Новгородские посланцы выехали из Новгорода лишь 8 июня³⁰ и прибыли в Ярославль не позднее 24 июня³¹. Они привезли грамоту, где сообщали о согласии короля и его матери отпустить на Новгородское государство Карла Филиппа³².

О ходе этих переговоров между новгородцами и Пожарским мы узнаем из грамоты, отправленной из Ярославля в северные города³³. В данной грамоте дается полное имя руководителя посольства нов-

ролевича на Российский престол; от воеводы князя Одоевского и всех новгородцев о том же; от шведского полководца де ля Гарди о согласии его послать в Ярославль опасный лист для беспрепятственных сношений князя Пожарского с новгородцами. 1612 г. в июне // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 208. С. 352–358.

²⁹ Новый Летописец. С. 150; В ДАИ указывается: «Никола Чудотворца Вяжицкого монастыря игумен Геннадий, да стольник князь Федор Тимофеевич Черной Оболенский да дворянин Смирной Елизарьевич Отрепьев, и дворяне из пятин и торговые люди» (ДАИ. Т. 1. № 164). Видимо, у дворян из Подмоскownого ополчения, находящихся в Новгороде, в том числе и у Ф. Т. Черново-Оболенского, приезд посла из Ярославля Степана Татищева вызвал особое воодушевление, так же как и полученные сведения о нежелании князя Д. М. Пожарского ориентироваться на казаков (см.: *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 216–220).

³⁰ ДАИ. Т. 1. № 164; Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. V. С. 15. В письме Делагарди ошибочно указано 8 июля (см.: *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913. С. 52).

³¹ Отписка Устюжан к Вычегодцам в июле 1612 г. Переговоры Пожарского с новгородцами. Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николая Чудотворца Вяжицкого монастыря, кн. Ф. Т. Черново-Оболенского. Список. 1612 г. // ААЭ. Т. 2. № 210. С. 370: «... королевич пришел на Иван день в Выборг или кончае на Петров день будет». Из этих слов видно, что переговоры проходили 24–29 июня. Впервые на эту дату обратил внимание Д. П. Голохвостов (новгородские посланники были в Ярославле между Ивановым и Петровым днем). Это позволило исследователю сделать вывод о том, что переговоры с ними проходили между 24 и 29 июня (см.: *Голохвостов Д. П.* Ответ на рецензии и критику «замечаний» об осаде Троицкой лавры // *Москвитянин*. 1844. Ч. IV. № 7. С. 161).

³² Новгородцы указывали на письмо короля от 8 апреля, присланное с Иваном Якушкиным и на письмо королевы от 20 апреля (ДАИ. Т. 1. № 164). Ф. Т. Черново-Оболенский привез также копию договора новгородцев с Делагарди от 25 июля 1611 г., копию грамоты, которую дал Делагарди новгородцам, копию с грамоты и с приговора, отправленного из-под Москвы в июне 1611 г. Прокопием Ляпуновым и статейный список, также отправленный из-под Москвы. Из списка договора новгородцев с Делагарди Пожарский и бояре узнали, что новгородцы согласны избрать одного из сыновей Карла IX своим государем.

³³ Получив данную грамоту, жители северных городов, в частности, Велико-го Устюга, отправили список с нее в другие города (Соль Вычегодскую) для ознакомления (см.: ААЭ. Т. 2. № 210. С. 370).

городцев – Федор Тимофеевич Черново-Оболенский. В «Новом летописце» он назван кратко – Федор Оболенский³⁴. Все исследователи, говоря о переговорах Новгорода с Ярославлем в 1612 г., включая С. Смирнова, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, П. Г. Любомирова, так кратко и называют его³⁵. Полное имя Ф. Т. Черново-Оболенского мы встречаем лишь в статье Корсаковой о Д. М. Пожарском и в работе Г. А. Замятина³⁶. Возможно, именно поэтому саратовские краеведы не связывали первого воеводу левобережного Саратова с новгородским послом, который вел переговоры с Пожарским в 1612 г.

Ход самих переговоров изучен хорошо, поэтому нет смысла подробно останавливаться на них³⁷. Интересно отметить лишь несколько моментов, прежде всего, как Ф. Т. Черново-Оболенский объяснял причины задержки королевича: вначале король отпустил сына, затем произошла смерть короля, началась война с Данией, и королевич должен был вернуться домой. Фактически здесь князь Федор пошел на прямой обман лидеров ополчения, зная, что Пожарский плохо представляет обстановку в Швеции и в Новгороде³⁸.

Ф. Т. Черново-Оболенский, сравнивая действия шведов и поляков, убеждал Пожарского, что от шведов не будет никакого разорения. Однако теперь Пожарский и члены Земского Собора во главе с митрополитом Кириллом, изучив привезенные из Новгорода документы, обратили внимание, что королевич не православной веры, а

³⁴ Новый Летописец. С. 150

³⁵ *Смирнов С.* Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М., 1852; *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1994; *Любомиров П. Г.* Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.) М., 1939.

³⁶ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913. С. 52.

³⁷ Ф. Т. Черново-Оболенский при первой встрече не очень уверенно сообщил, что королевич Карл Филипп уже в дороге, должен вскоре прибыть в Выборг. Говоря о приглашении новгородцами шведского королевича, Федор Тимофеевич отметил, что Новгород действовал не самовольно, а по указанию Прокопия Ляпунова. Затем он сказал о цели своего посольства: ярославцы должны быть с Новгородом «в общей любви», «Новгород от Москвы никогда не был отлучен», поэтому на Земском соборе в Ярославле выборные должны избрать на Московское государство Карла Филиппа. Однако Пожарский в ответ заметил, что королевича еще нет в Новгороде, поэтому соединиться опасно, при этом он привел пример с поляками (переговоры москвичей с Жолкевским об избрании Владислава, который так и не прибыл в Москву).

³⁸ Король Карл IX умер в конце октября 1611 г., когда посольство архимандрита Никандра с приговором о приглашении королевича еще находилось в Новгороде, собираясь в Швецию; оно было отправлено лишь в конце декабря и прибыло в Стокгольм уже зимой 1612 г., то есть через несколько месяцев после смерти короля. Ни один кандидат на престол не отправится в дальнюю дорогу, не получив такого приглашения, не зная условий своего избрания и т. д.

Федор Тимофеевич в первой речи умолчал о вере королевича, да и в договоре с новгородцев с Делагарди об этом ничего не было сказано³⁹. Поэтому Пожарский твердо поставил два предварительных условия, на каких члены Земского Собора согласны договариваться с Новгородом: прибытие королевича в Новгород и принятие им православной веры⁴⁰. Только после этого ярославцы выберут людей и отправят их к королевичу в Новгород, а в настоящее время в Швецию послов посылать не будут. В ответ новгородцы сказали, что будут просить, чтобы Карл Филипп принял православие⁴¹.

На прощание Ф. Т. Черново-Оболенский произнес знаменательные слова: «Если только Карл королевич не захочет быть в православной христианской вере греческого закона, то не только с вами, боярами и воеводами, и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой веры, государя не хотим»⁴². Возможно, при этом Федор Тимофеевич имел в виду совместную борьбу Новгорода с Ярославлем против шведов в случае, если королевич не примет православную веру и не приедет в Новгород.

Из переговоров с Ф. Т. Черново-Оболенским Пожарский мог сделать и другой вывод: если Карл Филипп не будет избран на русский престол (это могло произойти в случае, если королевич не примет православие, не приедет в Новгород, либо из-за нежелания членов Земского Собора), то часть детей боярских, в том числе и сам князь Федор, покинут Новгород и будут сражаться вместе с ополченцами против шведов. Послы из Новгорода не были сепаратистами, они были убежденными сторонниками сохранения Новгорода в составе российского государства.

³⁹ Еще при отправке в Новгород С. Татищева, ему был дан наказ, узнать о вере королевича. Это главное требование – королевич должен креститься в православную веру. См.: Окружная Грамота (в списке) Военачальника Князя Дмитрия Михайловича Пожарского в Сибирские города: о происшествиях в Великом Новгороде и о присылке к нему в ополчение выборных от всякого чина людей с полномочием для советования с новгородскими посланниками, избрать ли на Российское Царство шведского Королевича Карла Филиппа. 1612 года, июня 10 // СГД. Т. 2. № 282. С. 598–599. См. также: ААЭ. Т. 2. № 208.

⁴⁰ При этом Д. М. Пожарский объявил Федору Тимофеевичу, что предложение избрать русским царем сына Карла IX исходило от бояр, и что сам бы он на такой шаг не решился.

⁴¹ Причастность к общей православной вере пробудила в новгородцах чувство, которое служило самой крепкой связью между всеми русскими людьми, которое подняло всю землю против поляков. Ф. Т. Черново-Оболенский ответил Пожарскому: «Мы от истинной православной веры не отпали, королевичу Филиппу будем бить челом, чтоб он был в нашей православной вере греческого закона, и за то хотим все помереть» (см.: Соловьев С. М. Указ. соч.)

⁴² ААЭ. Т. 2. № 210. С. 370.

Д. М. Пожарский в какой-то мере сумел повлиять на позицию Ф. Т. Оболенского и других членов посольства, тем самым, найдя в Новгороде сторонников Народного ополчения, которые при определенном повороте событий могли бы уехать из Новгорода.

Пока же разрыва с Новгородом не последовало. Ярославцы дали понять Федору Тимофеевичу и другим послам, что на указанных условиях (скорейшее прибытие королевича в Новгород и его православная вера) они готовы продолжать переговоры и избрать Карла Филиппа московским царем. При этом они уважительно именуют Деллагарди Яковом Понтусовичем (в дальнейшем, когда отношения между Москвой и шведами станут враждебными, его будут называть Яков Понтусов)⁴³.

О результатах переговоров ярославцы сообщили 26 июля в Новгород. Туда снарядили посольство во главе с П. И. Секериным, Ф. К. Шишкиным и Д. Русиновым. Их отправили от Земского Собора, «от Всей Земли». Это посольство в Новгород П. Секерина преследовало теперь другую цель. Так как стало ясно, что в ближайшее время избрания царя не состоится, то нужно было заключить договор с Новгородом, чтобы не начинать междоусобной войны при движении ополчения к Москве. Вместе с П. И. Секериным были отпущены новгородские послы, во главе с Ф. Т. Черново-Оболенским⁴⁴.

Новгородские послы во главе с Ф. Т. Черново-Оболенским вернулись в Новгород где-то в середине августа 1612 г.⁴⁵. Послы привезли ответ ярославцев относительно королевича, из которого видно, что у Собора было серьезное намерение избрать в цари Карла Филиппа. В письме митрополиту Исидору бояре пишут, что они согласны держаться приговора Ляпунова, однако намекают, что в случае задержки выберут царем другого: «нам без государя быть невозможно»⁴⁶.

⁴³ ДАИ. Т. 1. № 164. Пожарский и бояре писали новгородцам: «... пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и заборов никаких не делать».

⁴⁴ Новый Летописец глухо говорит, что «послаша к новгородцам с присланными от них Перфирья Секирина» (см.: Новый летописец. С. 150).

⁴⁵ В письме Деллагарди королю от 23 августа 1612 г. говорится, что новгородцы и ярославцы прибыли в Новгород за несколько дней до отправки этого письма (см.: Сб. НОЛД. Вып. V. С. 15).

⁴⁶ В письме к Деллагарди Пожарский и бояре согласились пока не выбирать никого, ждать королевича этим годом, «по летнему пути», до осени. См: ДАИ. Т. 1. № 164. Пожарский и бояре писали новгородцам: «Если королевич вас не пожалует и в Великий Новгород нынешнего года по летнему пути не будет, то во всех городах всякие люди о том будут в сомнении; а нам без государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя». См. также: Сб. НОЛД. Вып. V. С. 16.

Эта посольская служба Федора Тимофеевича была высоко оценена в Новгороде. 3 сентября 1612 г., приблизительно через две недели после возвращения в Новгород, новгородское правительство пожаловало дополнительными земельными владениями Ф. Т. Черново-Оболенского и С. Е. Отрепьева за ведение переговоров с Д. М. Пожарским и поделило между ними поместье И. Т. Якушкина⁴⁷.

После своего возвращения в Новгород Ф. Т. Черново-Оболенский, явно не расставшись с мыслью о коронации в Москве шведского королевича, рассчитывал на тесное сотрудничество с ополчением. Сразу после своего возвращения в Новгород он послал хлеб в Ярославль, одновременно прося у новгородской администрации, чтобы ему выделили хлеб, необходимый для пропитания⁴⁸.

В дальнейшем мы встречаем Федора Тимофеевича на самых ответственных постах в новгородской администрации. Именно Ф. Т. Черново-Оболенскому было поручено проведение в марте 1613 г. в районе Старой Русы смотра детей боярских, призванных на службу в Новгород и стоявших на «подъезде» к Новгороду. Сохранился список этих людей, охватывающий все новгородские пятины⁴⁹.

На этом смотре присутствовало 227 детей боярских, т.е. половина из находившихся в Новгороде во время захвата его шведами в 1611 г.⁵⁰. У тех лиц, которые не прибыли на смотр («нетчики»), отбирались поместья, которые передавались другим детям боярским⁵¹.

⁴⁷ См.: *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 226. См. также: Книга с записями о взимании пошлинных денег с поместных дел. 120 (1611/1612) г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-37. № 47. В дальнейшем Ф. Т. Черново-Оболенский вместе с Курапом Мякиным получил также поместье Лобана Лугвенева в Будковском, Лусском и Хрепельском погостах Водской пятины. См.: Роспись, сколько в Водской пятине дворянам и детям боярским и вдовам и недорослям дано поместий по приговору бояр и воевод Якова Пунтусовича Делегарда да князя Ивана Никитича Болшого Одоевского в нынешнем во 122 г. // RA, NOA, serie 2: 79, л. 21–22.

⁴⁸ См.: *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 226. См. также: Челобитная кн. Ф. Т. Черново-Оболенского. 1612 г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 349.

⁴⁹ Список дворян 1613 г. призванных на службу в Новгород, и стоявших на «подъезде» к городу, а также выступивших в поход с кн. Ф. Т. Черново-Оболенским. В отдельной записке упоминается проводившийся в Новгороде в марте 1613 г. смотр. Списки дворян, призванных на службу. 1613 // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 159, 162. См. также: Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA, serie 2: 170–В. Л. 11: «Марта в ...день. Дворяне и дети боярские быти им на государеве службе с столником и воеводою со князем Федором Тимофеевичем Черным Оболенским».

⁵⁰ Летом 1611 г. в Новгороде находились 4 дворянские сотни, всего 450 дворян (см.: *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. 1993. № 4 (14)).

⁵¹ См.: Дело по челобитной Григорья Ондреева с. Ресницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA, serie 2: 186. Л. 44: «И в списке, каков прислал из Старые Русы князь Федор Оболенской в нынешнем во

Из собравшихся 227 человек отряд, включавший 101 человека, выступил в поход во главе с Ф. Т. Черным-Оболенским. По мнению Е. И. Кобзаревой, отряд Федора Тимофеевича присоединился к шведскому войску Э. Горна и направился к Пскову. Однако войска, располагая ограниченными силами, не рискнули совершить нападение на крепость. Юхан Видекинд отмечал, что «Горн располагал лишь восемьюстами человек, остальные были русские, на которых нельзя было особенно положиться». Э. Горн писал королю, что «пошедший в поход князь Федор» (видимо, князь Ф. Т. Черный-Оболенский) сообщил, что новгородцы предполагают совершить какое-то мошеничество. Дети боярские стали дезертировать, пока их не осталось 50 человек⁵².

Московский историк О. А. Курбатов считает, что новгородский отряд князя Федора Черново-Оболенского (сто дворян и детей боярских, не считая холопов) вместе с войсками шведского военачальника Франциска Стрийка весной 1613 г. выступили не против Пскова, а на юго-восточную окраину Новгородской земли. Они безуспешно сражались против казаков Леонтия Плещеева на Удомле, затем потерпели поражение на Усть-Реке на Белой от отряда С. В. Прозоровского и Л. А. Вельяминова, отправленного по распоряжению правительства Михаила Романова на помощь Пскову (при этом военачальник «Франсрук» был убит, а новгородские союзники шведов разбежались). В итоге москвичи захватили 25 мая 1613 г. Тихвин.

Сведений о дальнейшей судьбе Ф. Т. Черново-Оболенском имеется чрезвычайно мало. Можно предположить, что этот неудачный поход весной 1613 г. повлиял на его карьеру. Также следует учесть и избрание в Москве царем Михаила Романова, при этом многие бывшие соратники Федора Тимофеевича присягнули новому царю. Вскоре начались восстания в Новгородской земле против шведов (Тихвин, Гдов, Порхов). Новгородских детей боярских теперь возглавляли другие люди – Иван Иванович Одоевский, сын новгородского воеводы, и Иван Афанасьевич Мещерский, воевода Порхова.

Летом 1613 г. в Выборг прибыл, наконец, шведский королевич Карл-Филипп. Новгородцы отправили к нему очередное посольство во главе с архимандритом Киприаном. Под новым приговором вновь стояли подписи представителей «всей земли». Однако, состав тех, кто подписался под этим документом, заметно отличался от состава новгородцев, в свое время приложивших руку к приговору в декабре 1611 г. Судя по подписям, собранным в 1613 г., дети бояр-

121 году марта в 14 день написано: Деревские пятины дворяне и дети боярские, которые у смотру не были, а после смотру не объявлялися же, а окладчики про них сказали, что они живут по домам и в том числе написаны Сергей Сидоров сын Дирин да Сотник Веревкин».

⁵² См.: Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 258.

ские из Подмосковного ополчения, прибывшие в Новгород в начале 1611 г. и принявшие активное участие в переговорах с Ярославлем в 1612 г., к этому времени либо покинули город, либо не пожелали подписываться под новым приговором. Нет подписи под приговором 1613 г. и князя Ф. Т. Черново-Оболенского, все еще находящегося в Новгороде⁵³.

Как отмечает Е. И. Кобзарева, те, кто до избрания царем Михаила Романова делал ставку на возведение шведского королевича на московский престол, потерпели поражение и были вынуждены выйти из игры. Многие новгородцы с этого времени отказывались не просто подчиняться приказу, не только уклонялись от участия в боевых действиях против москвичей, но и говорили о своем нежелании служить королевичу. Многие из них бежали к москвичам.

Чтобы предотвратить это бегство, шведы заставляли новгородцев составлять поручные записи за других жителей. Поручитель в случае бегства человека, за которого он ручался, рисковал своим имуществом. В январе 1614 г. Ф. Т. Черново-Оболенский вместе с другими дворянами подписался за Ефима Федоровича Мышецкого. Шведы требовали за Е. Ф. Мышецкого большое количество подписей поручителей, причем среди них были не только дворяне, но и посадские люди, имевшие свои дворы в Новгороде. В итоге, за Е. Ф. Мышецкого поручилось 52 человека, среди которых портной мастер, красильщик и другие состоятельные ремесленники⁵⁴. Имя Федора Тимофеевича стоит в этом списке первым, что подчеркивает значение его подписи⁵⁵. До этого Ф. Т. Черново-Оболенский подписался за дворян Тушиных, за Кузьму Колокольцева. Его подпись стоит и в поручной записи о невыезде за рубеж Лупандиных⁵⁶. Однако это не помогало. Бегство из Новгорода продолжалось. Причем, теперь ста-

⁵³ Из тех, кто вел переговоры в Ярославле с кн. Д. М. Пожарским, под приговором 1613 г. оставил подпись лишь бывший сподвижник кн. М. В. Скопина игумен Геннадий. Не было среди подписавшихся и тех восьми человек, кто в 1612 г. собирал корма и приложил руку к приговору 1611 г. (см.: Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода ... С. 285).

⁵⁴ См.: Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 69.

⁵⁵ Поручная запись кн. Ф. Т. Черново-Оболенского и др. лиц по кн. Ефиме Федорове с. Мышецком в том, что быть ему в Новгороде и не отъехать в «изменные» города. 1614. 17.01. // СПб., ИРИ РАН. Колл. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 553. См. также: Селин А. А. Григорий Никитич Муравьев: кто создавал условия непрерывной жизни // Ладога – первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сб. статей. СПб., 2003. С. 132.

⁵⁶ Поручная запись новгородских детей боярских по Богдане и Федоре Петровым детям Тушина. 1613. 23.12 // RA, NOA, serie 2: 128; Поручная запись новгородских детей боярских по Кузме Яковлеву с. Колоколцове. 1613. 5.09. // RA, NOA, serie 2: 255; Поручная запись о невыезде за рубеж Лупандиных, о наложении на поручников пени // ДАИ. Т. 2. № 9. См. также: Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол. С. 361.

ли бежать и поручители. Е. Ф. Мышецкий осенью 1613 г. служил на Бронницах, тогда же, 20 ноября 1613 г., сам поручился (дал подписку) за некоторых детей боярских на верность шведскому королю. Однако уже в 1614 г. он перешел на сторону Москвы. Скорее всего, это произошло весной 1614 г., хотя еще в 24 марта 1614 г. Е. Ф. Мышецкий упоминается среди других поручителей за Федора Семеновича Мышецкого, его имя стоит на первом месте⁵⁷. Е. Ф. Мышецкий отличился в том же году в боях под Смоленском, сражаясь против поляков в войске князя Черкасского, за что получил дополнительную прибавку к окладу 50 четвертей⁵⁸.

Его поручитель, Ф. Т. Черново-Оболенский, также недолго оставался на службе у шведов. Весной 1614 г. московское войско Д. Т. Трубецкого подошло к Новгороду и стало на Бронницах. 14 июня Деллагарди отправил к Трубецкому для переговоров Федора Тимофеевича и других новгородцев. Судьба вновь свела бывших тушинцев, а возможно, также и бывших соратников по Подмосковному ополчению Ляпунова. Ф. Т. Черново-Оболенский так и не вернулся в Новгород, перешел на службу царю Михаилу. Вместе с ним остались у москвичей и многие другие новгородцы. Об этом Д. Т. Трубецкой сообщал в Москву в июне 1614 г.⁵⁹. При этом в Новгороде осталась жена Федора Тимофеевича, Марья. Известно, что в сентябре 1614 г. она получила хлеб в Новгороде вместе с некоторыми вдовами детей боярских⁶⁰.

После того, как Федор Тимофеевич «отъехал за рубеж», его поместье было передано другим людям, которые оставались верны шведам⁶¹. Сам же Ф. Т. Черново-Оболенский состоял стольником при дворе Михаила Романова и получил новые земли в Галицкой чет-

⁵⁷ Поручная запись по кн. Федоре Семенове Мышецком. 1614. 24.03 // RA, NOA, serie 2: 172, л. 81.

⁵⁸ Е. Ф. Мышецкий в 1614–15 гг. «служил под Смоленском и затем в Новгороде при боярине князе Иване Андреевиче Хованском, где он в стычке с литовскими людьми отбил Осипа Прончищева. В 1615 г. добавлено ему в окладе за Смоленск 50 четв.» (см. *Лебедински М.Ю.* Хроника рода князей Мышецких (от предков Рюрика до наших дней). Версия 1998 г. М., 1998. С. 50).

⁵⁹ *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1926. Т. III. С. 63: «Июня, государь в 14 день выехал к тебе государю (ГЦВКМФВР) из Новгорода от немецких людей из-за Мсты реки из Самойлова полку Кобриня и приехал к нам, холопом твоим на Бронницы князь Федор княж Тимофеев сын Оболенский...». См. также: Отписка кн. Д. Т. Трубецкого царю. 1614 г. // РГАДА, ф. 96. Шведские дела. 1614 г. № 1. Л. 101; Ср.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода ... С. 338.

⁶⁰ Память Ф. Н. Неклюдову и подьячему Б. Бересскому о даче хлеба вдовам детей боярских. 1614. 12.09 // RA, NOA, serie 2: 289, л. 1.

⁶¹ Поместье Лобана Лугвенева, которое было ранее передано Ф. Т. Черново-Оболенскому и Курапу Мякину, после их «измены» в 1614 г. получили Ф. М. Аничков и дьяк Пятой Григорьев. См.: Память Г. С. Обольянинову о даче семян дворцовому дьяку Пятому Григорьеву и Филону Оничкову из отписного поместья Лобана Лугвенева, что было дано кн. Федору Оболенскому. 1614, авг. // RA, NOA, serie 2: 148, л. 13. См. также: *Селин А. А.* Неизвестная грамота царя Федора Борисовича и царицы Марии Григорьевны Годуновых. Б. м. Б. г.

верти уже в сентябре 1614 г. Ему был установлен оклад в 40 рублей⁶². На протяжении осени 1614 – весны 1615 г. не прекращалось верстание денежными окладами бежавших из Новгорода детей боярских⁶³. Известно, что 30 июня 1615 г. Федор Тимофеевич вместе с другими стольниками, стряпчими и жильцами в Разряде подтвердил оклад Артемия Пуляева и «руку приложил»⁶⁴.

Перед этим он 20 июня 1615 г. получил 15 рублей государева жалования «для скудости», после чего был отправлен в Ярославль, собирать ратных людей, чтобы с ними «идти на государеву службу под Смоленск»⁶⁵.

По-видимому, эту задачу он выполнить не смог, так как в это самое время с севера к Москве подходили казачьи отряды из войска атамана Баловня (Михаила Баловнева), которые грабили все на своем пути, забирая с собой многих местных жителей. Казаки выдвигали перед правительством ряд требований, осадили Москву, но в итоге были разбиты боярином Б. М. Лыковым. В период похода к Москве летом 1615 г. войска атамана Баловня поместье Ф. Т. Черново-Оболенского подверглось разграблению, а сам он, как упоминается в источниках, был уведен из своего поместья «пишами»⁶⁶. Возможно, он освободился после разгрома движения Баловня Б. М. Лыковым, либо сумел откупиться от казаков.

В 1616 г. Ф. Т. Черново-Оболенский уже записан в стольниках с окладом в 100 руб. В этом документе он стоит на 91-м месте между Н. И. Ласкиревым и Ю. А. Сицким (всего перечислены 116 стольников)⁶⁷.

Таким образом, оба наших героя уже с 1614–1615 гг. находились на службе царя Михаила Федоровича. Сведений о том, как проходила их дальнейшая служба в завершающий период Смуты пока не найдено. Ф. Т. Черново-Оболенский в 1617–1618 гг. вполне мог участвовать в отражении наступления на Москву польского королевича Владислава и гетмана Сагайдачного. Е. Ф. Мышецкий, скорее всего, находился среди тех 74 новгородцев «дворян и детей боярских разных пятин», отправленных в 1617 г. из Москвы в Новгород с новым

⁶² Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени... С. 315: «Оболенский Федор Тимоф., стольник. 123 г. 30 сентября велено записать его в 40 рублях: старый его оклад 25 р., сыскан в Разряде в боярской книге 117 г., а 15 р., придача, что было придано при царе Василии, велено справить по разрядному списку стольников, стряпчих и дворян московских».

⁶³ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 351. См. также: Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. // РИБ. Т. 15. СПб., 1894.

⁶⁴ Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени... С. 226.

⁶⁵ Приходно-расходная книга Разряда 7123 г. / Приходно-расходные книги московских приказов. Книга первая // РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб., 347.

⁶⁶ Славянская энциклопедия. Т. 2. С. 54.

⁶⁷ Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными окладами, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов дворяне ... с поместьями и с денеж...124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук. Т. 1. (1571–1634). СПб., 1890. № 108. С. 141: «Князь Федор княж Тимофеев Оболенской, поместный ему оклад – ...четей, из чети 100 рублей».

новгородским воеводой И. А. Хованским⁶⁸. Он мог также участвовать в межевании земель Водской пятины в 1617–1618 гг. Известно, что в 1619 г. он имел земли в Водской пятине⁶⁹. В 1619 г., когда новгородские воеводы И. А. Хованский, М. А. Вельяминов и дьяк Третьяк Копнин составляли сыскную десятню Водской пятины, Е. Ф. Мышецкий был в числе четырех окладчиков (свидетелей). Это говорит о том уважении, которым пользовался наш герой среди других дворян и детей боярских⁷⁰.

Дальнейшая судьба обоих героев связана с городом Саратовом. Сведения о назначении Ф. Т. Черново-Оболенского и Е. Ф. Мышецкого в Саратов сохранились в Книгах разрядных⁷¹. Стоит только добавить, что Г. А. Власьев ничего не сообщает о князе Федоре Ивановиче Черново-Оболенском. По всей видимости, дьяки в Разрядном приказе допустили ошибку. Запись о назначении первого саратовского воеводы после Смуты в 1617 г. (это первое упоминание о Саратове после сожжения города и ухода его гарнизона в Самару 1613–1614 гг.) относится именно к Федору Тимофеевичу, а не к некоему Федору Ивановичу. В разрядных записях о назначении воевод в города за 1615 г. и 1616 г. Саратов не упоминается, хотя имеются сведения о воеводах Самары и Царицына. Ф. Т. Черново-Оболенский находился в Саратове довольно долго, не менее трех лет, с 1617 г. до 1620 г. По-видимому, именно он возглавлял строительство левобережного Саратова в устье река Саратовка. Только летом 1620 г. его сменил на этом посту Ефим Федорович Мышецкий⁷².

⁶⁸ КР. СПб., 1853. Т. 1. Стб., 389.

⁶⁹ См. *Лебединский М. Ю.* М., 1998. С. 50: «... Е. Ф. Мышецкий ... дворянин Водской пятины по дворовому списку оклад его был 650 четвертей». Фактически оклад составлял 700 четей. См. след. сноску.

⁷⁰ В Сысской десятне записано: «Князь Ефим княж Федор сын Мышецкой. По списку, каков остался после послов за приписью дьяка Марка Поздеева поместный ему оклад 700 четей. А по окладчицкой скаске во 118 году при царе Василии поместный ему оклад учинен за его многие службы и за раны 650 четей, да пущен в четь, денег из чети 18 рублей. Да во 123 году при ... Михаиле Федоровиче придано ему за смоленскую службу 50 чети, денег из чети 2 рубля. И по окладчицкой скаске поместный ему оклад 700 чети, денег из чети 20 рублей». См.: Сысская десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских. Водская пятина Новгородского уезда. 2 мая 1619 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты ... С. 268.

⁷¹ КР. СПб., 1853. Т. 1. 1617 г. Стб. 405: «В понизовых городех: На Саратаре (sic) воеводы князь Федор княж Иванов сын Черново-Оболенской»; Там же. 1618 г. Стб. 545: «На Саратове князь Федор княж Тимофеев сын Черново-Оболенской»; Там же. 1619 г. Стб. 663: «На Саратове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Черново-Оболенский».

⁷² КР. Т. 1. 1620 г. Стб. 720. «На Саратове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Черново-Оболенской; и с Саратова князь Федор отпущен к Москве, а на его место во 128-м году послан с Москвы князь Ефим княж Федоров сын Мышецкой»; Там же. 1621 г. Стб. 764: «На Саратове князь Ефим Мышецкой»; Там же 1622 г. Стб. 871. «На Саратове воевода князь Ефим Мышецкой послан во 128 году (1620) в июле; и в нынешнем во 130 году (1622) прислан из Казани на

После Саратова Ф. Т. Черново-Оболенский в 1622–1623 гг. был воеводой в Ржеве Володимировой⁷³, Здесь Федор Тимофеевич находился и в 1623 г., до прибытия нового воеводы Ф. С. Вельяминова⁷⁴. В 1625 г. мы видим его уже на южных рубежах: он командовал в Мценске «прибылым» полком⁷⁵. Затем Ф. Т. Черново-Оболенский несколько лет находился в Москве: в 1626–1627 гг. в чине дворянина московского он неоднократно приглашался к столу патриарха и государя⁷⁶. В 1627 г. в отсутствие царя Федор Тимофеевич оставался в Москве «для ее бережения», что говорит о высоком доверии к нему со стороны государя, а 14 сентября 1628 г. он присутствовал при дворе на приеме персидских купцов⁷⁷.

Дворцовые разряды сообщают об участии Федора Тимофеевича 17–24 февраля 1630 г. на приеме («при приезде, в ответе и отпуске») шведского посла «Антоня Монира»⁷⁸. 30 марта 1630 г. Ф. Т. Черново-Оболенский отправлен в Астрахань «для городского дела», построил там стены с башнями⁷⁹. В 1640 г. мы видим его на воеводстве в Кольском остроге⁸⁰. 1 декабря 1642 г. во время приема датского посла М. Шляка («графа Матияша Шлякова») встречал его в сенях перед Золотой палатой⁸¹. В июне 1643 г. послан воеводой под Темни-

князь Ефимова место Мышетцково Казанец Константин Шюшерин. А князь Ефиму велено быти на Саратове в ряду до Государева указу».

⁷³ См.: КР. Т. 1. 1622 г. Стб. 867: «Во Ржеве-Володимирове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Чорного-Оболенской». Он сменил в этом городе воеводу Н. Н. Гагарина (там же: Стб. 762).

⁷⁴ См.: КР. Т. 1. Стб. 923: «Во Ржеве-Володимирове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Оболенской; и князь Федор отпущен, а во Ржеве велено быть воеводе Федору Семенову сыну Воронцову-Вельяминову».

⁷⁵ КР. Т. 1. 1625. Стб. 1086–1087: «В прибылой полк во Мценск к воеводам ко князю Федору Чорному-Оболенскому да к Ондрею Совину наказ послан таков: Лета 7133, марта в 30 день...» (далее идет текст наказа). См.: КР. Т. 1. Стб. 1087–1890. Срок прибытия Ф. Т. Черново-Оболенского в Мценск указан «Вербное воскресенье, апреля в 10 день». Только в октябре ему была отправлена грамота: «Из прибылого полку, изо Мценска, отпустить к Москве воеводу князь Федора княж. Тимофеева сына Чернаго-Оболенскаго». См.: ДР. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 755.

⁷⁶ ДР. Т. 1. Стб. 831 (6 августа 1626 г.); Там же. Стб. 832 (15 августа); Там же. Стб. 878 (6 января 1627 г.); Там же. Стб. 880 (2 февраля 1627 г.); Там же. Стб. 906 (18 марта); Там же. Стб. 909 (25 марта) и т. д. Все записи сходные: «Августа в 15 день на праздник Успения пречистыя Богородицы... царь... у отца своего... Филарета в столовой в патриаршей палате; у стола были ... дворяне: ... Федор княж Тимофеев сын Чернаго-Оболенской» (Стб. 832) или: 2 февраля 1627 г. «у Государя... Михаила Федоровича... был стол, по золотой подсенной палате ел у государя отец его..., у стола были... дворяне Федор княж Тимофеев сын Чернаго-Оболенской» (Стб. 880).

⁷⁷ ДР. Т. 2. Стб. 6.

⁷⁸ Там же. Стб. 841.

⁷⁹ Славянская энциклопедия. XVII в. Т. 2. С. 56. Неизвестно, из каких источников взята эта информация.

⁸⁰ ДР. Т. 2. Стб. 640.

⁸¹ Там же. Стб. 695.

ков и Ломов против ногайцев⁸². 16 января 1648 г. Ф. Т. Черново-Оболенский упоминается в чине свадьбы царя Алексея Михайловича и Марии Ильинишны Милославской: «шел за санями государыни». В этой церемонии участвовал также Е. Ф. Мышецкий⁸³. Умер Федор Тимофеевич около 1650 г. без потомства.

Ефим Федорович Мышецкий, в 1622 г., будучи воеводой в Саратове, воспрепятствовал Иштерек-Мурзе, хану Большой Ногайской орды, переправиться через Волгу, при попытке уйти в Казыев улус (кочевья Малой Ногайской орды). Трудно сказать, применил ли воевода силу (которой у него практически не было) против многотысячной орды, или сумел уговорить ногайского мурзу от перехода в Северное Причерноморье, на Дон и Северный Кавказ. Саратовский воевода проявил качества опытного дипломата. Союз Больших Ногаев Иштерек-Мурзы с Мальми Ногаями и крымскими татарами не был желателен для России. Первые сведения о левобережном Саратове относятся именно ко времени воеводства Е. Ф. Мышецкого или его преемника Константина Шушерина. Эта информация содержится в отчете купца Федота Котова, который в 1623 г. был послан с товарами из государственной казны в Персию⁸⁴.

В 1625–1627 гг. Е. Ф. Мышецкий был первым воеводой в Мангазее, богатейшем торговом центре в Сибири, недаром Мангазею называли «Златокипящей» (вторым воеводой был Андрей Афанасьевич Волохов)⁸⁵. После возвращения в Москву Е. Ф. Мышецкий пожалован в дворяне московские, что для провинциального дворянина Водской пятины было большой честью⁸⁶. Он был включен в списки дворян и дьяков, «которым Государь повелел видеть свои государевы очи в праздник Светлаго Христова Воскресения» «апреля в 10 день, 139 (1631) году»⁸⁷. До этого, в феврале 1631 г. Е. Ф. Мы-

⁸² «Того же году июня в 5 день по ногайским вестям, что приходили татары воевать Темниковские места, послал Государь воевод: на Ломов воеводы князь Федор княж Тимофеев сын Черной-Оболенской» (см.: ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 703).

⁸³ ДР. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 81.

⁸⁴ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 29: «А на Саратове город стоит на луговой стороне, стоячей острог и башни рубленые круглые, дворы и ряды в городе, а за городом стрелецкие дворы и рыбные лавки и анбары, где кладут с судов припасы. А стоит (город) над Волгой на ровном месте, а по нижнюю сторону речка Саратовка вышла из степи, а около пошла степь во все стороны».

⁸⁵ КР. Т. 1. (1625 г.) Стб., 1150: «... А в Мангазее велено быти князю Ефиму княж Федорову сыну Мышетцкому да Ондрию Офонасьеву сыну Волохову». См. также: Там же. Стб. 1257 (1626 г.); Стб. 1365 (1627 г.). В 1627 г. его сменил Т. В. Боборыкин.

⁸⁶ Е. Ф. Мышецкий, по мнению М. Ю. Лебединского проживал, на своем дворе у стены Китай-города, между Никольскими и Ильинскими воротами справа от церкви Иоанн Богослова, слева от нее был двор кн. Бяратинского См.: *Лебединский М. Ю.* Указ. соч. С. 175. В 1630 г. Е. Ф. Мышецкий купил из приказа Большого Дворца п. Новоозерскую Московского уезда.

⁸⁷ ДР. Т. 2. Стб., 845

шецкий вместе с Ф. Т. Черново-Оболенским встречал и провожал шведского посла Антония Моньера⁸⁸.

В 1632-1633 гг., с самого начала русско-польской войны, Е. Ф. Мышецкий назначен полковым воеводой в Мещовске. В его подчинении находился небольшой отряд «всяких людей 222 ч.»⁸⁹. В сентябре 1633 г. он послан воеводой под Смоленск к М. Б. Шеину. По всей видимости, претензий к его службе не было, так как вскоре ему поручают более ответственную должность⁹⁰. В 1635 г. мы видим его воеводой в Свяжске, где он сменил Б. П. Шереметева. По сравнению с небольшим Мещовском, это был крупный город: здесь находился гарнизон из 500 стрельцов, имелось свыше 150 дворян и детей боярских, «да посадских людей 305 ч.»⁹¹. Кроме того, под контролем воеводы находились «служилые новокрещены, мурзы и татары», а также «с земли Човаши и Черемисы 3955 дворов». В 1636 г. Е. Ф. Мышецкий продолжал находиться в Свяжске⁹².

Несколько лет после этого Е. Ф. Мышецкий находился в Москве, при царском дворе. В 1638 г., 23 мая, среди других «голов с сотнями» во главе с боярином А. А. Голицыным он встречал крымских гонцов под Москвой на Калужской дороге⁹³.

В 1641 г. Е. Ф. Мышецкий вместе с дьяком Ключаревым направлен в Грузию к кахетинскому царю Теймуразу, который «целовал крест на верность русскому царю. С собой послы имели ответные письма Михаила Федоровича, 20 тыс. ефимков, «соболиную рухлядь». Послы зимовали в Терском городке, где Ключарев умер. Зимой 1641-42 гг. из Терского городка к персидскому шаху был отправлен некто Бикша Алиев с просьбой о пропуске посольства Е. Ф. Мышецкого. Весной 1642 г. Е. Ф. Мышецкий один продолжал поездку в Грузию. В мае 1642 г. он выехал в Кахетию через Дербент и Шемаху, которые в то время принадлежали персидскому шаху. Е. Ф. Мышецкий прибыл к Теймуразу в Кахетию в конце августа 1642 г. Посол передал царю Кахетии, кроме соболей, 20 тыс. ефимков и сказал, что крепость русскую в Грузии строить не будут (помня несчастную судьбу русского гарнизона такой крепости в Кавказских горах во времена Бориса Годунова). Возвращалось посольство зимой 1643 г. через Шемаху, затем морем в апреле 1643 г. прибыло в Астрахань. Ефим Федорович Мышецкий оставил записку о своей поездке в Кахетию, в которой, в частности, отметил разорение персами всех укреплений в Грузии – остались только

⁸⁸ Там же. Стб., 841.

⁸⁹ В состав гарнизона Мещовска входили «мещовских казаков с атаманом и есаулом 102 ч., да Украинных городов стрельцов и казаков 90 ч., живут в Мещовску переменяясь по 2 месяца, пушкарей 6 ч., кузнецов 2 ч., воротников 2 ч., посадских людей 20 ч., всего всяких людей 222 ч.». См.: КР. Т. 2. СПб., 1855. Стб., 670 (1632 г.); Стб., 722 (1633 г.).

⁹⁰ Уже в апреле 1634 г. Е. Ф. Мышецкий упомянут в Разрядах среди дворян и дьяков, которых государь пожаловал, «велел видеть свои государевы очи на Светлое Воскресенье, апреля в 21 день». См.: ДР. Т. 2. Стб., 866.

⁹¹ КР. Т. 2. Стб., 822. Е. Ф. Мышецкому помогал дьяк Филипп Ларионов.

⁹² ДР. Т. 2. Стб. 518.

⁹³ Разрядная книга 1598-1638 гг. М., 1974. С. 330-331.

села. Ввиду нищеты царь Кахетии не имел постоянной резиденции и беспрерывно ездил по стране⁹⁴.

В 1646–1647 гг. Е. Ф. Мышецкий – второй судья Московского Судного приказа, одного из главнейших приказов страны⁹⁵. В эти годы он неоднократно дневал и ночевал на Государевом дворе. 16 января 1648 г. Е. Ф. Мышецкий упоминается в чине свадьбы царя Алексея Михайловича и Марии Ильинишны Милославской: как и Ф. Т. Черново-Оболенский, он «шел за санями государыни»⁹⁶. В мае 1649 г., когда в Москву прибыл Иерусалимский патриарх Пансий, Е. Ф. Мышецкий был назначен к нему приставом⁹⁷.

Уже в преклонном возрасте Е. Ф. Мышецкий получил назначение воеводой в Великий Устюг, где служил в 1652–1655 гг.⁹⁸. Через несколько лет он умер. Е. Ф. Мышецкий оставил после себя трех сыновей: Даниила, Бориса и Якова, которые сделали неплохую карьеру при царском дворе, были стольниками, отличились в посольских делах и на поле брани. Но это уже другая история.

⁹⁴ Е. Ф. Мышецкий отметил поистине героический труд крестьян, поднимавших страну из руин. Для росписи вновь построенных церквей из России в Грузию были посланы несколько иконописцев. См.: *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968. См. также: *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв. Сборник документов. М., 1997.

⁹⁵ ДР. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 21.

⁹⁶ Там же. Стб. 81.

⁹⁷ Там же. Стб. 119.

⁹⁸ См.: *Лебединский М. Ю.* Указ. соч. С. 51.

САРАТОВСКИЙ КОМЕНДАНТ В. Ф. ФОН КАРБИТ - ОСКОЛОК РЫЦАРСКОЙ ЭПОХИ

«Наутро Павел Петрович просматривал приказы. Полковник Кижж был внезапно произведен в генералы. Это был полковник, который не кланчал имений, не лез в люди за дяденькиной спиной, не хвастун, не щелкун. Он нес службу без ропота и шума».
Тынянов Ю. Н. «Поручик Кижж»

Персоналии саратовской истории XVIII столетия крайне редко удостоиваются внимания исследователей. Это тем более огорчает, что среди них было немало интересных и, по-своему даже, замечательных личностей¹. Одним из таких забытых персонажей прошлого является Вильгельм Фридрихович фон Кабрит. «О нем никто не говорит и имя его даже не занесено в Словарь Императорского Русского исторического общества», - сетовал еще в конце XIX в. русский археограф Х. Ф. Лопарев². Нет его и в новейшей фундаментальной энциклопедии «Немцы России»³. Единственное исключение - основанная на данных Х. Ф. Лопарева маленькая статья в «Русском биографическом словаре». О его последнем месте службы и о том, что генерал скончался в Саратове, в ней ничего не говорится⁴. Очевидно, что давно настало время исправить эту очевидную несправедливость.

В. Ф. фон Кабрит родился 20 сентября 1746 г. в г. Кенигсберге⁵ и происходил из дворянской фамилии «прусской нации французского шляхетства» католического вероисповедания⁶. В 1758 г. мальчика определили в Шляхетский сухопутный корпус в Санкт-Петербурге. Учебное заведение, которое нередко называли «рыцарской академией», являлось гордостью Российской империи. В записке швед-

¹ См.: Плешаков И. Н. Саратовский комендант В. В. фон Гартонг // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Саратов, 2006.

² Лопарев Х. Ф. Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. СПб., 1892. Ч. 1. С. 294.

³ См.: Немцы России. Энциклопедия. М., 2004. Т. 2.

⁴ Русский биографический словарь: В 20 т. М., 1999. С. 7. Т. 8 «Кабановы - Косов».

⁵ Ныне г. Калининград.

⁶ См.: ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 112, л. 8, 9 об.-10, д. 100, л. 25 об.-26, д. 101, л. 18-19, д. 102, л. 53-57 об.

ского посланника Поссе от 1762 г., корпус сравнивался с «плодовитым садом, доставляющим способных офицеров»⁷. Как вспоминал адмирал П. В. Чичагов, «воспитание в нем было столь же тщательное и совершенное, насколько оно возможно в какой бы то ни было стране. Там обучали многим языкам, всем наукам, образующим ум; там занимались упражнениями, поддерживающими здоровье и телесную силу: верховой ездой и гимнастикой; домашние спектакли были допущены в виде развлечения и забавы»⁸. Старшими товарищами В. Ф. фон Кабрита были известные писатели А. П. Сумароков, И. П. Елагин, государственные и общественные деятели И. М. Меллисимо и А. П. Мельгунов⁹.

Блестящее образование без влиятельного покровителя не давало молодому человеку никаких надежд на стремительное развитие карьеры. 20 апреля 1764 г. в возрасте 18 лет он был зачислен прапорщиком в Алексеевский пехотный «ланд-милицийский» полк. Год спустя его производят в подпоручики, а в 1770 г. в поручики, с назначением полковым квартирмейстером. В составе полка офицер принял участие в Крымской кампании 1771-1774 гг. По ее окончании он был отправлен курьером в Москву и вслед за этим переведен в Московский легион. После его расформирования офицер попал в Днепровский пехотный полк Эстляндской дивизии, расположенной в Прибалтике и Белоруссии. В 1779-1781 гг. В. Ф. фон Кабрит служил в Польше, Киеве и Воронеже, перешел в Великолуцкий пехотный полк, а после женитьбы в Москве в 1784 г., в Нарвский лейб-гренадерский полк.

Брачными узами офицер связал себя уже в чине секунд-майора. Избранницей 38-летнего В. Ф. фон Кабрита стала 21-летняя (род. 1 апреля 1764 г.) дочь надворного советника Иоганна-Поликсена Карловна фон Штуц, из дворянской фамилии германской земли Нассау-Виельбург. В дальнейшей жизни ее именовали проще - Аполексиной. Через год в семье появился первенец сын Павел¹⁰. В 1786-1790 гг. офицер служил в Санкт-Петербурге и Нарве, был произве-

⁷ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1762-1765 гг. М., 2001. С. 217. Кн. XIII.

⁸ [Чичагов П. В.] Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал // Русская старина. 1886. № 6. С. 479.

⁹ О Шляхетском корпусе см. подробно: Лузанов П. Сухопутный шляхетский кадетский корпус. СПб., 1907; Змеев В. А. «Обучать к воинскому искусству потребным наукам». Первые кадетские корпуса России // Военно-исторический журнал. 2001. № 11.

¹⁰ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 5877, л. 1-2; ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 112, л. 3-5, 9 об.-10; ПСЗ-1. Т. XX. № 14266; Лопарев Х. Ф. Указ. соч. С. 293; Митх А. Н. Кладбища в Саратове // Саратовские губернские ведомости. 1881. 30 сент. См. также: 1880. 27 июля.

ден в премьер-майоры, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за 25 лет пребывания в офицерских чинах, участвовал в Шведской войне, о которой оставил интересные записки. Здесь судьба впервые свела его с наследником престола Павлом Петровичем. 1791 г. В. Ф. фон Кабрит встретил подполковником Динабургского¹¹ гарнизонного батальона и в том же году был переведен в Ревель¹², где служил офицером его брат – впоследствии командир 2-го гарнизонного батальона – Карл Кабрит¹³. Будущее не предвещало никаких резких поворотов карьеры, но приход к власти в конце 1796 г. императора Павла многое изменил в русской жизни. Не прошло и года, как новый самодержец вспомнил о своем недавнем знакомце и соратнике по шведской кампании Кабрите. 4 октября 1797 г. в Ревеле получили высочайший приказ императора, отданный им при пароле утром 24 сентября. Согласно ему, «за оплошность» в отставку отправлялся саратовский комендант генерал-майор Вилим Вилимович фон Гартонг, а на его место назначался произведенный тем же приказом из подполковников в полковники В. Ф. фон Кабрит¹⁴. Генерал-фельдмаршалу графу И. К. фон Эльмпту предписывалось «привести к присяге» нового коменданта и «отправить немедленно к новой команде с подлежащим о службе и прочем аттестатами»¹⁵.

Предшественник Кабрита на посту саратовского коменданта генерал-майор В. В. фон Гартонг состоял в этой должности с марта 1789 г. Здесьним гарнизонным батальоном с 1793 г. командовал его младший брат Андрей. Властный тандем Гартонгов в полной мере сумел воспользоваться своим исключительным положением. За годы жизни в Саратове в недавнем прошлом почти нищие офицеры стали состоятельными помещиками. Отставка Вилима Гартонга не помешала карьере брата, с небольшим перерывом возглавлявшего батальон еще десятилетие¹⁶.

«Комендант крепости есть хранитель потребностей Государственного ополчения, и страж у врат Отечества», - провозглашал «Во-

¹¹ Двинск, ныне г. Даугавпилс в Латвии.

¹² Ныне столица Эстонии г. Таллинн. См.: ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 112, л. 5 об. – 6 об.; Лопарев Х. Ф. Указ. соч. С. 293.

¹³ См.: Гулевич С. А. Четырех с половиною вековая с 1478 по 1911 год история 8-го пехотного Эстляндского полка, бывшего Новгородского полка пиццальников. СПб., 1911. Прилож. II.

¹⁴ О В. В. фон Гартонге см. подробно: Плеваков И. Н. Указ. соч.

¹⁵ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 112, л. 6 об.

¹⁶ См., подробнее: Плеваков И. Н. Указ. соч.; Он же. Саратовские злоключения Исаака Ганнибала // Кто есть кто - 2007. Саратов, 2007; Он же. Саратовская гарнизонная школа и военно-сиротское отделение (1764-1826) // Новый век: история глазами молодых. Вып. 6. Саратов, 2008.

енный журнал»¹⁷. Саратов давно утратил статус крепости и пограничного города, а его гарнизон составлял лишь один батальон, хотя и преобразованный в 1797 г. в полк, но не увеличивший своей численности. В то же время высокий статус коменданта, как военного командира и главного начальника города, сомнению не подвергался. Усилению его значения способствовал император Павел, возложивший на комендантов миссию проводников своей воли на пространных государства и своеобразных соглядатаев монарха в самых отдаленных от столицы уголках огромной державы.

28 июля 1798 г. в саратовской думе был поднят вопрос о покупке «начет здешнего общества» дома для квартирования нового коменданта, которого быстро стали величать на русский манер Василием Федоровичем. Согласно представленному думе 27 января докладу, необходимое помещение было приобретено посредством купеческого старосты С. Крюкова и городского головы Н. Казанцева у супруги предшественника Кабрита на посту коменданта «госпожи генералши Авдотьи Андреевны Гартогши за шесть тысяч рублей»¹⁸. Дом располагался на так называемой «площади присутственных мест», с постройкой спустя четверть столетия Александро-Невского собора получившей имя Новособорной.

«Такое вдруг множество явилось генералов, и такое скорое производство потеряло уважение к оным, равно как и к орденам; ибо император не раздавал, а разметывал их», - вспоминал Л. Н. Энгельгардт¹⁹. Судьба В. Ф. фон Кабрита полностью подтверждает этот тезис. Через год после назначения саратовским комендантом и производства в полковники 5 октября 1798 г. приказом при объявлении царя Павел произвел его в генерал-майоры. Одновременно последовали те «великодушные движения могущества» императора, которые так «пленили приближенных к нему современников, испуская порывы и иступления»²⁰. Кроме приказа о повышении в чине, комендант получил от государя письмо с вложенными в него 2000 руб.²¹ В конце 1799 г. монарх прислал В. Ф. фон Кабриту шпагу для его старшего сына и тезке самодержца Павла. По высочайшей воле 11 ноября этого года мальчик был записан в службу портупей-прапорщиком²² гарнизонного полка, шефом которого состоял его отец. Разрешение записать в полк несовершеннолетнего подростка – явный и бесспорный признак особого расположения императора к своему старому знакомцу. Ведь вскоре после восшествия на

¹⁷ Нечто о коменданте вообще // Военный журнал. 1811. Кн. XIX. С. 62.

¹⁸ См.: ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 101, л. 11 об., 34, ф. 546, оп. 1, д. 391.

¹⁹ Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. С. 148.

²⁰ Вяземский В. А. Записные книжки (1813-1848). М., 1963. С. 70.

²¹ См.: ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 112, л. 7; Лопарев Х. Ф. Указ. соч. С. 293.

²² Портупей-прапорщик – унтер-офицер из дворян. В дневнике В. Ф. фон Кабрита записано: «портупей-фейндриком» (Лопарев Х. Ф. Указ. соч. С. 293).

престол Павел исключил со службы несколько тысяч числившихся в списках полков недорослей. Для своего весьма юного возраста мальчик был прекрасно образован. Помимо русской грамоты, он умел читать и писать по-немецки и по-французски, знал латынь, риторику, логику, натуральную историю, географию, митологическую арифметику и геометрию²³. Хорошее образование юноша мог получить в существовавшем в то время в Саратове пансионе²⁴. Не последнюю роль, вероятно, играло влияние самого Кабрита, питомца знаменитого Шляхетского корпуса²⁵.

Вслед за милостью к сыну император переслал саратовскому коменданту свой особенно любимый орден Святой Анны 2-й степени - награду, означавшую неослабевающее благоволение к ее получателю. Зимой Кабрит подал в губернское дворянское собрание прошение о причислении его с детьми к саратовскому дворянству. 1 марта они были внесены в четвертую часть родословной книги, а через трое суток карьере офицера неожиданно настал конец. О высочайшем приказе 4 марта 1800 г., отправлявшем Кабрита в отставку, в Саратове узнали спустя десять дней. Правда, отставка была весьма почетной - с чином генерал-лейтенанта и правом ношения мундира. При Павле это считалось большой милостью: великого Суворова в 1797 г. император отставил «без мундира»²⁶. Недавний любимец монарха Кабрит разделил судьбу, которая ждала в царствование этого государя семь фельдмаршалов, три сотни генералов и две тысячи офицеров²⁷. В соседнем Царицыне за короткое правление Павла со службы были уволены два коменданта, командиры гарнизонного полка и артиллерийской команды. Свою должность Кабрит сдал начальнику саратовского батальона гарнизонного полка генерал-майору А. Г. фон Гогеля младшему брату своего предшествен-

²³ См.: РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 5879, л. 79 об.-80.

²⁴ См.: *Рождественский С. В.* Очерки по истории системы народного образования в России. СПб., 1912. Т. 1. С. 618; *Любомиров П. Г.* К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян // Труды Нижневолжского областного общества краеведения «Истархэт», бывшего Саратовского общества истории, археологии и этнографии. Вып. 34. Ч. II. Саратов, 1924. С. 34.

²⁵ Любопытно, что в соседнем Симбирске (ныне г. Ульяновск) несколькими годами раньше существовал пансион, в котором преподавал другой выпускник Шляхетского корпуса, талантливый переводчик Федор Кабрит, ставший впоследствии правителем канцелярии Симбирского и Уфимского генерал-губернатора. Именно в его пансионе начал свое образование известный в будущем поэт, сенатор и министр юстиции И. И. Дмитриев (см.: *Русский биографический словарь*. Т. 8. С. 7-8).

²⁶ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 112, л. 14; ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17951; *Энгельгардт Л. Н.* Указ. соч. С. 160; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-библиографический очерк. М., 1996. С. 308.

²⁷ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 307.

ника на посту коменданта полковнику А. В. фон Гартонгу. Тот, впрочем, тоже оказался «калифом на час», а, точнее, на полгода, ибо в октябре был отправлен Павлом под суд²⁸.

Вполне возможно, именно отставка подкосила здоровье Вильгельма Фридриховича. 4 октября 1800 г. 54-летний генерал скончался. Об этом факте супруга Аполексина Карловна сделала соответствующая запись в «Дорожнике» покойного²⁹. До начала XIX в. В. Ф. фон Кабрит не дожид всего три месяца. Жизнь его целиком принадлежит XVIII столетию, человеком которого он навсегда и остался. Похоронили В. Ф. фон Кабрита на немецком кладбище, находившемся к югу от, еще в ту пору деревянной, православной церкви Пророка Божия Илии, более известной как Ильинская³⁰. В советские годы храм был уничтожен, а на его месте ныне располагается лицей № 62.

Недолгое пребывание нашего героя на посту коменданта не предвещало того, что личность Кабрита оставит в истории Саратова хотя бы какой-то след. Между тем, таких следов сохранилось не так уж и мало. Исполняя повеление императора Павла, комендант регулярно рапортовал монарху о состоянии вверенного ему города. Тематика подобных всеподданнейших докладов была самой различной и охватывала практически все стороны жизни провинциального города и региона в целом. В своей совокупности рапорты составляют своеобразную летопись Саратова конца XVIII столетия. Обширный корпус этих до сих пор невостребованных источников еще ждет своих исследователей. Здесь я затрону только некоторые из докладов, вышедшие из под пера В. Ф. фон Кабрита. Так, 19 февраля 1799 г. саратовский комендант, отвечая на вопрос императора, сообщил ему существующие в городе цены на «съестные припасы». Далее он рассказывает о событиях, случившихся в Саратове за время, прошедшее с момента отправки предыдущего рапорта. В частности Кабрит пишет, что «минувшего генваря в последних числах было чрезвычайное ненастье, начавшееся в субботний день, часу в

²⁸ См.: ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 40, л. 369, 527. Подробнее см.: *Плешаков И. Н.* «Был свойств души благороднейших». Наши земляки в интерьере российской истории // Саратовские вести. 2007. 26 апр.

²⁹ *Лопарев Х. Ф.* Указ. соч. С. 293.

³⁰ См.: [*Кропотов М. С.*] Разные заметки о старинах саратовских, записанные со слов самовидцев или из преданий (Повествование о Саратовской губернии, составленное со слов его Высокоблагородия коллежского советника Иоанна Андреевича Кроп[о]това, родившегося [в] Камышинской округе в Николаевской слободе в 1768 году, служившего по разным должностям в означенной губернии: заседателем исправником [с] 1784 года, и пользовавшегося особенным доверием начальников губернии, и находившегося в многоразличных командировках, а потому имевшего случай знать твердо прошедшие обстоятельства Саратовской губернии) // Труды СУАК. Т. 1. Вып. 5. Саратов, 1888.

десятом по полуночи и продолжалось с превеликим ветром беспре-
рывно пять дней, которое ненастье захватило в тот же субботний
день отставного казака Никиту Суботина, поехавшего из Саратова
поутру еще в благополучное время за сеном в займище, состоящее
от Саратова в пяти верстах. И занесло его с лошадьми и санями в не-
великом буераке снегом, под коим тот казак был два дни и две ночи,
а на третий день в понедельник найден, и из под снега отрыт живой
с ознобленными у рук и ног пальцами, лицом и носом, и привезен
был в дом его, в коем с неделю помер»³¹. 3 декабря того же 1799 г.
В. Ф. фон Кабрит докладывал императору о свирепствовавшей в го-
роде болезни, справиться с которой удалось усилиями местных вра-
чей. Рапорт раскрывает подробности охватившего несколько регио-
нов страны от Астрахани до Москвы кратковременного «поветрия»,
упоминаемого в известном дневнике священнослужитель Н. Г. Ско-
пин³².

Источники сохранили и некоторые факты местной истории, к ко-
торым комендант оказался причастен по своей должности. В июне
1799 г. Кабрит изъял у сына скончавшегося депутата Уложенной ко-
миссии 1767 г. сотника саратовской казачьей команды М. П. Куд-
рявцева золотую депутатскую медаль на золотой цепочке. Губерн-
ское правление отослало ее в Сенат³³. В следующем месяце в Сара-
тов, под наблюдение Кабрита, прибыл высланный из столицы по
приказу императора Павла бывший фаворит его матери отставной
генерал-майор И. Н. Римский-Корсаков. 8 октября 1799 г. Кабрит,
«внимая просьбу и совершенную бедность» казаков Саратовской
команды, поддержал их ходатайство о наделении землей³⁴.

С момента назначения на должность коменданта он начал наво-
дить порядок в отправление жителями города постоянной повинно-
сти. Несмотря на относительную малочисленность саратовского
гарнизона и местного чиновничества, требовавших предоставления
положенных им по закону квартир, проблема постоя была для горо-
да весьма злободневной. В то время, когда в соседней Астрахани по-
пытка заставить жителей вносить деньги на постройку казарм за-
кончилась грандиозным скандалом, Кабрит не стал «рубить с пле-
ча» и поступил по-военному просто. Он разделил все дома, которых

³¹ РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, л. 65, л. 122–122 об.

³² ГАСО, ф. 407, оп. 1, д. 288, л. 1-1 об.; [Скопин Н. Г.] Записки дневные о де-
лах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина
// Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архив-
ной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1881. Т. 1.
С. 196. Рапорт целиком опубликован в приложении к этой статье.

³³ См.: Хованский Н. Ф. Обзор дел, доставленных в Саратовскую ученую ар-
хивную комиссию сенатором Репинским из Судебно-межевого департамента
Правительствующего сената // Труды СУАК. Т. IV. Вып. 3. Саратов, 1894. С. 28.

³⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 1, д. 217, л. 3–3 об.

считалось в Саратове немногим больше двух с половиной тысяч, на примерно равные половины. Замысел состоял в том, «чтоб все те воинские чины, пользующиеся квартирами, квартируя годичное время на одних, а потом переведены будут на другие, дабы одна половина города занята постоем, а другая имела свободу, и чрез то одни пред другими не терпели отягощения». Комендант расширил круг тех домовладельцев, которые должны были нести повинность. В их числе оказались и чиновники саратовской соляной конторы, пожаловавшиеся на произвол В. Ф. фон Кабрита генерал-прокурору А. А. Беклепову. Несмотря на сомнительную законность решений коменданта, министр согласился с его доводами и оставил жалобу без последствий³⁵. В 1800 г., не без участия Кабрита, в Саратове был поднят вопрос о строительстве казарм³⁶. В том же году на берегу Волги возвели новое здание лазарета гарнизонного полка - первого клинического медицинского заведения в истории Саратовского края, существовавшего в городе еще с 1764 г. Деревянное строение имело шесть комнат и отдельно стоящие погреб с кухней³⁷.

Благодаря незаурядным качествам администратора В. Ф. фон Кабрит надолго запомнился горожанам. Проживший много лет бывший чиновник И. А. Кропотов упоминает его в своих записках как «Филиппа Васильевича Кабрица» - такие «обрусевшие» имя и отчество коменданта остались в памяти мемуариста³⁸.

В 1845 г. в «Саратовских губернских ведомостях» была помещена статья под названием «Анекдот», главным героем которой оказался В. Ф. фон Кабрит. Сюжет заметки прекрасно характеризует личность коменданта. По словам ее автора известного краеведа А. А. Леопольдова, Кабрит не терпел «бумажных жалоб, разбирал обиды на словах и прекращал их в самом начале. Однажды одна бедная, но благородная девушка несла с Волги ведра воды на коромысле. Навстречу ее шел, по-тогдашнему щегольски одетый приказнослужащий, который сказал ей что-то непристойное». Девушка благоразумно промолчала, но он подошел ближе и оскорбил ее «ругательным словом», после чего толкнул и вышиб у нее коромысло. Мать, наблюдавшая случившееся из окна своего дома, пожаловалась на шалуна коменданту. Грубиян был доставлен к Кабриту и, будучи уличен многочисленными свидетелями, сознался и встал перед комендантом на колени. «Ты виновен не предо мной: проси прощения у обиженной», - сказал Кабрит. «Мы прощаем его, батюшка», - ска-

³⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 1, д. 276, л. 1-6.

³⁶ См.: Там же. Д. 443, л. 1 об.; ф. 3, оп. 1, д. 286, л. 2-2 об.

³⁷ См.: Там же. Ф 180, оп. 1, д. 41, л. 41, 55 об., 62, 87; д. 286, л. 9 об.; д. 525, л. 74. Ныне место гарнизонного лазарета находится на территории ОАО «Ликсар».

³⁸ См.: Кропотов М. С. Указ. соч. С. 584. В рукописи воспоминаний первоначально было написано «Каприц». См.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 2311, л. 4.

зали мать и дочь, но приказный не хотел взглянуть на них. «Добрые вы люди, истинно благородные и при своей бедности. А ты, щеголь, поступил низко и дерзко, да и не хочешь перед ними извиниться. После этого мне будет стыдно, если я не окажу справедливости». Комендант приказал квартальному отвести виновника к реке где заставить его, набрав в ведра воды, принести их на место происшествия и стоять под коромыслом, пока туда, вместе с пострадавшей девушкой и ее матерью, не прибудет сам Кабрит. Лишь спустя час комендант в своей коляске привез их на берег Волги. «Вышедши из экипажа, он подвел старуху и дочь ее к приказному и сказал: «где займы, тут и расплата. Поставь ведра, поклонись обиженной». И виноватый должен был повиноваться начальнику. «Теперь вы квиты», - сказал он и уехал. Девушка взяла ведра и понесла их домой, а обидчик с большим стыдом тоже отправился в свое место»³⁹. Все происходившее наблюдала масса людей и своеобразная воспитательная цель способа, который Кабрит избрал для наказания грубияна, совершенно очевиден. Поступок был явно и сознательно рассчитан на публику. Этим способом умудренный европеец эпохи Просвещения учил этике и насаждал идеалы рыцарского романтизма в далеком от западной цивилизации Саратове. С этой забытой публикацией связан один историографический казус. Рукопись статьи сохранилась в бумагах А. А. Леопольдова⁴⁰. 12 марта 1903 г. другой известный исследователь местной старины А. Н. Минх переписал текст и в мае того же года, не упомянув о его происхождении, спустя почти шесть десятилетий дал рассказу новую жизнь, поместив его на страницах журнала «Русская старина»⁴¹.

Строгие порядки установил Кабрит и в гарнизонном полку, шефом которого он состоял. Сын умершего секунд-майора Александра Востросаблина, - заслуженного воина, в 1787 г. даже исполнявшего в Саратове должность коменданта, - 17-летний унтер-офицер Иван Востросаблин 19 октября 1798 г. «за дурное поведение» был разжалован в рядовые. В батальоне он не прослужил к тому времени и восьми месяцев. 19-летнего унтер-офицера из дворян Матвея Галданова в мае 1799 г. В. Ф. фон Кабрит приказал понизить в рядовые: сначала «за самовольную отлучку» сроком всего на три недели, а когда военнотружущий впал в «распутное состояние», солдатская лямка вернулась к нему уже до тех пор, пока он не исправил свое поведение. В июне 1799 г., при очередном представлении так называемых «кондуктивных» списков личного состава, отражавших нравственные качества офицеров и кандидатов на производство в чин,

³⁹ Анекдот // Саратовские губернские ведомости. 1845. 25 авг.

⁴⁰ См.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1775, л. 262 об.-263.

⁴¹ См.: Там же. Оп. 1, д. 733, л. 1-2; Минх А. Н. Из старинных обычаев в городе Саратове // Русская старина. 1903. № 5. С. 306.

В. Ф. фон Кабрит напротив фамилий этих военнослужащих вместо стандартного «к повышению чина достоин» своею рукой написал: «За всякие чинимые палости не аттестуются»⁴².

К 1800 г. относится любопытный эпизод, вскрывающий еще одну сторону характера В. Ф. фон Кабрита. В самом начале года петербургский военный губернатор П. А. фон дер Пален - будущий соучастник убийства императора Павла, известил оренбургского генерал-губернатора и начальника инспекции, в которую входил гарнизон Саратова, генерал-майора Н. Н. Бахметьева о повелении монарха, «дабы никто по надобностям своим не мог уезжать куда бы то ни было, не расплатясь с теми, кому сделался должен; и чтоб прежде выезда публиковался в газетах троекратно». Провокационная деятельность Палена, намеренно создававшего ситуации, когда «требования государя выполнялись с бессмысленной жестокостью, последовательностью, крайностью»⁴³, хорошо известна. В Саратове коварная интрига сановника достигла своей цели. Получив от Бахметьева сообщение о высочайшей воле, по-немецки дисциплинированный В. Ф. фон Кабрит немедленно принял ее к исполнению и начал ревностно претворять в жизнь. По приказу коменданта 27 января полиция потребовала от горожан заблаговременно сообщать ей об их должниках, «чтобы выезжающие не могли без расплаты своих долгов, или каких других препятствующих причин, выехать из города». Более того, Кабрит решил упорядочить любые поездки горожан и дал об этом недавно сосланному из гвардейских гренадеров плац-майору⁴⁴ капитану И. Б. Беккеру «особенное повеление». Теперь «всякой из жителей не исключительно (кроме крестьян) какого бы он состояния не был, если бы вздумал выехать из города и на несколько только часов в загородные сады или хутора, или на другую сторону Волги в слободу Покровскую, с которою купцы и мещане имеют всегдашнюю торговую связь, или только проезжающие чрез город по тракту, не могли иначе сего сделать, как обязан прежде получить от плац-майора для пропуску билет». Последствия этого распоряжения сразу дали о себе знать, парализовав жизнь города. В ситуацию пришлось вмешаться губернскому прокурору Н. М. Заварицкому. Слыша от жителей их «неудовольствии», он объяснился с комендантом лично. На его увещание Кабрит отвечал, что «сделанное им повеление плац-майору наблюдать почитает должным и отменить его, до получения разрешения от высшего начальства, не рассудил». Вследствие этого, 15 февраля Н. М. Заварицкий сообщил о происходящем в Саратове своему непосредственному начальнику

⁴² См.: РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7165, л. 225 об.-226, 241, д. 5879, л. 37 об.-38.

⁴³ Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007. С. 205.

⁴⁴ Начальник полиции по военной части, офицер местного гарнизона.

генерал-прокурору А. А. Беклешову⁴⁵. Не этот ли эпизод стал поводом к неожиданной отставке Кабрита, последовавшей всего через две недели после отправки донесения? Известно, что император более всего ценил в подданных именно исполнительность. Но, служебное рвение коменданта, чересчур буквально понявшего распоряжение монарха, могла переполнить чашу терпения Павла.

В мае 1801 г. в Саратовской губернской палате суда и расправы рассматривалось духовное завещание В. Ф. фон Кабрита. Представленную вдовой бумагу палата передала для сверки русского варианта с оригиналом в Саратовскую контору опекунства, имевшую квалифицированных переводчиков с «немецкого диалекта»⁴⁶. Собственно, документ не имел, да и не мог иметь, никакого серьезного имущественного значения. Владелец громкого чина генерал-лейтенанта русской императорской армии оставил близких почти в нищете. В семье было пятеро детей, старшему из которых, Павлу, недавно исполнилось 14 лет⁴⁷. «Людей и крестьян как по Саратовской, так и по прочим Российской империи губерниям за мною и за женою моею ничего не имеется», за год до кончины писал в биографической справке для формулярного списка сам Кабрит, и с тех пор почти ничего в его финансовом положении не улучшилось⁴⁸. Даже деньги за внесение фамилии Кабрит в родословную книгу – всего 1 руб. 60 коп., дворянскому собранию удалось взыскать с вдовы только в мае 1804 г., и лишь при помощи городской полиции⁴⁹.

По высочайшему повелению 10 сентября 1802 г. 15-летний сын покойного генерала Павел был переведен из Саратовского гарнизона Изюмский гусарский полк, и там не осрамил память отца⁵⁰. В рядах славной семьи изюмцев, которыми в ту пору командовал легендарный прототип толстовского Долохова из «Войны и мира» И. С. Дорохов, поручик Кабрит погиб в военную кампанию 1806–1807 гг. Весной 1808 г. Аполексина Карловна решила обратиться за помощью к императору Александру I. В прошении на высочайшее имя она писала, что «покойный муж ее служил в разных армейских полках 36 лет, и, в продолжение службы своей, находился во многих походах». С его смертью она осталась «без всякого состояния, кроме небольшого деревянного дома в Саратове, в коем она теперь живет, претерпевая в содержании себя и детей крайнюю нужду». После гибели старшего сына она «осталась теперь с одним малолетним сыном и тремя дочерьми в бедственном положении». В связи с этим,

⁴⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 1, д. 307, л. 1–2.

⁴⁶ Там же. Ф. 180, оп. 1, д. 41, л. 303; Аннотированная опись дел Саратовской конторы иностранных поселенцев. М., 2002. С. 48.

⁴⁷ Маргарете – 11, Вильгельму – 7, Анне – 5, Амалии – 1.

⁴⁸ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 112, Л. 9 об.–10.

⁴⁹ Там же. Д. 139, л. 201.

⁵⁰ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 5881, л. 20 об.–21.

«во уважение долговременной и усердной службы мужа ее и недостаточного ее с семейством состояния», Аполексина Карловна просила о пожаловании ей из пустопорожных казенных земель Саратовской губернии трех тысяч десятин⁵¹. Прошение вдовы Александр I передал на рассмотрение министру финансов Ф. А. Голубцову, который обратился к военному министру А. А. Аракчееву с просьбой прислать к нему формулярный список генерала. Просьба была исполнена и относительно пожалования земли вскоре принято положительное решение. В начале 1809 г. А. К. фон Кабрит намежевали тысячу десятин в Сердобском уезде⁵². 16 января 1811 г. Аполексина Карловна скончалась, так и не успев обеспечить будущее своих детей. Ее похоронили рядом с мужем и земля снова, теперь уже навсегда, соединила супругов.

Второй сын В. Ф. фон Кабрита Вильгельм получил хорошее образование. В восьмилетнем возрасте, живя при матери в Саратове, он обучался читать и писать на русском, немецком, французском языках «и прочим наукам»⁵³. В 1807 г. он был определен в службу, для чего мать в июле этого года взяла в губернском дворянском собрании справку о его благородном происхождении⁵⁴. Но уже спустя четверть столетия после смерти коменданта в Саратовской губернии его потомков по мужской линии не осталось. 22 января 1869 г. «за не розыском наследников» род Кабрита был исключен из числа саратовских дворян⁵⁵.

«Девочки Кабритовы» - дочери покойного коменданта, владели несколькими крестьянами в Саратовском уезде и пожалованной матери землей в Сердобском уезде. Опекуну сестер после кончины Аполексины Карловны стал ее жизнерадостный брат коллежский советник Федор Карлович фон Штуц, служивший в Саратовской конторе опекунов иностранных поселенцев, а вскоре и возглавивший ее. Когда в 1811 г. соседские крестьяне, воспользовавшись смертью хозяйки земли, засеяли ее яровым хлебом, Штуц добился конфискации урожая и продал зерно в пользу подопечных племянниц⁵⁶. Младшая дочь Кабрита Амалия, вероятно, не без участия дяди, вышла замуж за его коллегу члена опекуновской конторы Карла Фридриховича Энгельке. Принятый в нее в 1803 г. бывший немецкий студент и канцелярист департамента уделов показал «способности к знанию иностранных языков» и сделал хорошую карьеру,

⁵¹ См.: Там же. Ф. 26, оп. 1/152, д. 400. № 1931.

⁵² См.: ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 110.

⁵³ См.: РГВИА, ф. 328, оп. 1, д. 2, л. 39.

⁵⁴ См.: ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 191, л. 150.

⁵⁵ См.: Там же. Д. 112, л. 14, 27 об.; ф. 407, оп. 1, д. 2427, л. 2.

⁵⁶ Там же. Ф. 107, оп. 1, д. 337, л. 239 об.-240. Ф. К. фон Штуц скончался в Саратове от холеры 16 августа 1830 г. (См.: [Грубер И. С.] Дневник пастора Грубера с 6-го по 31-е августа 1830 г. // Русская старина. 1878. № 8. С. 586).

спустя несколько лет встав во главе конторы. В 1829 г. ему поручили сопровождать вниз по Волге известного естествоиспытателя К.-В. фон Гумбольта. Приданным Амалии Кабрит стали крестьяне д. Набережный Увек. В этом имении, согласно авторской подписи, К. Ф. Энгельке написал статью для «Журнала Министерства государственных имуществ»⁵⁷. Позднее деревня и усадьба перешли к А. Н. Шахматову, а потом к А. Я. Шабловскому. Посетивший его в 1879 г. краевед А. Н. Минх со слов хозяев описал это единственное достояние семейства Кабрит. По их словам, здесь не было дома, но были надворные флигеля и теперь уцелевшие; на берегу была беседка и цветники, стояли две маленькие пушки, из которых салютовали проезжавшим на судах знакомым». У посетившего в 1837 г. имение молодого цесаревича Александра Николаевича остался на память живописный вид этого красивого места⁵⁸. Особенно красиво усадьба выглядела с Волги⁵⁹.

Хозяйка Набережного Увека Амалия Энгельке прожила долгую жизнь, скончавшись в саратовском доме покойного мужа в девять часов утра 25 января 1880 г. Спустя пять дней последнюю дочь генерал-лейтенанта В. Ф. фон Кабрита похоронила ее племянница П. И. Ко-льрейф⁶⁰.

Когда в начале 40-х гг. XIX в. местный протоирей и краевед А. А. Росницкий занялся составлением саратовского некрополя, надпись на надгробном камне супругов Кабрит была еще цела. К концу 1870-х гг. год смерти коменданта уже не читался, а через несколько лет камень исчез⁶¹. Могила затерялась, а по мере застройки Ильинского кладбища, уже в конце XIX столетия, была уничтожена. Каждый день по исчезнувшим могилам, где целое столетие обретали свой последний приют жители Саратова, проходят тысячи людей. Имена большинства погребенных на огромном саратовском некрополе давно и прочно забыты. Остается надеяться, что эта статья позволит, пусть лишь совсем немного, приподнять завесу забвения над именем одного из ушедших земляков.

⁵⁷ См.: Энгельке К. Ф. Хозяйственное положение Саратовской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1841. Кн. II.

⁵⁸ См.: Минх А. Н. Набережный Увек // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1880. Т. 1. С. 216.

⁵⁹ См.: Мордовцев Д. Л. Поездка в Увек // Память 300-летия города Саратова. Календарь-сборник. Адрес-календарь и Справочная книга на 1891-1892 гг. Саратов, 1890.

⁶⁰ См.: ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 45, л. 296, ф. 407, оп. 1, д. 2641, л. 1-1 об.; Саратовский листок. 1880. 29 янв.; Саратовский дневник. 1880. 29 янв.

⁶¹ См.: Минх А. Н. Кладбища в Саратове...

**ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАСПОРТ САРАТОВСКОГО
КОМЕНДАНТА И ШЕФА ГАРНИЗОННОГО ПОЛКА ГЕНЕРАЛ-
МАЙОРА В. Ф. ФОН КАРБИТА ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ⁶²**

3 декабря 1799 г.

В минувшем ноябре месяце в городе Саратове, где высочайше вверенной мне полк моего имени квартирует, по благости Божий обстояло благополучно и достойного примечания ничего не случилось, кроме как от 5-го до 23-го числа началась и усилилась до чрезвычайности во всем городе болезнь ипидемическая ревматическая горячка, которою жителей тяжко-одержимо каждодневно было до тысячи, а в полку весьма большое число, и почти все вышние и нижние чины попеременно. При таком важном обстоятельстве я усугубил все меры старания своего к прекращению сей заразы, желая разные весьма нужные и способствующие к тому распоряжения обще с медицинскими чинами, хорошим прилежанием коих она в те осьмнадцать дней, вошед притом до весьма высокой степени, совершенно прекращена; причем явно отличили себя по городу врачебной управы члены, а по полку полковой лекарь Гикман⁶³, что из такового большого числа больных сею заразительною болезнью умерших по городу было каждодневно от пяти до осьми и не превосходило десяти и одиннадцати человек, а в полку совсем ни одного не было; а тем самым и заслуживают особого о себе внимания. О чем с глубочайшим благоговением Вашему императорскому величеству всеподданнейше донося, имею щастие повергнуть себя, равно и оных врачебной управы членов и полкового лекаря Гикмана, с усердием и отменною расторопностию при исцелении целого города трудившихся, в высочайшую милость и высокомонаршее благоволение⁶⁴.

⁶² ГАСО, Ф. 407, оп. 1, д. 288, л. 1-1 об.

⁶³ Иван Романович Гикман в недавнем прошлом был саратовским «городовым лекарем». Имел дом в 1-й части в приходе церкви Казанской Божьей матери (Там же. Ф. 107, оп. 1, д. 187, л. 55 об.).

⁶⁴ Вследствие представления В. Ф. фон Карбита 31 декабря того же года Павел повысил служивших в Саратовской врачебной управе надворных советников Рихтера и Ф. Мейера в коллежские советники, а коллежского асессора Я. М. Европеуса – в надворные советники (см.: Там же. Ф. 407, оп. 1, д. 292, л. 1).

**ЦЕРКОВНО–ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ САРАТОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В ЛИЦАХ: ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР
(С. М. ТРУФАНОВ)**

Личность неистового иеромонаха Илиодора, его пасторская деятельность в Царицыне, борьба со светскими и духовными властями широко освещалась в периодической печати своего времени. Отдельные громкие эпизоды, получившие общероссийский резонанс, не раз рассматривались отечественными и западными историками в связи с другими исследовательскими проблемами¹. Однако специальных работ, посвященных ему, единицы.

Многие писали об «илиодоровщине», «илиодораде», «церковной зубатовщине»², возводя их в ранг исторического термина, понятия, явления, однако без четкого выявления их сущностных признаков (дефиниции), корней или истоков, степень влияния на церковно-политические процессы своего времени; не рассматривая по сути даже вопроса об их типичности или феноменальности. И если применение подобных ярлыков, несших явно негативную окраску, в работах прошлых лет отчасти было оправдано идейно-политическими установками советской историографии, то перенесение этих же, по сути публицистических приемов в современную научную литературу, на наш взгляд, не допустимо. Тем более, что герой нашего исследования, менявший свои политические пристрастия от крайне правых монархических до крайне левых революционных, а религиозные убеждения от православных до сектантских – является наглядной иллюстрацией непостоянства, переменчивости, шатаний от одного лагеря к другому.

С нашей точки зрения, можно говорить лишь о существенном влиянии личности иеромонаха Илиодора на церковно-полити-

¹ См.: Болотова Е. Ю., Савицкая О. Н. Иеромонах Илиодор: Источники и литература // Вестник СНО. № 10. Сер. История и культурология. Волгоград, 1996; Редькина О. Ю. Илиодор в Советской России: 1918–1922 // Стрежень: Научный ежегодник. Вып. 1. Волгоград, 2000.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 250; Т. 20. С. 359–360; Т. 21. С. 115–116, 179, 401; Дубровский М. Монах Илиодор (Из истории церковной зубатовщины) // Воинствующий атеизм. 1931. № 8–9; Гражданов Ю. Д. Илиодоровщина и православный монархизм в России // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России. Калинин, 1989. С. 20–29; Пряникова Н. В. Кульминация царицынской илиодорады: О политической деятельности иеромонаха Илиодора в начале XX века // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Волгоград, 1993. Вып. 2; Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006. С. 75, 154 и др.

ческую жизнь Царицына и Саратовской губернии в целом. На время он стал не только одной из центральных фигур местного церковно-монархического движения, но и своего рода катализатором, ускорившим или изменявшим ход и направление событий в крае. Политическое объединение епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора придало особый колорит провинциальной губернской хронике межреволюционного десятилетия.

Ограниченные возможности статьи не позволяют нам с достаточной полнотой осветить все, с нашей точки зрения, важные этапы биографии скандального инока, мы лишь намечаем некоторые исследовательские подходы и проблемы.

Иеромонах Илиодор, в миру Сергей Михайлович Труфанов, родился в сентябре 1880 г. Донской казак, выходец из среды сельских церковнослужителей. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии.

Революционный 1905 г. Илиодор встретил преподавателем Ярославской духовной семинарии. Здесь был открыт первый в провинции отдел Союза русского народа (СРН). С этого времени Илиодор надолго связал свою судьбу с крайне правым монархическим движением, следуя из города в город «за союзническим значком»³.

Он столь рьяно окунулся в партийные дела, что семинаристы, охваченные общими для учащих того времени антиправительственными настроениями, потребовали его удаления. Чтобы избежать скандала, иеромонах Илиодор в июне 1906 г. был переведен в Новгородскую духовную семинарию, но так туда так и не добрался. Через месяц он значился штатным иеромонахом Почаевской лавры Вольнской епархии и исполнял обязанности помощника заведующего типографией и редакции «Почаевского листка». Отныне его служение проходило в краях, где в тугой узел сплелись национальные и религиозные противоречия. С именами Вольнского архиепископа Антония (Храповицкого), архимандрита Почаевской лавры Виталия и иеромонаха Илиодора связан феномен Почаевского отдела СРН, действовавшего в тесном союзе с местной Православной церковью. Все ключевые посты в отделе занимали священнослужители.

Однако, защищая самодержавие и отстаивая интересы православного малоземельного крестьянства Вольни, Илиодор столь резко критиковал внутреннюю и внешнюю политику царского правительства, что Синодом против Илиодора было начато дисциплинарное расследование, правда, вскоре прекращенное из-за вмешательства влиятельных покровителей⁴.

³ Ларский И. Вопросы текущей жизни. Илиодор // Современный мир. 1911. № 9. С. 274.

⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1989. С. 424.

2 ноября 1907 г. Илиодор отправил письмо Саратовскому епископу Гермогену, где умолял последнего «спасти его», предоставив какое-нибудь место в духовно-учебных заведениях Саратовской епархии⁵. А поскольку летом 1907 г. Гермоген разорвал все отношения с Саратовским отделом Союза русского народа, ему требовался единомышленник и помощник по созданию своей собственной церковно-политической организации⁶ – Православного братского Союза русского народа, то предложение Илиодора оказалось как нельзя более кстати. 6 января 1908 г. состоялся перевод Илиодора в Саратовскую епархию, а затем, уже исключительно по инициативе епископа Гермогена, иеромонах был назначен заведующим архиерейским подворьем Царицынского Свято-Духова монастырского подворья.

Царицын к началу XX в. представлял собой довольно развитый промышленный и транспортный центр юга России⁷. В то же время это был город во многих отношениях социально неблагополучный. Царицын показался Илиодору: «пыльным, развратным и гадким»⁸. Но «в пластах народного города – грязного, дикого и больного», ему удалось отыскать свой источник «живой воды»⁹.

Илиодор очень быстро стал весьма заметной фигурой царицынской общественной жизни. На его публичные проповеди стекалось до 2–3 тыс. человек, явление до того невиданное в городе. Он обрел немалое число преданных ему поклонников. Газета «Царицынская жизнь» открыла целый раздел, посвященный Илиодору, и почти ежедневно печатала отчеты о его деятельности. Его узнавали в лицо, тем более что даже самое обычное свое появление на улицах он старался обставить с размахом. Все должно было свидетельствовать – перед народом «не обыкновенный смертный, а существо, отмеченное перстом»¹⁰, причастный к сокровенному истинному знанию, и потому имеющий неоспоримое право назидать, учить, обличать и вести за собой.

Возможно, такая нарочитая помпа должна была отчасти компенсировать заурядную внешность иеромонаха. Правда многочисленные дошедшие до нас описания внешности Илиодора, носят печать пристрастности симпатий или антипатий к герою. Своим поклонникам и почитателям двадцативосьмилетний Илиодор виделся как

⁵ Яблоневский А. Саратовские сироты // Речь. 1911. № 243.

⁶ Правые священнослужители всячески избегали применения понятия «партия» к их организациям и отрицали политические цели своих объединений.

⁷ Томарев В. И. На рельсах капитализма // Волгоград – четыре века истории. Волгоград, 1989. С. 57.

⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8770, л. 19.

⁹ Патрашкин С. Илиодор // Русская мысль. 1912. Книга III–XIV. С. 137.

¹⁰ Саратовский духовный вестник. 1911. № 169.

«юноша-монах с нежным, красивым, женственным лицом»¹¹. Неприязненно относившийся к иеромонаху Саратовский губернатор П. П. Стремоухов рисовал уже совершенно иной облик Илиодора: «Это был человек среднего роста, довольно благообразный, худощавый и совершенно незначительный. Ничто не указывало в его наружности ни на большой ум, ни на сильную волю»¹². Многие обращали внимание на глаза Илиодора, которые горели «каким-то фосфорическим блеском»¹³.

Илиодор любил позировать для фотографий и портретов. Его снимки как иконы православных святых украшали многие дома царяцан. На некоторых из них он был запечатлен с посохом, украшенным сверху кулаком, держащим крест – своеобразный символ его веры, воинствующей на всех отступников.

Но особенно поражала современников его манера проповедовать. Один из них вспоминал: Илиодор «говорил с кафедры, жестикулируя и размахивая рукавами своей ряски. Содержание его речи не сохранилось в моей памяти. Да оно и трудно передаваемо. С кафедры все время слышались истерические выкрики, складные, правильные грамматически, но выкрики, и выкрики в продолжение полутора-двух часов. Надо удивляться крепости его голосовых связок... Выкрики... гипнотически действовали на толпу и, особенно, на женщин»¹⁴.

Чтобы эмоционально подогреть аудиторию, он начинал свою речь с чтения патриотических стихотворений, заставлял аудиторию по несколько раз выкрикивать встречающиеся в них призывы и лозунги, потрясать поднятыми вверх кулаками, петь патриотические песни.

Его собственный накал чувств в это время был настолько высок, что не мог не передаваться слушателям. По свидетельствам внимательно следившей за иеромонахом полиции, «во время произнесения речи иеромонах Илиодор сильно волновался, часто вскакивал со стула, нервно ходил по эстраде, кричал, стучал и размахивал посохом по воздуху и при этом тонал ногами». «Голос иеромонаха доходил до крайнего напряжения и визгливого крика». «Отец Илиодор был в возбужденном состоянии и махал крестом»¹⁵.

Илиодор держал аудиторию в постоянном нервном напряжении такой силы, что многие не выдерживали. Обмороки, истерики,

¹¹ Саратовский вестник. 1910. № 147.

¹² *Стремоухов П. П.* Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором. Из воспоминаний сенатора П. П. Стремоухова // Архив русской революции. Т. XVI. М., 1993. С. 37.

¹³ См.: ГАСО, ф. 1283, оп. 1, д. 11, л. 140; *Прозоровский Л.* Из прошлых лет. Театральные мемуары. М., 1958. С. 102.

¹⁴ ГАСО, ф. 1283, оп. 1, д. 11, л. 140.

¹⁵ ГАВО, ф. 19, оп. 1, д. 1, л. 43.

нервные расстройства стали обычными следствием его выступлений. Иногда дело доходило до смертельных случаев¹⁶.

Свои службы он умел представить как некое мистическое действо, используя для этого все доступные для него возможности театрализованных постановок. Так, на Пасху, которая выпала в 1911 г. на 10 апреля, стараниями Илиодора Свято-Духов монастырь был превращен в «фантастический, сказочный замок, которого до сих пор царицам не приходилось видеть даже в синематографе...во всю длину его фасада, зажглось множество бенгальских огней, полетели вверх десятки разноцветных ракет, зажглись римские свечи, завертелась огненные колеса, забили огненные фонтаны и затрещали выстрелы фейерверчных бомб и фугасов»¹⁷.

15 августа того же года в овраге у монастыря было совершено сожжение «гидры революции», «чрево которой наполнено жидями, революционерами, безбожниками – толстовцами, октябристами и кадетами»¹⁸. «Гидра» была сделана из соломы, обшита красным картоном, и напоминала дракона с китайских рисунков. Сожжением руководил брат Илиодора, Аполлон. В своем умении довести толпу до массовой истерии он ничуть не уступал Илиодору. Со всех сторон неслись крики «Анафема!.. ругань, свист, гогот, какие-то исступленные крики десяти тысячной толпы»¹⁹.

В символы борьбы с врагами, фетиши Илиодор превращал любую вещь. После паломничества в Саров он выставил на площади перед царицынским монастырем дубину, чтобы бить «русских дураков»; осоку, чтобы их связывать; хворост для веника, чтобы выметать из России и квач (корец), из которого был вымазан репортер саратовской газеты, для «прославления истинно русских людей и посрамления газетных стервятников, жидов, русских дураков и безбожников»²⁰. В проповеди Илиодор заявил: «Знаете ли вы, православные, почему именно дегтем вымазали Мирославова [репортера], а не какой-либо красной краской, которая заметнее была бы, чем деготь? Вы знаете, чем мажут ворота в деревнях у развратных людей?»²¹.

Практически все публичные проповеди Илиодора строились на выявлении и разоблачении тех или иных общественных пороков и их носителей. Для характеристики использовались довольно устойчивые лексические выражения: судьи – «брехуны»; полицейские – «дармоеды»; Дума – «свора разбойников»; интеллигенция – «лож-

¹⁶ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8770, л. 112–112 об.

¹⁷ Там же. Л. 225–256.

¹⁸ Там же. Л. 72.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 273, л. 109.

²¹ Там же. Л. 155.

но образованные люди», «ученые недоучки»; репортеры – «газетные гады и стервятники»; Л. Толстой – «духовный разбойник»; актеры – «бригоголовые лоботрясы»; некоторые священники – «современные фарисеи»; люди, не поддерживающие самодержавия – «русские дураки»; гражданские чиновники – «сюртушники, накурившиеся табаку» и т. п.

Илиодор нисколько не задумывался об объективности или хотя бы о внешнем правдоподобии своих речей. Слушателей поражала примитивность и абсурдность его аргументов в сочетании с высокопарной патетикой. Современники Илиодора отмечали демагогический характер илиодоровских выступлений, богатое словесное оформление ничего не значившей мысли, но, несомненно, приносившее ему немалый политический капитал.

Во многом такая манера речей была связана с особенностями социального состава илиодоровской аудитории. В основном это были маргинальные слои, которые в силу разрушения традиционных ценностей, утраты привычных социальных ориентиров, испытывали тягу к сильной авторитарной личности, способной, пусть даже насильственными, репрессивными методами, обеспечить привычную незыблемость и стабильность.

Монархическое движение, с его явной религиозной доминантой и специфическим социальным составом, требовало лидеров особого типа. Люмпены, городская и деревенская гольятьба, экзальтированные женщины из разных социальных слоев, дети всех возрастов не отличались способностью к организованности и дисциплине, могли вникнуть только в простейшие социально-политические лозунги, обличенные в привычную религиозную форму. Илиодор обращался к их эмоциональному чувству, «духовному зрению». В политической борьбе последователи иеромонаха сражались не «за», а «против», не на стороне монархистов, либералов и других, а на стороне «праведного» Илиодора. Эти люди приходили послушать речи Илиодора не о душе и о Боге, а об острейших социальных проблемах, изложенных привычным языком религии. Поэтому евангельские тексты чередовались у него с выдержками из газетных статей, библейские имена перемешивались с фамилиями ненавистных Илиодору гласных Царицынской думы, слова из священных книг стояли рядом с безудержными ругательствами.

Своими речами Илиодор провоцировал толпу перейти от слов к делу. Предвкушая возможность погромов, в том числе и еврейских, он заранее оправдывал их будущих участников: «Погромы – это Божье правосудие, воля Божья. Погромы не нами начаты, они начаты с тех пор, когда Господь проклял жидов и расселил их по лицу земли...»²².

²² ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8297, л. 77.

Под предводительством Илиодора царицынские паломники в Саров превратились из скромных участников духовной процессии в уличных хулиганов. «В Казани, Самаре, Вольске и Саратове между паломниками и публикой дело доходило до драки, прекращаемой только вмешательством полиции»²³.

Саратовский губернатор П. П. Стремоухов замечал, что «невыведенная формула политической программы» Илиодора звучит так: «Закон, Синод, министр, губернатор, полиция, все это... глубоко ненавистно»²⁴. Царицынский уездный исправник докладывал об Илиодоре в марте 1908 г., что «по одним впечатлениям, он как бы крайне правый; по другим, как бы склоняющийся к партии левых, причем даже есть такие суждения, что, не есть ли он второй Гапон»²⁵. Стремоухов считал, что «никаких убеждений, ни левых, ни правых у него никогда не было. Служить Богу, либо черту ему было совершенно безразлично, лишь бы добиться своих ближайших целей»²⁶. Хотя, на наш взгляд, не все так однозначно.

Официальная православная церковная мысль делала только первые попытки поиска богословских аргументов в политической борьбе своего времени²⁷. Его взгляд православного священника и взгляды многих на миропорядок в православном государстве не были облачены в стройную логическую систему, а формировались скорее на уровне чувств, настроений, ощущений, стереотипов, морально-нравственных оценок. Не надо забывать и того, что Илиодор был выходцем из той части церковного клира, которая по своему положению мало, чем отличалась от обездоленного российского крестьянства. Полученное им православное воспитание и образование, близость к тяготам народной жизни не могли не развить в нем острое стремление к социальной справедливости, христианское представление о которой не всегда совпадали с программами определенных политических партий.

Сам себя Илиодор политиком себя не считал. Как православный священник Илиодор претендовали на роль провозвестника всеобщей истины, единой для всех классов и социальных слоев коренного русского населения, заявлял о своей способности восстановить нарушенное хаосом революции общественно-политическое равновесие. Выход из кризиса виделся ему в усилении роли Православной

²³ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 273, л. 3–4; РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2634, л. 7.

²⁴ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8770, л. 108–108 об.

²⁵ Там же. Д. 7589. Л. 53.

²⁶ Стремоухов П. П. Указ. соч. С. 48.

²⁷ См.: Владимир, митрополит Московский. Наша пасторская задача в борьбе с социал-демократической пропагандой. СПб., 1907; Власть самодержавная по учению слова Божьего и Православной Русской Церкви. М., 1907; *Восторг И.* Государственная дума и Православно-русская Церковь. М., 1907; *Он же.* Христианство и социализм. М., 1906 и др.

церкви в государстве. «Если вы забыли Бога, – утверждал он, – то одно только самодержавие без Бога приведет вас к гибели»²⁸.

Иноческий сан, до известных пределов, обеспечивал ему защиту от светской власти, давал возможность говорить то, за что светские политики немедленно подверглись бы преследованиям со стороны государства.

Вместе с тем, Илиодор не пренебрегал возможностью подчеркнуть свою близость к императорской семье, что не мало способствовало росту его популярности. В 1911 г. среди его приверженцев даже распространился слух о том, что Илиодор побочный брат Николая II²⁹.

Скрывая в своих проповедях острейшие социальные проблемы своего времени, Илиодор во многом был прав. Он совершенно справедливо отмечал тот факт, что православное духовенство утратило живую связь с современной жизнью, властью и обществом, перестало оказывать на них влияние. Однако форма, в которую Илиодор облакал свои протесты, подчас противоречила нормам христианской морали и заповедям.

Например, он как представитель церкви, предавшей Льва Толстого анафеме, он не мог не отреагировать на стремление известной части российского общества почтить память покойного писателя. Но при этом Илиодор обвинил Толстого во всех мыслимых и немыслимых грехах, и даже в плагиате³⁰, требовал от власти «уничтожения всех его богохульных, кощунственных, безнравственных сочинений»³¹. На монастырском подворье был выставлен портрет писателя с надписью «слуга сатаны» и предложением всем проходящим мимо плевать на него. И навряд ли можно считать искренним его позднее раскаяние в содеянном, пришедшее к Илиодору уже после его отречения от сана, когда тот был готов просить прощения даже у праха Толстого³².

Политический экстремизм Илиодора, властолюбие, бескомпромиссность делали фигуру Илиодора одиозной не только для властей, но даже для ближайших союзников.

По прибытии в Царицын Илиодор активно включился в работу местного отдела СРН и быстро добился оживления всей его деятельности. Местные монархисты стали хлопотать перед светскими и церковными властями об избрании Илиодора председателем Царицынского отдела СРН³³. Но неожиданно для своих недавних покровителей из СРН Илиодор выступил с «новым» политическим лозун-

²⁸ ГАВО, ф. 19, оп. 1, д. 1, л. 10, 46.

²⁹ Стрелюхов П. П. Указ. соч. С. 39.

³⁰ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 273, л. 3, 241, 242.

³¹ Там же. Д. 272, л. 5–6.

³² Там же. Д. 223, л. 272.

³³ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 7913, л. 1 об.

гом – «Православие, Самодержавие, Народность». В «старой» трактовке, по его мнению, «Бог очутился ниже царя земного»³⁴, и стал агитировать за вступление в Православный Всероссийский братский союз русского народа, организованный на «новых» началах Саратовским епископом Гермогеном. Все отношения Илиодора с местным отделом СРН были прерваны.

Конфликт с СРН развивался на фоне все ухудшавшихся отношений иеромонаха с местными властями. От обличений власть имущих он перешел к прямым призывам: «властям, не придерживающимся правды Божьей и носящим в сердце своем дьявола, не повинуйся и сделай так, чтобы эти господствующие стали твоими слугами».

Толчком к открытому столкновению с властями послужило распространение слухов, подтвержденных полицией, что в Свято-Духовом мужском монастыре жили женщины³⁵. Эти сведения проникли в царицынские газеты. 10 августа 1908 г. Илиодор попытался организовать погром редакции «Царицынской жизни». Толпа, собравшаяся у монастыря на молебен о прекращении холеры, избивала принятого за репортера учителя Мариинской женской гимназии и двух полицейских, вступивших за него. От прибывшего на место происшествия полицмейстера Н. К. Бочарова люди требовала закрытия газет и кричала, что оскорбление отца Илиодора считают оскорблением православной веры и самого Бога. Пришлось разогнать толпу силой конной полиции³⁶.

Однако действия иеромонаха Илиодора оставались практически безнаказанными, уголовные дела, заведенные на него, либо прекращались, либо он отделялся незначительным наказанием³⁷. Обращения депутатов Царицынской городской думы (1908 г.) и членов местного Биржевого комитета (1909 г.) об удалении Илиодора из города остались без последствий³⁸. Синод дважды, в 1909 и 1911 гг. отменял свои постановления о переводе Илиодора из Саратовской епархии.

Столь мягкие решения духовных и светских властей в отношении «бунтовщика в рясе» объяснялись умело организованными им многолюдными компаниями в свою поддержку, а главное заступничеством «старца» Григория Распутина, а через него и царской семьи. Однако за иеромонахом было установлено постоянное негласное наблюдение полиции, случай неслыханный в отношении православного священника.

³⁴ ГАВО, ф. 19, оп. 1, д. 1, л. 8, 28.

³⁵ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 110–111.

³⁶ Там же. Д. 7589, л. 102 об.

³⁷ РГИА, ф. 796, оп. 189, д. 955, л. 1.

³⁸ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 223, л. 58.

17 января 1911 г. Синод постановил перевести Илиодора настоятелем захолустного Новосильского монастыря Тульской епархии³⁹. Последовавшие за этим события стали известны всей России.

Илиодор заявил, что из Царицына он никуда не поедет, ни живой, ни мертвый, и объявил «священную войну» Синоду⁴⁰.

Отмены постановления Синода сразу добиться не удалось. Это оказалось не под силу даже Распутину. В январе 1911 г. Илиодор получил от него телеграмму: «Поезжай, миленький, на короткое время [по видимому, в Тулу]... Все в руках Божьих. Советуйся с отцом Григорием необходимо»⁴¹.

В монастыре ежедневно стало собираться до 10 тыс. человек. Личность Илиодора, рискнувшего на открытое противостояние власти, вызвала интерес у тех, кто раньше был далек от Православной церкви. В полицейском рапорте сообщалось: «Народу из окрестных селений, несмотря на большие морозы и вьюги, приезжает в монастырь все больше и больше. Кроме этого бросается в глаза и то, что в монастырь стало за последние дни собираться множество интеллигенции, учеников мужских и женских гимназий и реального училища... было замечено много местных сектантов, а также их начетников и священников... стали появляться евреи и такие лица, которые принимали горячее участие в революционном движении»⁴².

Власти пошли на компромисс, который, казалось, удовлетворил и Илиодора. Ему разрешалось совмещать обе настоятельские должности – в Свято-Духовом и Новосильском монастырях, но в Царицыне появляться лишь четыре раза в год – на Пасху, Троицу, Рождество и летом.

Неожиданно 11 марта из Москвы были получены сведения о победе Илиодора. Свято-Духовом монастырь, где укрылся Илиодор со своими последователями, превратился в неприступную крепость. Власти оказались в затруднительном положении. По словам губернатора П. П. Стремоухова, открытый штурм монастыря был невозможен: «Через несколько дней вся Россия сделалась бы свидетельницей мученического подвига горстки фанатиков»⁴³. Невозможен был и арест Илиодора. При взятии под стражу священнослужителя с него снималось облачение, что мог сделать только другой священник. Но среди царицынского духовенства желающих не нашлось, судя по всему, из опасения навлечь гнев епископа Гермагена, открыто поддерживающего Илиодора.

³⁹ РГИА, ф. 191, 5 отд., 2 ст., д. 143 б, л. 50 об.

⁴⁰ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 272, л. 48.

⁴¹ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8768, л. 5.

⁴² Там же. Л. 56, 206.

⁴³ Там же. Л. 114.

Все население города, казалось, было только и занято, что разговорами о событиях в монастыре. Тираж местных газет увеличился вдвое. Даже в официальных рапортах в полицию агент по кличке «Пучковский» не смог удержаться от эмоций: он признавался, что в храме у него, как и у старых жандармов, казаков, городских на глазах выступали слезы. «Эта тысячная рыдающая толпа полудиких по своему развитию людей, – писал он, – ... производит жуткое, необъяснимое впечатление. До такого религиозного экстаза доходили только в средние века, когда сотни людей видели на небе бесов, дерущихся с ангелами, и другие необыкновенные в сущности явления, то есть подвергались массовой галлюцинации или массовому умопомешательству... От такой ненормальной толпы народа можно было ожидать всяких неожиданностей и случайностей»⁴⁴.

В конечном итоге полтора месяца противостояния иеромонаха Илиодора и власти окончилось полной победой первого. Илиодор был оставлен в Царицыне.

В мае 1911 г. иеромонах был принят императором⁴⁵. В Царицын, чтобы увидеть Илиодора, устремились паломники из близлежащих областей. К нему начали привозить больных, из которых он «выгоянял бесов». И чудеса исцеления свершались⁴⁶. Среди царицынских грузчиков и рабочих шли разговоры, что Илиодор стоит за рабочий народ, победил всю власть. И теперь они надеялись, что он выхлопочет им землю⁴⁷. С 19 по 29 июня 1911 г. в монастыре гостил Григорий Распутин.

Илиодор ощущал себя, и действительно был, на вершине могущества и влияния. Выигранные у правительства битвы вселяли чувства вседозволенности и безнаказанности. Под предлогом, якобы, готовившегося на него покушения, иеромонах Илиодор запретил полиции посещать монастырь, а его телохранители выгалкивали с подворья городских. По желанию иеромонаха была отложена казнь убийцы⁴⁸. И, наконец, он пошел даже на то, что не позволил служить панихиду по убитому П. А. Столыпину, заявив: «За врагов Божьих, за врагов Церкви Христовой молиться сам не пойду и никого для этого не пошлю»⁴⁹.

Осенью 1911 г. Илиодор берется за укрепление монастырского подворья. И без того трехэтажный монастырь, по отзывам совре-

⁴⁴ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8768, л. 160–162.

⁴⁵ Стрелюхов П. П. Указ. соч. С. 39.

⁴⁶ См.: ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 304, л. 170, ф. 5, оп. 1, д. 5, л. 87.

⁴⁷ Там же. Ф. 5, оп. 1, д. 5, л. 235.

⁴⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 7589, л. 440.

⁴⁹ ГАВО, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 67.

менников, имел вид крепости⁵⁰. Возводился он исключительно стараниями Илиодора и на народные деньги. Проблема увеличения пространства для многочисленной аудитории прихожан была решена смело и по-новому, хотя и не без опасения за безопасность людей. Купол как опрокинутая чаша опускался прямо на стены храма и не поддерживался колоннами изнутри⁵¹. Теперь Илиодор решил дополнить обитель сложной системой катакомб и лабиринтов под зданием. Новые пристройки не добавляли устойчивости конструкции. Однако они так и не были завершены.

В декабре 1911 г. в Петербурге епископ Гермоген и иеромонах Илиодор угрозами попытались устранить от трона своего бывшего покровителя царского фаворита Григория Распутина. История закончилась громким скандалом и подробно описанная в литературе⁵².

В январе 1912 г. Илиодор был перемещен в число братии Флорисшевой пустыни Владимирской епархии. За этим последовало отречение иеромонаха от сана и Православной церкви. Хотя у заточенного в заолустье и оторванного от активной деятельности пастыря, который явно больше любил себя в церкви, чем церковь в себе, было не так уж и много альтернативных вариантов.

Вскоре бывший иеромонах Илиодор, а теперь Сергей Михайлович Труфанов, появился на хуторах недалеко от Царицына и объявил себя создателем новой веры.

Новое учение по своим постулатам больше напоминало программу революционной организации, чем религиозные догматы. Труфанов отрицал рай и ад, считая, что они только развращали верующих, заставляя их лицемерить под страхом грядущего наказания. Все его беседы со сторонниками сводились к утверждениям, что власти несправедливы к народу, и народ сам должен управлять собой. Порядок же управления государством должен быть изменен силой⁵³.

Между тем, число сторонников бывшего монаха сокращалось день ото дня. Стал иссякать денежный поток пожертвований. Его начинают покидать ближайшие сподвижники. Один из них, присвоив себе собранные для Труфанова деньги, донес на него в полицию и обвинил в связи с революционными организациями.

Вскоре после начала официального расследования по этому заявлению илиодоровка Фиония Гусева в селе Покровском Тобольской губернии совершила покушение на Григория Распутина, чуть было не

⁵⁰ См.: *Савинский В.* Отец Илиодор, его личность, жизнь, труды и экономическое значение для города Царицына, и нечто о пещерах. Царицын, 1911. С. 5; К Царицынским событиям. Одесса, 1911.

⁵¹ РГИА, ф. 796, оп. 76, 5 ст., 3 отд., д. 162 г, л. 4.

⁵² См., например, *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания: В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 24–25; *Палеолог М.* Распутин. М., 1990. С. 63–74 и др.

⁵³ ГАВО, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 162.

стоившее последнему жизни. Во избежание наказания 3 июля 1914 г. Труфанов скрылся из-под надзора полиции и бежал за границу. Помог ему в этом, по его признанию, писатель М. Горький⁵⁴.

Жизнь вдали от Отечества не отбила у Труфанова охоту принимать активное участие в политических авантюрах внутри России. В начале 1916 г. он стал соучастником заговора Министра внутренних дел А. Н. Хвостова с целью убийства Распутина. Заговор был раскрыт, хотя сам сценарий преступления пригодился и лег в основу реального убийства Распутина.

После Февральской революции Труфанов вернулся из эмиграции и опубликовал книгу «Святой черт. Записки о Распутине», которая имела скандальный успех. В свойственной ему манере он единым росчерком пера перечеркнул восемь лет своей дружбы с Распутиным, открывшей иеромонаху двери императорского дворца и обеспечившей ему самое высокое покровительство. На страницах книги Труфанов с запоздалым возмущением и показной наивностью пытался доказать свое «непонимание» того, что на самом деле кроется у Распутина за «врачеванием от блудных страстей» и «изгнанием бесов».

С 1918 по 1922 гг. Труфанов живет в Царицыне, проповедуя идеи обновленческой церкви, в которую, по его словам, вскоре заставят переходить силой: «Клин клином вышибают, то, что насильно утверждено, то, непременно, будет вышибаться силой»⁵⁵.

В 1922 г., не добившись прежнего успеха, Илиодор вновь, и теперь навсегда, покидает Россию. В отличие от епископа Гермогена, его неверный ученик не стал мучеником за веру, а умер в своей постели, по одним данным в 1958 г., по другим – в 1952 г. в Америке⁵⁶.

⁵⁴ ГАВО, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 64.

⁵⁵ Там же. Ф. Р. 37, оп. 1, д. 147, л. 376.

⁵⁶ См.: Переписка и другие документы правых 1911 г. // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 107; Гражданов Ю. Д. Илиодоровщина и православный монархизм в России // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России. Калинин, 1989. С. 2.

ПОДВИЖНИК НА НИВЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

«Ужасное событие», «семинарская Цусима» – такими заголовками пестрели страницы саратовских газет и журналов весной 1911 г. Чрезвычайное происшествие – убийство в стенах духовной семинарии инспектора Алексея Целебровского – стало темой многих публикаций. Журнал «Саратовский духовный вестник» писал: «В последние годы жизнь семинарии текла не вполне покойно и мирно. Были в ней печальные движения внутреннего характера – плод материальных стремлений питомцев. Захлестнула ее и мутная волна народной разрухи в тяжелую годину 1905 и 1906 годов. Но все это не может пойти даже в отдаленное сравнение с потрясающим событиям 12 марта – зверским убийством Целебровского»¹.

Обстоятельства преступления подробно описаны в журнале «Братский листок»², а о причинах случившегося современники рассуждали на страницах Саратовского духовного вестника³. Говорилось о бунтарских настроениях ряда воспитанников, наличии в стенах семинарии тайной организации. Сыграл свою роль и фактор личной неприязни – по инициативе инспектора Целебровского было уволено несколько неблагонадежных воспитанников. Один из них, Иван Князевский и убил инспектора кинжалом прямо на ступенях лестницы рядом с домовым храмом. Епархиальному руководству пришлось пойти на чрезвычайные меры – в их числе массовые исключения из семинарии и смена ее руководства. В апреле 1911 г. новым инспектором этого учебного заведения назначается Николай Васильевич Златорунский⁴. К тому времени за его плечами были Казанская духовная академия и полученная по ее окончании степень кандидата богословия. Затем – преподавание русского и церковно-славянского языков, катехизиса, закона божьего в Саратовском, а потом Балашовском духовных училищах. На этом поприще выходец из старинного рода священнослужителей Златорунских проявил себя столь достойно, что был пожалован «за отличное усердие к службе и особые труды»⁵ кавалером орденов Св. Станислава и Св. Анны третьей степени. Будучи председателем экзаменационной комиссии по испытаниям на звание учителя церковно-приходской школы, в 1908 г. он получил от преосвященного патри-

¹ Саратовский духовный вестник. 1911. 1 мая.

² См.: Братский листок. 1911. № 59.

³ См.: Саратовский духовный вестник. № 34–35, 36–37, 38–39.

⁴ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 7671, л. 5 об.

⁵ Там же. Л. 2 об.

арха Гермогена искреннюю благодарность за добросовестное отношение к делу⁶.

Судя по материалам епархиальной периодики второй половины 1911 г., энергичные действия нового ректора семинарии архимандрита Серафима Лукьянова и нового инспектора Николая Златорунского помогли стабилизировать обстановку в этом учебном заведении⁷.

Спустя два года после назначения Златорунского инспектором семинарии епархиальный съезд уполномоченных духовенства выражает ему сердечную признательность за педагогически мудрое отношение к воспитанникам⁸. Николай Васильевич был не только блестящим знатоком русской словесности и иностранных – как древних, так и современных языков. Он обладал еще и неординарными музыкальными способностями, считался непререкаемым авторитетом в сфере церковного пения, обучал слушателей саратовских епархиальных педагогических курсов. В семинарии инспектор Златорунский организовал оркестр из числа воспитанников, сам руководил этим творческим коллективом, сочинял музыку для семинарского хора. В журнале «Саратовские епархиальные ведомости» за октябрь 1917 г. опубликована программа концерта, данного 15 октября (всего за десять дней до октябрьского переворота) силами музыкально-драматического кружка воспитанников саратовской семинарии⁹. Примечательно, что оба отделения концерта состояли исключительно из светских номеров – исполнялись романсы, стихи Лермонтова и Надсона, народные песни «Дубинушка», «Ой, ходила дивчина», пьесы для скрипки с роялем. Первым номером в программе был заявлен «Гимн свободной России» на музыку Николая Златорунского, текст гимна пока обнаружить в архиве не удалось, но есть опубликованный в епархиальных ведомостях отклик на это музыкальное произведение: «... шумный успех вызвало исполнение гимна сочинения Николая Златорунского. И успех этот вполне заслужен им: лучшего гимна новой России мы, по крайней мере, до сих пор не слышали...»¹⁰ Заметим, что супруга Златорунского, Руфина Ивановна, дочь протоиерея Саратовской Ильинской церкви, так же обладала большими музыкальными способностями. Воспитывая семерых детей, она успевала выступать с концертами, причем ее пению во время своих приездов в Саратов аккомпанировал друг семьи выдающийся русский композитор Сергей Рахманинов.

⁶ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 7671, л. 3 об.

⁷ См.: Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена. Саратов, 2006. С. 175.

⁸ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 7671, л. 6 об.

⁹ Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 30. С. 1102.

¹⁰ Там же. С. 1103.

Помимо педагогической, активно занимался Николай Златорунский и общественной деятельностью. В годы Первой мировой войны он состоял председателем совета саратовского отделения Всероссийского попечения о беженцах и членом епархиального комитета по устройству быта беженцев¹¹. На протяжении семи лет – с 1911 по 1918 гг. инспектор Златорунский во время отпуска ректора семинарии успешно исполнял его обязанности. В годы работы Н. В. Златорунского в семинарии в учебные планы этого заведения входило 23 предмета обучения, из них богословских наук – 10, а светских – 13¹². Среди последних: физика, алгебра, геометрия, тригонометрия. Инспектор Златорунский ко всем прочим своим обязанностям еще и заведовал физическим кабинетом, оборудованным разнообразными приборами в количестве 318 штук¹³.

Новый учебный год в Саратове осенью 1917 г. начался в тревожной обстановке – участились стрельба на улицах и обыски. С ноября в целях безопасности воспитанников были временно прекращены занятия во всех духовно-учебных заведениях города. В январе 1918 г. в Саратовской духовной семинарии учеба возобновилась лишь в первых, пятых и шестых классах, ученикам выдавалось дневная норма – полфунта черного хлеба на человека¹⁴.

В это же время для нужд военного ведомства из семинарии было взято около 70 кроватей, матрацев и одеял¹⁵. К августу 1918 г. епархиальный совет заявил о невозможности начать новый учебный год ввиду того, что все духовно-учебные заведения были заняты различными учреждениями¹⁶. Так в здании семинарии разместились канцелярия Красного Креста, Саратовская ученая архивная комиссия, а к концу 1918 г. в помещениях семинарии начали действовать пехотные курсы. В декабре 1917 г. большевики издают декрет о передаче всех церковных школ в Комиссариат народного просвещения. 23 января 1918 г. выходит декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Уже через несколько дней в Саратове начались собрания духовенства и мирян, на которых обсуждались время, место и форма публичного выступления в защиту попираемых прав церкви и религиозных обществ¹⁷.

2 февраля 1918 г. в квартире ректора семинарии на собрании православного духовенства совместно с представителями других конфессий, а так же старообрядцев и единоверцев обсуждали последствия отделения церкви от государства. «Во время собрания

¹¹ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 7671, л. 7 об.

¹² Саратовский духовный вестник. 1911. 2–28 авг.

¹³ ГАСО, ф. 12, д. 7808, л. 41.

¹⁴ Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 4, 5, 6. С. 93.

¹⁵ Там же. № 23–24. С. 400.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 4, 5, 6. С. 80.

явились вооруженные красногвардейцы и солдаты, которые подвергли собравшихся обыску и личному задержанию до 6 утра. Вместе с тем были произведены обыски и в квартире участников собрания в их отсутствие», – писали «Саратовские епархиальные ведомости»¹⁸.

28 января в Саратове состоялся крестный ход во главе с епископами Досифеем и Доминаном, участием в котором духовенство и присоединившиеся к процессии многочисленные горожане выразили свое негативное отношение к декрету об отделении церкви от государства¹⁹. Примечательно, что к крестному ходу присоединились и солдаты-большевики, на стихийных митингах, возникавших по пути следования процессии, звучал вопрос: «... нам обещали мир, хлеб и свободу, про веру же ничего не говорили, как же это мы будем без веры?»²⁰ Текст самого декрета «Саратовские епархиальные ведомости» опубликовали вместе с информацией о прекращении с 1 марта выдачи на содержание священнослужителям и законоучителям²¹.

В апреле 1918 г. малое епархиальное собрание принимает решение командировать инспектора саратовской семинарии Златорунского в Москву «для наведения справок и ходатайства по делам духовно-учебных заведений Саратовской епархии»²².

Перед отъездом в столицу Златорунский публикует в епархиальных ведомостях статью «К вопросу о судьбе духовно-учебных заведений», в которой подвергает сомнению идею о немедленном преобразовании духовной школы в средне-учебное заведение с передачей его в ведение советов. За это ратовала часть педагогов семинарии и Саратовского духовного училища, встревоженная «реквизиционными экспериментами местной власти»²³.

По мнению же Златорунского, немедленная передача духовной школы советской власти – это «слишком поспешная капитуляция перед последней». Заняться же реформированием духовной школы «не зависимо от поползновений на нее советской власти» давно пора, считал он²⁴. «Трудно бить двух зайцев одним ударом», – пишет Златорунский, – «готовить будущих пастырей и давать удешевленное общее образование детям духовенства ... Нужно иметь мужество сознаться, семинария слабо готовила к пастырскому служению молодежь, не давая ни должной привычки и уважения к дисциплине, ни безусловно необходимой практической подготовки к этому слу-

¹⁸ Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 4, 5, 6. С. 93.

¹⁹ Там же. С. 82.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 63.

²² Там же. № 13–15. С. 184.

²³ Там же. С. 170.

²⁴ Там же. № 13–15. С. 170.

жению»²⁵. Говоря о последней, Златорунский ставит в пример светскую специальную школу, и предлагает перенять ее опыт практических занятий, в ходе которых будущие пастыри «могли бы научиться сострадательной, деятельной любви в служении меньшим братьям»²⁶. Они должны посещать тюрьмы, приюты для брошенных детей, больницы и ночлежки.

Для практической подготовки к миссионерству необходимы научные и религиозные экскурсии, командировки в приходы, монастыри, расколо-сектантские селения. А пока, делает вывод автор статьи – «мы выходим из нашей школы теоретиками... слабо подготовленные служить другим, мы часто служим лишь себе, обращаемся в чиновных треботправителей, ищем теплых мест, внимания сильных мира...»²⁷.

Заслуживает особого внимания взгляд автора на изменение статуса церкви после октябрьского переворота. «Церковь стала свободна. С нее снята государственная опека и теперь не на кого уже сваливать наши ошибки и недочеты»²⁸.

В ходе командировки в Москву Н. В. Златорунский посетил Святейшего Патриарха и обил пороги множества учреждений, среди них государственная комиссия по народному просвещению и комиссариат внутренних дел. В последнем Златорунский на вопрос о судьбе системы духовного образования получил неопределенный ответ: «Что касается введения в курс духовных школ преподавания общеобразовательных предметов, возвращения православной церкви отнятого у нее духовно-учебного капитала в сумме 26 миллионов рублей, составляющего собственность 6000 работников духовной школы – то эти вопросы будут разрешены в непродолжительном времени особой... комиссией»²⁹. Отчет Златорунского о поездке, опубликованный в епархиальных ведомостях, свидетельствует о том, что новую власть абсолютно не интересовало сохранение духовной системы образования. И еще один штрих к картине столичной жизни весной 1918 г., за три недели командировки саратовский инспектор убавился в весе на один пуд³⁰.

К лету 1918 г. большевистская власть начала целенаправленную борьбу с духовной оппозицией, ее следствием стало постепенное прекращение работы духовно-учебных заведений. По воспоминаниям сына Н. В. Златорунского, семью последнего инспектора семинарии выселили из здания на Малой Сергиевской улице в начале

²⁵ Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 13–15. С. 170.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 172.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 185.

1919 г., когда там разместили военную часть. Интересно, что приютил Златорунских (в его семье было семеро несовершеннолетних детей) бывший семинарский полотор, занявший к этому времени руководящую должность в губернском ЧК.

Теперь уже бывший инспектор семинарии становится регентом Митрофаньевской церкви, и служит там до 1931 г. Скромное место псаломщика он предпочел серьезному предложению, поступившему в 1922 г. от нового ректора университета Сергея Романовича Миротворцева, который учитывая блестящее академическое образование и огромный педагогический опыт Н. В. Златорунского, приглашал его на должность заведующего кафедрой словесности. Свой отказ Златорунский мотивировал тем, что не испытывает симпатии к советской власти, а следовательно к новой советской системе высшей школы. К тому же он понимал, что не сможет содержать свою большую семью на скромное жалование преподавателя³¹.

Летом 1923 г. Саратовский губернский отдел ГПУ начал борьбу с духовенством и мирянами, выступающими против обновленчества. Заводится групповое следственное дело № 1200 против якобы действующей в Саратовской губернии под видом религиозного общества тайной организации духовенства и монархически настроенных мирян³². В списке 36-ти арестованных по этому делу значится и Н. В. Златорунский. После нескольких месяцев следствия Епископа Петра, которому чекисты приписывали руководство организацией, сослали на Соловки³³. Часть проходивших по делу № 1200, в том числе и Златорунского, отпустили «за недоказанностью состава преступления»³⁴.

Попав в разряд «неблагонадежных», бывший семинарский инспектор отнюдь не прекращает отстаивать свои религиозные убеждения. Так в 1924 г. Златорунский выступает официальным оппонентом профессора Ленинградского университета по кафедре истории религий А. М. Покровского, приехавшего в Саратов в сентябре 1924 г. с докладами на антирелигиозные темы. Обсуждения выступлений ленинградского историка проходили в зале Народного дворца при огромном скоплении публики. Подробности происходившего там изложены в двух газетных статьях, опубликованных в «Саратовских известиях»³⁵.

7 сентября 1924 г. Покровский выступил с докладом на тему «Существует ли бог и нужна ли вера в него?» Официальный оппонент Н. В. Златорунский, начавший свою речь со слов «ректором быть не удостоил меня господь», тем самым исправив ошибку в

³¹ Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 13–15. С. 185.

³² Наумов А. В. Русский крест графа Медема. Саратов, 2007. С. 58.

³³ Там же. С. 60.

³⁴ Там же. С. 59.

³⁵ См.: Саратовские известия. 1924. 3 сент.; 1924. 7 сент.

афише, на которой он был назван бывшим ректором семинарии³⁶. Подвергая сомнению тезис Покровского о том, что существование бога доказать нельзя, Златорунский утверждал, что наука бессильна ответить на основные вопросы бытия³⁷. Автор газетной статьи «Диспут о боге» цитировал фрагмент его выступления, «при этом религия, как и наука, пользуется методом и наблюдением и, как и наука, религия имеет даже для «экспериментов» свой «прибор» – «чистое сердце человека»: им безошибочно познается бог...»³⁸.

По свидетельству участников диспута, прения сосредоточились в основном вокруг вопроса о нравственности. Покровский пытался доказать: вера в бога не только не нужна для нравственности, но она враждебна ей³⁹. Златорунский возражал: «Религия – это любовь к богу, а любовь к богу – это любовь к человеку...»⁴⁰ Еще в начале диспута аудитория разделилась: «... тысячная толпа слушает с напряженным вниманием. То и дело гремят аплодисменты, несутся возгласы одобрения или протеста...»⁴¹

Несмотря на то, что дискуссия затянулась до двух часов ночи, высказаться успело лишь семь из 20 ораторов, а завершился диспут «исторической справкой» из уст ректора Саратовского коммунистического университета Ильинского: «Когда разразилась империалистическая бойня, кто крикнул миру: Сложите оружие! – Верующий? Нет, верующие ввели на бойню, жертвой которой стали миллионы людей. Крикнул это безбожник Ленин, сердце которого горело любовью к пролетариату и человечеству!...»⁴² Эти слова, по свидетельству очевидцев, покрылись «оглушительными аплодисментами большей части аудитории...»⁴³ Скорее всего, для Н. В. Златорунского этот диспут был последней возможностью свободно говорить о своих взглядах.

Спустя шесть лет, в январе 1931 г. его ожидал очередной арест. Полномочное представительство ОГПУ по Нижне-Волжскому краю завело дело на группу из семи человек – мирян и духовенства, предъявив им обвинение по статье 58 – за контрреволюционную деятельность⁴⁴. Судя по содержанию протокола допроса Н. В. Златорунского, перед следствием в первую очередь стояла задача собрать доказательства контрреволюционной деятельности митрополита Серафима⁴⁵. Так как Н. В. Златорунский до лета 1930 г. был секретарем митрополита (к которому перешел от архиерея Фаддея)⁴⁶, следователи добивались от него показаний о лицах из окру-

³⁶ Саратовские известия. 1924. 7 сент.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ГАНИСО, ф. Р-6210, оп. 2, д. ОФ. 2062, л. 35.

⁴⁵ Там же. Л. 36.

⁴⁶ Там же.

жения Серафима, и подтверждения того, что митрополит агитировал против советской власти. В протоколе допроса со слов Златоунского записано: «Какой-либо контрреволюционной деятельности среди духовенства я не замечал, а так же сам не участвовал»⁴⁷. В разделе «показания по существу» упоминается о содействии Серафима семьям арестованных священников. По словам Златоунского, в бытность секретарем митрополита он при написании указа о назначении того или иного священнослужителя на место арестованного, указывал, что одна третья часть своих доходов тот обязан передавать семье арестованного⁴⁸.

В анкете протокола допроса Златоунского в графе «партийность и политические убеждения» было записано – «беспартийный, сочувствую советской власти». Обвинение, предъявленное ему спустя пять недель после ареста выглядело так: «систематическая контрреволюционная агитация против проводимых мероприятий Советской власти с использованием религиозных чувств верующих»⁴⁹. Но уже через 15 дней Н. В. Златоунского освобождают из-под стражи под подписку о невыезде, а затем следственное дело в отношении него прекращается, «в связи с тем, что имелось недостаточно данных для предания суду»⁵⁰.

Сразу после выхода на свободу Златоунскому пришлось сменить род деятельности – Митрофаньевская церковь в числе других саратовских храмов была закрыта. Он поступил счетным работником на метизный завод, где трудился уже до конца жизни. Николай Васильевич Златоунский умер от туберкулеза в июле 1942 г. и похоронен на Воскресенском кладбище в Саратове. Дети его, несмотря на полученное до революции хорошее образование, из-за происхождения не смогли поступить ни в одно из высших учебных заведений Саратова.

Судьба последнего инспектора саратовской духовной семинарии – как и судьбы многих представителей духовенства на переломе эпох – доказывает: разрушение ценностей культуры и основ просвещения входило в идеологическую концепцию большевизма. Ликвидация системы духовно-учебных заведений, отказ от педагогического опыта, накопленного десятилетиями, и политическое преследование тех, кто остался за бортом новой власти – все это привело к тому, что закладывать основы советской школы пришлось практически с нуля.

⁴⁷ ГАНИСО, ф. Р-6210, оп. 2, д. ОФ. 2062, л. 36 об.

⁴⁸ Там же. Л. 36.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ И САРАТОВ

Жизнь и творчество философа, историка, культуролога Георгия Петровича Федотова, в 1920-е гг. преподававшего на историко-филологическом факультете Саратовского университета, вот уже второй десяток лет продолжает привлекать к себе все новых и новых исследователей¹. К сожалению, сведения о его саратовских детстве и юности все исследователи черпают из воспоминаний жены философа – Елены Николаевны Федотовой (в девичестве Нечаевой)². Но Елена Николаевна не была свидетелем саратовских событий (за исключением последнего периода пребывания Федотова в Саратове), а лишь пересказала когда-то услышанное от Георгия Петровича. Этим, скорее всего, и объясняются неточности, имеющиеся во всех опубликованных биографических справках.

Между тем, еще шестнадцать лет назад в журнале «Советские архивы» была дана информация о хранящихся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) документах, и изложены основные моменты саратовских страниц биографии Федотова³. Удивительное невнимание специалистов к саратовским документальным свидетельствам и заставило еще раз автора этого сообщения поработать с фондами ГАСО и скрупулезно собрать все, что могут они дать.

Георгий Федотов родился в Саратове 1 (13 по новому стилю) октября 1886 г., о чем имеется актовая запись в метрической книге церкви Рождества Богородицы. Крестной матерью его была губернаторша Мария Николаевна Зубова⁴. Что неудивительно, поскольку отец новорожденного надворный советник Петр Иванович Федотов служил правителем канцелярии саратовского губернатора. Он был женат на выпускнице Саратовского института благородных девиц, учительнице музыки Елизавете Андреевне Ивановой – дочери воль-

¹ См.: *Топоров В.* О русском мыслителе Георгии Федотове и его книге // Наше наследие. 1988. № 4. С. 45; *Федотов Г. П.* // Новый мир. 1989. № 4. С. 207; *Бойков В. Ф.* Судьба и грехи России (Философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) // Федотов Г. П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). Т. 1. СПб., 1991; *Киселев А. Ф.* Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). М., 2004; *Селиванова Ю. В.* Социально-политические взгляды Г. П. Федотова. Саратов, 2005 и др. См. также сайты о Г. П. Федотове в интернете.

² См.: *Федотова Е. Н.* Георгий Петрович Федотов // Федотов Г. П. Лицо России. Paris, 1967.

³ См.: *Гусакова З. Е.* Из биографии философа, историка и публициста Г. П. Федотова // Советские архивы. М., 1991. № 6.

⁴ ГАСО, ф. 637, оп. 2, д. 843, л. 63об.-64.

ского (а не вольного, как это сказано в биографическом очерке В. Ф. Бойкова – см. указ. соч.) городского полицмейстера, коллежского асессора Андрея Моисеевича Иванова.

Документы ГАСО содержат довольно подробные сведения о предках Г. П. Федотова по материнской линии. Андрей Моисеевич Иванов – потомственный дворянин, был заслуженным чиновником системы МВД. Его отец (прадед Федотова) Моисей Иринархович Иванов происходил «из обер-офицерских детей», по определению Саратовского дворянского депутатского собрания, утвержденному «указом правительствующего Сената по герольдии от 31 августа 1844 года за № 15674» внесен в 3-ю часть Саратовской дворянской родословной книги⁵.

Андрей Моисеевич Иванов, начав службу в 1836 г. подканцеляристом Саратовской уголовной палаты, дослужился до чина коллежского советника и вышел в отставку по состоянию здоровья 7 июля 1891 г. За 55 лет службы он занимал разные посты, в частности, был секретарем Саратовской уголовной палаты, вольским уездным стряпчим, директором Вольского уездного попечительного о тюрьмах комитета, саратовским уездным, а затем вольским уездным исправником, по выбору от дворян был заседателем Саратовского совестного суда, членом Вольского училищного совета и т. д. С 1882 г. и до выхода в отставку А. М. Иванов состоял вольским городским полицмейстером. К этому времени за свое добросовестное отношение к порученному делу он получил многочисленные награды: ордена Святого Владимира 3-ей и 4-ой степени, Святой Анны 2-ой и 3-ей степени, Святого Станислава 2-ой степени, бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. и другие, менее значимые. Заслуги его были настолько очевидны, что губернатор А. И. Косич нашел нужным обратиться 8 июля 1891 г. к министру внутренних дел с просьбой о награждении Андрея Моисеевича «знаком отличия беспорочной службы за 50 лет» и о назначении ему вместо положенной по закону пенсии в размере 285 руб. 90 коп. «в виду его более полувековой службы, расстроенного на службе здоровья и преклонных лет, пенсии в усиленном размере по 1000 руб. в год». Благодаря заботе губернатора А. М. Иванов получил заслуженный знак вместе с грамотой, усиленную пенсию в размер 750 рублей в год, и, кроме того, еще «право носить в отставке мундирный полукафтан, последней должности присвоенный»⁶.

Как удалось установить автору, семья Федотовых в год рождения Георгия проживала на Московской улице в доме В. Ф. Никитина

⁵См.: ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 789, л. 93–95, д. 1088, л. 106, д. 1409, л. 95об., д. 1698, л. 74 об.–75.

⁶См.: Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 7066, л. 4–5об., 22, 47, 49–52, 56–57, ф. 59, оп. 2, д. 715.

(современный адрес: Московская, № 24–26). К такому выводу привело сопоставление справочников, содержащих сведения об адресах учреждений и служивших в них чиновников, с планом городских кварталов и окладными книгами⁷. Недавно в ГАСО удалось обнаружить еще одно свидетельство проживания семьи с первенцем Георгием именно в доме Никитина. Это «Исповедная роспись Саратовской Рождества-Богородицкой церкви за 1886 год». В перечне прихожан, бывших «у исповеди и святого причастия», записано: «... В доме Никитина квартирует надворный советник Петр Иванов Федотов – 36 лет, жена его Елизавета Андреева – 33 лет, сын их Георгий – новорожденный»⁸.

Из Саратова семья Федотовых уехала, вероятно, в конце 1887 г. Такой вывод позволяет сделать следующее уведомление от 11 января 1888 г.: «Резолюцией г. губернатора 21 минувшего декабря определено: Правителя канцелярии г. губернатора надворного советника Федотова за перемещением на службу с 1-го сего января правителем дел Правления С.-Петербургского воспитательного дома, исключить с того же числа из списка лиц, служащих в губернской канцелярии. О чем губернское правление имеет честь уведомить канцелярию». Уже в декабре 1887 г. на его место был назначен Рошаковский⁹. В документах ГАСО нет сведений о дальнейшей службе П. И. Федотова. Но для понимания событий биографии Георгия Петровича воспользуемся информацией из выше названных биографических справок, в которых по этому поводу сказано, что Петр Иванович Федотов впоследствии переехал с семьей в Воронеж, где служил советником Воронежского губернского правления до своей скоропостижной смерти в 1897 г.¹⁰.

В финансовых документах канцелярии саратовского губернатора за 1885 г. имеются сведения, что П. И. Федотов получал жалованье в размере 735 р. и столовые деньги – 742 р. 50 к., то есть всего – 1477 р. 50 коп в год. Если указанную сумму (а также приведенные выше цифры полагавшейся и назначенной, «усиленной» пенсией деду) сопоставить с получаемой Елизаветой Андреевной Федотовой после кончины главы семьи пенсией в тысячу рублей, то приходишь к выводу, что семья все же не была в такой крайней нужде, как это сказано в биографических справках. Для того времени тысяча руб-

⁷ Подробнее об этом см.: Гусакова З. Е. Штрихи к биографии члена ИСТАРХЭТ Г. П. Федотова // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Саратов, 2006. С. 76–79.

⁸ ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 9419, л. 189.

⁹ См.: ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 4705, л. 5–5об., д. 6625.

¹⁰ См.: Бойков В. Ф. Указ. соч. С. 4; Киселев А. Ф. Указ. соч. С. 11.

лей была немалыми деньгами. Например, в 1901 г. в Саратове корова стоила от 9 до 20 рублей¹¹.

В 1904 г. Георгий Федотов окончил Воронежскую гимназию и поступил в Петербургский технологический институт. И мать с двумя младшими сыновьями решила перебраться в Саратов. Скорее всего, это произошло в начале летних каникул. Во всяком случае, в документах Саратовской 2-й мужской гимназии сохранился ответ на запрос этой гимназии (копии запроса нет) об учебе Бориса и Николая Федотовых из Воронежской гимназии от 19 июня 1904 г. И далее имеются сведения, что Николай был зачислен в Саратовскую 2-ю мужскую гимназию 16 августа того же года. Приезжал ли Георгий в наш город в 1904 г., неизвестно. А вот с лета следующего года и по июль 1906 г. Георгий постоянно пребывал в Саратове, так как в связи с начавшейся первой русской революцией Петербургский технологический институт временно был закрыт. В этот период Федотов с головой ушел в политическую борьбу, был одним из активнейших участников многочисленных сходок, где выступал с яркими речами, тщательно зафиксированными саратовской охранкой¹².

В работе А. Ф. Киселева сказано, что в Саратове семья Федотовых поселилась в доме деда. Естественно, мне захотелось определить, где же находился этот дом. В архивном фонде Саратовского охранного отделения имеются два документа, в которых зафиксированы адреса проживания Георгия Федотова. Это, во-первых, протокол обыска в занимаемой им комнате в доме № 93 по улице Московской, проведенного 25 августа 1905 г. в присутствии Елизаветы Андреевны Федотовой. Во-вторых, – «Список лиц, принимающих активное участие в агитации в настоящее время среди населения Саратова за бойкот Государственной Думы», составленный 22 мая 1906 г., в котором как место проживания Георгия Федотова вместе с матерью указан дом Пастухова № 109 на Московской улице¹³.

К сожалению, окладные книги, по которым можно было бы определить, где именно на Московской улице находились интересующие нас дома, за 1905–1908 гг. не сохранились. Поэтому пришлось воспользоваться «2-й окладной книгой о налоге и городском оценочном сборе с недвижимых имуществ на 1909 год». Оказалось, что среди домовладельцев в тех кварталах Московской улицы, где могли располагаться искомые дома, Андрей Моисеевич Иванов не значится. А вот Егор Максимович Пастухов владел домом на левой (тене-

¹¹ См.: ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 4238, л. 136 об.–137, 144об.–145; Бойков В. Ф. Указ. соч. С. 4; Саратовский листок. 1901. 5 мая.

¹² ГАСО, ф. 249, оп. 1, д. 95, л. 166–168, д. 94, л. 10–11. Подробнее об этом пребывании Г. П. Федотова в Саратове см.: Гусакова З. Е. Становление философа // Кто есть кто в Саратовской губернии? Саратов, 2007. С. 205–208.

¹³ См.: Киселев А. Ф. Указ. соч. С. 14; ГАСО, ф. 57, оп. 1/1905, д. 24, л. 254, оп. 1/1906, д. 29, л. 190, 194 об.

вой) стороне Московской улицы между Ильинской и Камьшинской (ныне Чапаева и Рахова) улицами. Это был 6-й, не считая углового, дом от Ильинской, и вероятно, уже не существует¹⁴. Сейчас там все перестроено до неузнаваемости, и провести пересчет домов невозможно.

Все выше сказанное позволяет однозначно констатировать: где-то на отрезке Московской улицы между Чапаева и Рахова находился дом, в котором в 1906 г. вместе с матерью снимал квартиру Георгий Федотов (второй адрес). На той же стороне Московской улицы, если судить по нумерации, возможно, в квартале между улицами Вольской и Чапаева, находился дом (первый адрес), где Федотов жил в 1905 г. Был ли этот дом в 1905 г. владением деда? Или, может быть, вся семья, включая и деда, жила там на съемной квартире? Ведь А. М. Иванов долго служил в Вольске, скорее всего, пользовался квартирами, предоставлявшимися в соответствии с занимаемыми должностями. Из его формулярного списка видно, что поместий ни он, ни жена его, Варвара Максимовна, не имели. К моменту выхода его на пенсию сыновья Александр и Владимир находились на военной службе, а дочери Елизавета, Ольга и Надежда уже были выданы замуж¹⁵. Так что, возможно, ни средств на покупку дома, ни необходимости в такой покупке у деда и не было. Подтверждением этого довода служит и тот факт, что по выходе в отставку в 1891 г., Андрей Моисеевич сразу же уехал в Воронеж к старшей дочери¹⁶.

Следует отметить, что вначале Георгий Федотов не был для саратовской охраны объектом постоянной слежки. В одном из документов по его поводу отмечено: «... приметы наблюдению неизвестны». Но с января 1906 г. он постоянно упоминается в разного рода сводках и списках под присвоенной ему кличкой наблюдения – «сухорукый»¹⁷. Надо полагать, что саратовские филеры дали Георгию Федотову такую кличку в силу его subtilности, отсутствия накаченных мышц. По воспоминаниям однокашников, в гимназические годы занятия физкультурой были для него пыткой, которую он выносил только благодаря редкостному своему упорству. Тонкое, сухое телосложение и стало поводом для такой клички человеку, фактически не имевшему физических недостатков.

Активная деятельность Г. П. Федотова – члена вначале Берегового, а затем общегородского комитета РСДРП, привела к аресту его в ночь с 8 на 9 июля 1906 г. Его имя попадает в список лиц, «пребывание которых в видах охранения государственного и общественно-

¹⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 3, д. 44, л. 250об.–251.

¹⁵ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 7066, л. 51об., ф. 59, оп. 2, д. 715, л. 1–2.

¹⁶ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 7066, л. 47.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 57, оп. 1/1905, д. 42, л. 31, 53об., оп. 1/1906, д. 29, л. 68, 74об.–75, 165.

го спокойствия в Саратовской губернии является недопустимым», направленный местными властями в Департамент полиции. Рассмотрев этот список, Особое совещание постановило выслать Федотова на два года под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию, считая срок с 7 июля 1906 г.¹⁸ В упоминавшихся биографических справках сказано, что ссылка на север была заменена для Федотова высылкой за границу благодаря хлопотам деда. В документах ГАСО каких-либо упоминаний о ходатайствах деда не обнаружено. Но если он действительно такую просьбу в защиту внука подавал, то такого заслуженного чиновника МВД, конечно, не могли не уважить. Сам же факт пребывания Г. П. Федотова в эти годы за границей отражен в протоколе допроса, составленном уже в новый его приезд в Саратов, 19 мая 1909 г. Приведем вопросы жандарма и ответы на них Федотова из этого протокола: «... 20. Был ли за границей, где, когда именно? – С 1906 г. по 1908 г. был выслан; был в Берлине и в Йене. 21. Привлекался ли ранее к дознаниям, когда, где, по какому делу и чем таковые окончились? – Был выслан из Саратова в 1906 году в Архангельскую губ. на два года под гл[асный] над[зор] пол[иции], затем было разрешено выехать за границу»¹⁹.

Упомянутые выше биографы утверждают, что, вернувшись в 1908 г. из-за границы и поступив на историко-филологический факультет Петербургского университета, Федотов навсегда отошел от революционной деятельности. Наиболее красочно выражает эту мысль А. Ф. Киселев: «... Вдали от политических бурь Георгий расстается с революционной романтикой... Для революции Георгий Федотов оказался навсегда потерянным. В Россию Георгий Федотов вернулся полным рвения посвятить себя изучению истории...»²⁰ Однако документы ГАСО показывают, что отход не был таким резким и решительным. В этот период он сблизился со студентом того же университета, саратовцем и тоже Георгием – Опшковым, впоследствии широко известным под партийным псевдонимом Ломов²¹. Об

¹⁸ См.: ГАСО, ф. 57, оп. 1/1906, д. 29, л. 190, 270, ф. 53, оп. 1/1905, д. 203, т. 1, л. 309, 318 об. – 319, 352–352 об., оп. 1/1907, д. 94, л. 41–42 об.

¹⁹ Там же. Ф. 53, оп. 1/1909, д. 64, л. 100–101.

²⁰ Киселев А. Ф. Указ. соч. С. 15.

²¹ Опшков (Ломов) Георгий Ипполитович (1888–1938) – участник борьбы за Советскую власть в Москве, партийный и государственный деятель. В 1903 г., будучи гимназистом, стал членом Саратовской организации РСДРП, связь с которой не порывал и после поступления в 1906 г. в Петербургский университет. В октябрьские дни 1917 г. был членом Московского Военно-Революционного комитета. В 1918–1921 гг. член Президиума и заместитель председателя ВСНХ. С 1921 г. на партийной, хозяйственной и государственной работе. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно (см.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 281; Коновалов Д. П. Г. И. Опшков-Ломов. Саратов, 1976 и др.).

их совместной деятельности начальник Саратовского охранного отделения сообщил начальнику Санкт-Петербургского губернского жандармского управления 17 января 1909 г.: «В Саратов на рождественские каникулы приезжали студенты [...] Георгий Петров Федотов и Георгий Ипполитов Опшюков. Оба известны были вверенному мне отделению как активные деятели сначала местной организации РСДРП, где занимали видное положение, и в настоящее время по агентурным сведениям Федотов состоит членом С.-Петербургской организации, а Георгий Опшюков – членом С.-Петербургского комитета названной партии. В минувшем году Опшюков, проживая в Москве, был членом Московского комитета партии.

Проживая на Рождестве минувшего года в Саратове, оба названные лица входили в ближайшие деловые сношения с местной организацией РСДРП по организационным вопросам, и по вопросу о передаче части денег, собираемых в Саратове из студенческих концертов и поступающих негласно в распоряжение местной соц.-дем. организации, в пользу Ц[ентрального] и Петербургского комитетов партии на оборудование предложенного названными комитетами издания печатного органа большевистского характера.

Федотову с этой целью передано от собранной от указанной цели суммы 40 рублей, которые он повез с собой для передачи в Ц[ентральный] к[омитет] или С.-Петербургский к[омитет] партии»²².

14 февраля 1909 г. на ст. Белоостров Финляндской железной дороги охранка задержала члена Центрального комитета РСДРП Виктора Павловича Ногина, бежавшего из сибирской ссылки и намеревавшегося выехать за границу по паспорту, выданному канцелярией Санкт-Петербургского градоначальника на имя Г. П. Федотова²³. Проведенный тогда же у Федотова обыск не дал жандармам никаких доказательств его антиправительственной деятельности. Но этот факт, на наш взгляд, все же свидетельствует о тесных связях Федотова с социал-демократами.

Накопив, по его мнению, достаточно «сведений, указывающих на политически преступную деятельность студента» Федотова, начальник Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) 16 мая 1909 г. «постановил: выше упомянутого Федотова впредь до выяснения обстоятельств настоящего дела подвергнуть задержа-

²² ГАСО, ф. 57, оп. 1/1909, д. 12, л. 24–24 об.

²³ Там же. Ф. 53, оп. 1/1910, д. 63, л. 73. Ногин В. П. (1878–1924) – член РСДРП с 1898 г. После февраля 1917 г. занимался организацией Совета рабочих депутатов в Москве, заместитель, а затем председатель Моссовета. В октябрьские дни 1917 г. работал в Московском ВРК. С 1918 г. находился на советской и хозяйственной работе (Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. С. 340.)

нию, поместив его в одиночном помещении при Саратовской губернской тюрьме»²⁴.

Во время этого ареста и был составлен протокол допроса, частично цитировавшийся ранее. Приведем из него еще несколько пунктов, дающих представление о жизни и семье Федотова на данном этапе: «... 12. Средства к жизни. – Средства матери. 13. Семейное положение. – Холост. 14. Родственные связи. – Отец Петр Иванович умер, мать Елизавета Андреевна, братья [...] Борис – студент Московского унив[ерситета], Николай – ученик 2-й Саратовской гимназии [...] Экономическое положение родителей. – Пенсия отца. 17. Место воспитания. – Окончил курс Воронежской гимназии в 1904 г. и с 1908 г. – СПб университет. 18. На чей счет воспитывался. – На счет родителей [...]». Кроме того, была составлена анкета «Сведения о лице, привлеченном к переписке в качестве обвиняемого», из которой видно, что основанием для привлечения Федотова к этой переписке явились агентурные сведения и результаты обыска: изъяты письма и рукописи. Но так как Федотов упорно отрицал свою причастность к РСДРП, а обыск не дал весомых компрометирующих материалов для предъявления обвинений, 30 мая его выпустили из-под ареста. Начальник СГЖУ все же счел необходимым сообщить об аресте Федотова ректору Санкт-Петербургского университета²⁵.

25 июня 1910 г. по требованию Санкт-Петербургского охранного отделения у находившегося на каникулах Георгия Оппокова был проведен обыск. Жандармы обнаружили «письмо за подписью «Ваш тезка» следующего содержания: «Жорж! Не могу съездить к Вам в Пристан[ное], все что-то нездоровится. Получил я как-то открытку от Герасимова и вспомнил, что он хотел с Вами переписываться и нарочно для этого оставил мне свой адрес: Левашевский проспект, д. № 13, кв. 22. Г-ну Павловскому (во внутреннем конверте надпись: для передачи Л. Г.) Да, еще, ради Бога, что мне делать с посылкой, которую привез. Хозяев не находится. Не найдете ли Вы? Напишите мне по городской почте: Константиновская, 114»²⁶.

Конечно, жандармы тут же отправились по указанному адресу, где в доме Соловьева снимала жилье семья Федотовых, находившаяся в это время на даче. Обыск квартиры и дачи оказался успешным. Во-первых, попался ответ Оппокова на изъятое у него письмо Федотова: «Жорж! Напишите свой адрес (летний), а то я не знаю, как Вас найти. Посылку Вы, пожалуйста, доставьте мне в Саратов на Кон-

²⁴ ГАСО, ф. 53, оп. 1/1909, д. 64, л. 98. На документе имеется пометка: «Настоящее постановление мне объявлено. Георгий Петрович Федотов».

²⁵ См.: Там же. Ф. 53, оп. 1/1909, д. 64, л. 21–22, 100–101, ф. 57, оп. 1/1909, д. 12, л. 179, д. 63, л. 38, 39, 47.

²⁶ Там же. Ф. 53, оп. 1/1910, д. 63, л. 71.

стантинскую. Публику я нашел тутошнюю. Собираюсь как-нибудь навестить Вас. Ваш Георгий». Во-вторых, в руки жандармов попала и сама посылка с предназначенной для распространения нелегальной литературой: газетами «Пролетарий» и «Социал-демократ» с приложениями, воззваниями «Ко всем учащимся», печатными листками «Хватило ли бы на всех земли, если разверстать ее правильно», «Клевета на свободу», «Как должны расходоваться народные деньги», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», статьями А. Бебеля, К. Каутского, П. Кропоткина, Ф. Лассалья, В. Ленина, Ж. Лонге, К. Маркса, Ф. Меринга, Г. Плеханова, Ф. Энгельса и др. (всего 71 брошюра). Среди большого количества изъятых тетрадей и рукописей отмечена «рукопись на полулисте, начинающаяся словами: «В день рабочего праздника 1 мая», за подписью 56 лиц, в числе которых подписался и Федотов», а также тетрадь, в которой записан революционный гимн «Вставай, подымайся рабочий народ»²⁷.

И письма двух Георгиев, и содержимое посылки красноречиво свидетельствуют, что оба осуществляли связь между столичной и местной организациями РСДРП. Явка, куда следовало передать привезенную литературу, по каким-то причинам оказалась несостоятельной (возможно, из-за ареста кого-нибудь из подпольщиков), и потребовалось искать новые связи («публику тутошнюю») для ее распространения.

Материалы этого обыска в совокупности с добытыми прежде агентурным путем сведениями позволили начальнику СГЖУ утверждать, что «принадлежность Федотова и Оппокова к РСДРП, политически преступная их деятельность, отмеченная агентурой еще в 1905 г., не прекратилась и продолжает проявляться и до настоящего времени, и лишь невозможность подтвердить формальным порядком выше указанные данные, препятствует возбуждению против них дознания...»²⁸.

Рассмотрев «обстоятельства дела о содержащемся под стражей в Саратовской тюрьме дворянине студенте С.-Петербургского университета Георгии Ишполитове Оппокове и скрывшемся дворянине студенте того же университета Георгии Петрове Федотове, изблеченных в принадлежности к РСДРП, г. министр внутренних дел постановил: 1) выслать Георгия Оппокова и Георгия Федотова в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции на три года каждого и 2) настоящую меру относительно Федотова привести в исполнение по его задержании ...» Срок высылки и надзора надлежало считать для Оппокова с 8 октября 1910 г., а для Федотова – со дня обнаружения и задержания²⁹. В момент проведения обыска Георгия на

²⁷ ГАСО, ф. 53, оп. 1/1910, л. 72–74, ф. 57, оп. 1/1910, д. 2, л. 115–115 об.

²⁸ Там же. Д. 63, л. 73.

²⁹ Там же. Л. 122.

даче не было. Возвращаясь, он вовремя заметил жандармов и смог скрыться. Сведений о том, каким образом Федотову вновь удалось избежать ссылки в Архангельскую губернию, в документах архива не имеется. Впоследствии Федотов дважды обращался к начальнику СГЖУ с прошениями. Одно из них, от 6 сентября 1912 г., уже опубликовано. Приведем текст другого, от 7 августа того же года: «В июне 1910 г. на даче в имении Буковских Саратовского уезда при обыске были отобраны у меня книги и рукописи научного содержания, отчасти даже мне не принадлежащие. Ныне, проживая под гласным надзором полиции в местечке Карлсбад Лифляндской губернии, прошу переслать мне упомянутые книги и рукописи через местную полицию или по моему адресу: ст. Ассерн Рига-Орловской ж/д, Карлсбад, Мариинская ул., № 2А. В случае необходимости издержки пересылки обязуюсь уплатить. Георгий Федотов»³⁰.

В архивном фонде Саратовской ученой архивной комиссии хранится написанная Федотовым в 1921 г. автобиография³¹. В ней нет ни слова о прежней его революционной работе. Возможно, это и не нужно было указывать для его членства в комиссии. Но, возможно, и то, что, избрав как главную цель жизни научную деятельность, теперь уже принципиально беспартийный, Федотов как бы исключил из памяти свое социал-демократическое прошлое. Обращает на себя внимание и то, что в автобиографии неправильно указан год окончания Воронежской гимназии, 1905 г. вместо 1904 г. Это позволяет предположить, что Георгия Петровича история своей собственной жизни интересовала мало, он не сберегал дотошно в памяти все детали и подробности. Поэтому, возможно, в разговорах с женой свой отход от политической борьбы он перенес на более ранний, чем это было на самом деле, период. Но исследователям жизни и творчества Федотова важно знать полный объем и последовательность развития событий, определивших становление личности одного из выдающихся мыслителей XX в.

Последний период пребывания Георгия Федотова в Саратове, когда он был профессором Саратовского университета и Саратовского института народного хозяйства, сочетая преподавательскую деятельность с заведованием музеем революции и членством в правлении общества истории, археологии и этнографии, отражен в документах архивных фондов Саратовского государственного университета и Саратовской ученой архивной комиссии. Наиболее ранний из них – протокол заседания совета профессоров СГУ от 17 ноября 1920 г., наиболее поздний – мандат на имя Федотова со сроком дей-

³⁰ См.: Гусакова З. Е. Штрихи к биографии... С. 77; ГАСО, ф. 53, оп. 1/1910, д. 63, л. 119.

³¹ Автобиография опубликована в ст.: Гусакова З. Е. Штрихи к биографии... С. 78.

ствия с 8 по 15 октября 1921 г.³² Многие документы (списки и сведения о профессорско-преподавательском составе университета и института народного хозяйства) не датированы. Только на обложках дел указаны 1922–1923 гг. или 1923 г.³³ Поэтому документально установить период пребывания Георгия Петровича в Саратове невозможно. В данном случае можно опереться на воспоминания Е. Н. Федотовой, где она указала период с осени 1920 г. до осени 1922 г., так как в этот последний приезд Георгий Петрович был уже женат и проживал с женой, дочерью и матерью на Угодиковской (ныне Ульяновской) улице в доме № 5. Дом пока еще стоит.

К опубликованному ранее о последней странице саратовского периода биографии Федотова³⁴ стоит добавить такую деталь: в выше названных списках и сведениях в графе «происхождение» против фамилии Федотова стоит прочерк. Необходимость скрывать свое дворянское происхождение, возможно, стала одной из причин выезда Георгия Петровича за рубеж, где и прошла вся его дальнейшая жизнь вплоть до кончины в 1951 г.

Мать Георгия Елизавета Андреевна Федотова осталась в России и жила в семье среднего сына Бориса, потомки которого и сейчас живут в Москве. Младший брат Николай жил в Саратове. Благодаря внучатому племяннику Георгия Петровича Игорю Николаевичу Федотову ГАСО получил возможность пополнить свой фотофонд копиями его детских и юношеских снимков. Живущие в России родственники Георгия Петровича так же, как и все другие граждане нашей страны, вплоть до перестройки не знали о том, что Г. П. Федотов давно уже занял высокое место в развитии русской философской мысли за рубежом и признан одним из наиболее острых и интересных мыслителей первой русской эмиграции.

³² См.: ГАСО, ф. Р-332, оп. 1, д. 122, л. 10–11, д. 178, л. 116.

³³ См.: Там же. Д. 230, л. 6, д. 250, л. 24, 31.

³⁴ Подробнее об этом см.: Гусакова З. Е. Указанные статьи.

С. А. Браташова, Е. К. Максимов

ЧЕРТЕЖ ТРУМПИЦКОВЫХ САРАТОВСКОЙ ОКРУГИ И ЕЕ ТОПОГРАФИЯ

В 2007 г. вышла книга «Саратовское озеро», представляющая, по сути, некий мифопоэтический сборник. На страницах 38 и 39 помещен «Большой чертеж окрестностей Саратова с панорамой города», составленный 6 ноября 1736 г. Публикаторы указывают, что чертеж хранится в Российском государственном архиве древних актов без ссылки на фонд и номер дела. Судя по характерным надписям, дело, откуда взята карта, относится к сенатским и содержит юридические документы. К сожалению, публикаторы в дело не заглянули, вероятно, их прельстило «экзотическое оформление» плана.

Этот чертеж Саратовской округи, выполненный дворянами Трумплицковыми, сам по себе представляет интерес с разных сторон. Он является одним из наиболее ранних топографических планов территории современного Саратова. Чертеж был выполнен в 1736 г. для Степана Матвеевича Трумплицкова (а может быть и им самим) для какого-то явно поземельного спора. С. М. Трумплицков вместе с сыном Иваном числится в «сказках» первой ревизии 1719 г. саратовскими дворянами. Другой сын Степана Матвеевича Петр ушел из дворян в купечество, стал первостатейным купцом, трижды избирался бургомистром саратовской посадской общины. Его сын Иван Петрович в 1760-х гг. значится тоже купцом первой статьи, и единожды был избран ратманом в управлении общины¹.

Занимался Петр Степанович не только торговлей, но и рыбными откупами, продажей стогов сена с приречных покосов, давал кредиты под вексельную расписку, хотя и сам семь раз для торговых дел брал кредиты². Так что Трумплицковы были люди зажиточные и принадлежали к верхам саратовского купечества.

¹ См.: *Кушева Е. Н.* Саратов в третьей четверти XVIII века. Саратов, 1928 (отдельный оттиск).

² См.: Там же. С. 20, 21, 27, 43, 45, 46.

Чертеж Трумпичкова живописен и более похож на рисунок позднего средневековья итальянской школы живописи (рис. 1). Романтически склонившиеся деревья по скалистым округлостям гор, ленты дорог и водных потоков обрамляют крепость – «град Саратов». У сконцентрированных на небольшой площади сооружений по большей части видны лишь верхние части: например, по периметру высятся оголовья трех башен и лишь на западе четвертая с башенкой на втором ярусе и воротами показана почти целиком. От ворот этой проездной башни отходят две дороги. Одна поворачивает вправо на северо-запад, уходя за рамку чертежа, вторая – влево, огибая горы, мелькая между ними. На правой с надписью «дорога» запечатлены два идущих в город человека, следом запряженная в телегу лошадь, за ними из города – санный экипаж и около рамки листа одиноко бредущий верблюд. На дороге, уходящей влево, к югу, дважды указывается – «Станишная». Этот путь имел еще название – «Камышинский». Минувя Камышин, затем Царицын дорога доходила до центра тогдашней губернии города Астрахани. На «Станишной» дороге изображены фигуры идущего путника с котомкой на палке через плечо, за ним собака, за ней ведущий верблюда человек. Наблюдательный рисовальщик показал нам путника в обычной мужицкой одежде, а вожатого верблюда – облаченным в нечто напоминающее восточный халат (калмык?). На переднем плане прихотливым узором барокко извивается Волга и ее «ерики» меж островов, а на волнах – многочисленные рыбацкие лодочки и парусные кораблики, изгибом силуэта напоминая венецианские гондолы. Левее города до самой гористой гряды многочисленные потоки заполнили почти все пространство, не давая хорошо рассмотреть прорисованные по их берегам строения. И на всем пространстве листа полустертые, трудночитаемые надписи.

Поскольку чертеж выполнен без масштаба, то точные границы обрисованной округи установить сложно: правая (северная) часть чертежа свободна от подробностей, но на левой (южной) части у самого обреза, отмечены и подписаны два больших земельных участка – «Дачи Саратовского округа» и ниже (восточнее) «луга майора Алексея Тихоновича Шахматова». Аналогичное размещение участков к югу от Саратова мы находим на значительно более позднем плане владений В. А. Шахматова Александровской волости у Колотова Буерака³, то есть чертеж показывает земли к юго-западу от Саратовской крепости на расстоянии около 30 км (до нынешнего поселка «Красный Текстильщик»).

³ ГАСО, ф. 658, оп. 2, д. 1214, л. 1.

Имя А. Т. Шахматова встречается в публикации Е. Н. Кушевой, которая исследовала хозяйство саратовских Шахматовых в XVIII в.⁴ Исследовательница установила, что в XVII в. Шахматовы попали на службу в Саратов из Курмыша Симбирской губернии. Алексей Тихонович в 1692 г. был переведен из недорослей в дети боярские и вскоре поступил на военную службу, участвовал в подавлении восстания башкир и выступлении К. Булавина. Занимался Шахматов калмыцкими делами и в 1729 г. в чине майора был уволен в отставку. Умер он в 1840-е гг. Во время службы в Калмыкии, занимаясь покупкой для армии лошадей, Алексей Тихонович завел выгодные связи, занялся торговлей скотом. Естественно, для прокорма скота, его зимования нужны были и сено, и зимовый двор. Последний со временем был выстроен на покосах у речки Хмелевки (истоки у Колотова Буерака) и постепенно превратился в деревню Хмелевку (она же Шахматовка).

В первой половине XVIII в. в округе Саратова стали скупаться сенокосные участки, и Шахматовы приняли в этом активное участие. На приобретенных покосах они устраивали «скотоводственные хутора», используя свои связи с калмыцкой верхушкой и занимаясь торговлей калмыцким скотом⁵.

Другая надпись на чертеже Трумплицова тянется по рисунку русла Волги: «К сему чертежу вместо отца его родного дворянина Степана Трумплицова сын его дворянин Иван Трумплицов руку приложил». Эта юридическая формула пока остается непонятной: то ли чертеж приложен к прошению, то ли дан для показа желаемого для приобретения сенного покоса из Саратовской дачи (на эту мысль наводят повторяющиеся надписи «покосы сенные»).

Чертеж С. М. Трумплицова интересен не только в историческом плане, он дает представление о топографических особенностях Саратовской и Хмелевской котловин, ныне значительно измененных при разрастании города в южном направлении. Нестандартность оформления, отсутствие масштаба, смещение изображенных объектов вызвали некоторое «игнорирование» его исследователями. Но если исходить из времени создания, документальные свидетельства которого почти не сохранились, из чего вытекает необходимость его дешифрирования в свете современных геоморфологических и исторических данных.

Современный ландшафтно-экологический анализ территорий, имеющих какую-либо поселенческую систему, осуществляется с использованием понятия урбогеосистемы, которая включает природ-

⁴ См.: Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1929. № 7 и 8.

⁵ Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке. С. 589.

но-ландшафтную, инженерно-техническую (техногенный покров) и демопопуляционную подсистемы⁶. Система разбивается на природно-территориальные ячейки разной размерности. В природные ячейки вписаны рукотворные (техногенные) элементы – строения и дороги. Природная (речная и орографическая сеть) и техногенные (дорожная сеть) основы поселенческой среды образуют ее каркас. Одновременно с каркасом выделяются функционально менее значимые участки поселенческой территории, называемые тканью. Тканевые фрагменты могут иметь природный (естественные лесные, степные массивы, озера), природно-техногенный (сельскохозяйственные угодья, садовые и огородные массивы, пруды) и техногенный (районы жилой застройки, ремесленных мастерских, горных выработок и пр.) генезис. Их площадь, форма, структурные и функциональные характеристики различны. Например, для средневековой урбосистемы наблюдается максимальная концентрация, стремление к минимизации размеров городской ткани, поселенческая же характеризуется определенной размытостью по площади, когда система определяется по ее каркасу и функционально-временным характеристикам.

План Трумплицовых особенно ценен тем, что дает наглядное представление как об урбосистеме «града Саратова», так и о поволжской поселенческой системе начала XVIII столетия, выделяя линейные структуры различного происхождения и функционального назначения – так называемые сети: водораздельную (гребневую), речную, транспортную, прорисовывая в узлах системы наиболее заметные элементы ткани.

Дешифрирование плана Трумплицовых было логично начать с гидрографической сети, наиболее длительно сохраняемой в топонимах и относительно легко читаемой в рельефе. Если сравнить водно-эрозионную сеть плана (рис. 1) с современной реконструкцией речной сети саратовской котловины, составленной на топологической основе карты (схемы) глубин залегания грунтовых вод⁷ (рис. 2), то легко заметить совпадение по протяженности, количеству истоков всех заметных водных источников, лежащих южнее саратовской крепости, и отсутствие подобной сети и подробностей севернее ее. В районе поселка «Красный Текстильщик» длительное время сохранялось название «Трумбицкий лес», что, возможно, как-то связывало интересы рода Трумплицовых с данной территорией и определяло знание ими местности, благодаря чему сохранились крайне важные топонимы конца XVII – начала XVIII вв. Путем

⁶ См.: Макаров В. З., Пестряков А. К. и др. Опыт ландшафтно-экологического анализа территории крупного города (на примере г. Саратова) // Географические исследования в Саратовском университете. Саратов, 2002. С. 88–96.

⁷ См.: Саратовская панорама. 2007. 28 авг.

сравнения первого и второго рисунков можно дешифровать наш «розеттский камень» следующим образом⁸:

1. *Игумнов буярак* – позднее река Белая Глинка (Белоглинский овраг);

2. *Ключ* – овраг Кладбищенский;

3. *Ключ* – овраг Дегтярный;

4. *Ключи* – река Мутный ключ (овраг Крутенький);

5. *Вавилный буярак* – («Вавилон – изгиб реки или дороги. Река течет Вавилоном»⁹) – очень крупная северная ветвь Залетаевского оврага (в верховьях имеет собственное имя – Рокотовский овраг, начинающийся с высокодебитного родника, выбивающегося из-под Лысогорского плато с замечательной водой, чем, возможно, вызван изгиб к востоку верхней дороги), с характерным изгибом, не выходила обособленно к Волге, как и отображено на плане Трумплицких;

6. *река Верхняя Увековка*, один из истоков которой на западе почти доходит до Станишной дороги, а устье теряется на востоке, среди «Сенных покосов» – современный Залетаевский овраг;

7. *река Середняя Увековка*, на плане с востока упирается в «Дресвянку» – современный Токмаковский овраг, который и в XX в. до поднятия зеркала водохранилища не выходил напрямую к Волге, а упирался в оползневые отложения («дресва – крупный песок, гравий, хрящ»)¹⁰;

8. *река Нижняя Увековка*, с тремя истоками, огибая с севера «гору Увек, под ней было селище татарское» впадает в Волгу между «Займищем» и «Дресвянкой» – река Увековка (Увиек, Князевка, Назаровка) с создающими ее реками Саронкой, Березиной и Назаровкой;

9. *Потемин буярак* – река Багаевка;

10. *река Хмелевка 1-я* – река Петровка;

11. *река Хмелевка 2-я* – р. Хмелевка (южнее вышеупомянутые луга А. Т. Шахматова с дачами Саратовского округа).

Для дешифрирования помимо топологических особенностей (количество истоков и относительная их длина) буераков были использованы сохранившиеся исторические сведения о захвате Саратова Пугачевым. Тогда комендант Бошняк и его солдаты «пробились и вышли благополучно к церкви Ильи Пророка, что при Волге, в Дресвянские тальниковые кусты»¹¹. Ф. В. Духовников в комментариях к работе Г. С. Саблукова, ссылаясь на «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», предполагал, что они находились «в расстоянии от Саратова в двух верстах, там, где были Дресвянские озе-

⁸ Курсивом приведены надписи плана Трумплицковых

⁹ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 109.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2004. С. 181.

¹¹ Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1883. Т. IX. С. 72.

ра, между урочищей, называемых Игумных буераков»¹². Исходя из топонимики и приведенных расстояний мы предположили, что река Белая Глинка, протекавшая у Ильинской церкви, и Игумнов буерак плана – тождественны.

Из вышеперечисленных названий, помимо привычной, огибающей с севера Увекское поднятие реки Увековки, обозначение на плане двух рек с аналогичным названием значительно расширяет Увекскую речную и, связанную с ней и отображенную на плане, поселенческую системы. Помимо Увекской речной системы, на плане даны еще две водные системы, носящие созвучные названия: ненаселенные Хмелевка первая и Хмелевка вторая, и также не имеющая поселений система безымянных Ключей, упоминаемая академиком И. И. Лепехиным в описании его путешествия 1768–1772 гг.¹³.

Теперь перейдем к рассмотрению орографической и дорожной сети плана Трумпицких. Современная Саратовская котловина ограничена с севера Соколовгорским, с запада Лысогорским и с юга Увекским поднятиями. С горы Увек особенно хорошо заметно, что она поделена как бы надвое относительно плавно (террасами) спускающимся с высот Лопатиной горы Агафоновским увалом, который вынуждены огибать даже современные дороги. К северу и югу от Агафоновского увала Саратовские венцы значительно отступают к западу, образуя две обособленные котловины – северную и южную, возникшие благодаря длительным геологическим процессам¹⁴. Тектонические движения, создав местные дислокации, вывели на поверхность и включили в сферу денудации относительно легко размываемые породы мелового периода. Трансгрессивные движения Каспия выработали в них террасы, осложненные развитой по склонам Лысогорского плато и примыкающих к нему возвышенностей – Увекской и Соколовой гряд, системой разновозрастных оползней. Разновысотность рельефа на Лысогорском плато и оползневые цирки Саратовских венцов, вероятно, позволили Трумпицким выделить отдельные поднятия – «горы».

Распознавание безымянных на плане «гор» базируется на уже дешифрованной гидрографии территории. Точкой отсчета можно выбрать южную «гору», за которой скрывается Станишная дорога плана. К ней привязано Буданово городище, а останец Буданова

¹² См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. II. Вып. 2. С. 374; Саблуков Г. С. К истории топографии Саратова // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 111.

¹³ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768–1772 гг. СПб., Ч. I. С. С. 377.

¹⁴ В настоящее время географы, в частности В. З. Макаров, А. К. Пестряков, выделяют три субкотловины, но подобное дробление, вероятно, более соответствует этапам развития современного Саратова, и не могло быть отражено на плане Трумпицких (см.: Макаров В. З., Пестряков А. К. и др. Указ. соч.).

гора сохранил свое название до сегодняшнего дня. Буданову гору действительно обходит с севера река Саронка (Александровский ручей) – южный исток Нижней Увековки. Следующее поднятие, за которым скрывается дорога, вероятно, Алтынная гора, с юго-восточного подножия которой действительно берут истоки реки Березина и Назаровка, соединяющиеся ниже по течению в Нижнюю Увековку плана, а с ее северного оползневого цирка начинается современный Токмаковский овраг. Лысая (Вокзальная) гора с начинающимися с нее тремя истоками Игумнова Буярака – рекой Белой Глинки показана как более высокая гора в цепи Саратовских венцов (286,6 м.).

На 3D-макете Саратовской котловины, выполненной по космическим снимкам, использованным в качестве топографической основы, где автором приведены дешифрованные водные источники и поднятия плана Трумпницкого (рис. 3), легко заметить, что наиболее удобным путем к Саратовской крепости был восточный склон Вокзальной горы. Огибая с запада по относительно ровному Лысогорскому плато глубокие Смирновское и Октябрьское ущелья, путешественники обходили все сложно проходимые «буяраки» Саратовской котловины, и, спускаясь с плато возле старообрядческого кладбища, попадали на дорогу, которую впоследствии назовут Большой Казачьей улицей, плавно выводящую к Московским воротам Саратовской крепости, находившимся вблизи Горянской площади. Само название «Станишная дорога» ведет нас в южном направлении, так как, начиная с Лысогорского плато (водораздела между Волгой и Доном), без преодоления значительных водных преград можно было достичь как Камышина, Дубовки – центра Волжского казачьего войска и далее, так и области Войска Донского.

Нижняя на плане дорога, выходящая из ворот, предназначенных, как подписано Трумпницкими – «на выпуск скотине», доходит до Верхней Увековки, пересекая многочисленные «ключи» с отличной водой, которой так недоставало жителям Саратовской крепости¹⁵. Эта дорога была описана И. И. Лепехиным, проезжавшим по ней через Четырехсвятский монастырь на золотоордынские развалины Увека в июне 1769 г. Вероятно, она соединяла поселенческую систему трех Увековок с Саратовской крепостью.

Дорожная сеть, приведенная на плане Трумпницких позволяет понять загадку Саратовской заставы. Духовников и Хованский описывают ее так: «В 1655 г. и 1656 г. на Саратове, на Стрелке, на реке стояла застава, подобно другим заставам, существовавшим в Казани, Самаре, Царицыне, для бережения проезжих людей; на этих же заставах, вероятно, сбиралась и таможенная пошлина... С 1659 г. за-

¹⁵ *Саблуков Г. С.* Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 299.

става эта находилась «на верхнем Увеке, а летом на Волге реке», летом – на пропуске проезжих людей, а зимним путем на проезде»¹⁶. Нахождение заставы на противоположном берегу широкой реки, весьма далеко от левобережного Саратова, к тому же за островами казалось нелогичным. Но на данном плане Верхний Увек фигурирует как узел пересечения речной и дорожной сети, которая представлена дорогой местного значения, упирающейся в поселение с прописанными по берегам водных потоков строениями русского и восточного стиля, и крупным трактом с изображенными на нем верблюдами, конными повозками, отдельными путниками, собаками – «Станишной дорогой». Нахождение здесь заставы становится понятным и оправданным, тем более, что вся территория «Верхней, Средней и Нижней Увековок» показана хорошо освоенной, крупной поселенческой системой, так как даже там, где отсутствуют изображения строений, фигурирует надпись – «а на тех трех реках дворы имеются».

На плане Трумпичких изображены только станишная и ското-прогонная дороги, но естественно предположить, что существовали местные дороги и южнее Верхней Увековки, как соединяющие между собой «дворы», так и их со станишной дорогой и увекской гаванью – переправой. Широкие ровные плато водоразделов не создавали препятствий в перемещении в направлении восток-запад, а академик Лепехин и план Трумпичкого свидетельствуют, что залеженными были в основном Саратовские Венцы и гора Увек.

Тканевые участки урбосистемы «град Саратов» представлены на плане двумя отдельными поселенческими системами – Саратовской крепостью и поселенческой системой южной котловины, объединенной топонимом Увек. Наиболее подробно изображен «град Саратов» под защитой крепостной стены с тремя однотипными башнями-раскатами и западной парадной башней с подходящей к ней «Станишной» дорогой – в будущем Московскими воротами крепости.

На переднем плане «града Саратова» справа запечатлено громадное по тем временам двухэтажное здание с небольшим куполом, венчающим кровлю, и развевающимся над ним «орленым» флагом. Можно полагать, что это магистрат, с которым была связана торгово-промышленная деятельность Трумпичковых, и хорошо им знакомый. Слева от него тянутся маленькие домики, избы. Это явно обывательская застройка города. Но за домиками воспроизведено одноэтажное здание с полуподвалом и выходами. Оно очень напоминает фиксационный чертеж казначейства и уездного архива, выполненный на рубеже XVIII–XIX вв. губернским архитектором Х. И. Лоссе.

¹⁶ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 27.

Им здание казначейства показано старым, обветшалым и с крупными трещинами в стенах.

Главное место на рисунке занимают церкви – с шатровыми или купольными крышами, увенчанными крестами. Храмов дано шесть. Действительно, в то время в пределах крепости было сооружено шесть каменных культовых сооружений: Троицкая соборная церковь, Казанская, Рождества Пресвятой Богородицы, Михаила Архангела, Введенская и Крестовоздвиженская в женском монастыре.

Сравнение плана г. Саратова 1746 г.¹⁷ (рис. 4) с планом 1736 г. позволяет совместить местонахождение строений с крестами плана Трумплицких с точными привязками культовых сооружений более позднего плана, а также их словесными описаниям. Узнаваем на плане Трумплицковых Троицкий собор: «Троицкая церковь, построенная стрельцами, была украшением города, привлекая взор своею готической фигурностию. Но она не была тогда обременена теми пристройками, которые теперь закрыли ее вид»¹⁸. Собор доминирует над строениями крепости. Перед ним на плане как бы теряется скромное изображение на плане Казанской церкви. Действительно, «церковь Казанская была тогда менее, нежели какую она теперь: трапеза ее приделана или переделана в 3-м десятилетии нынешнего века»¹⁹. Чуть левее Троицкого собора видны башни женского Крестовоздвиженского монастыря и его церковь. Саблуков о ней сообщает следующее: «Церковь Воздвиженская была та же, что и теперь, и представляла из себя какую-то крепость военную»²⁰. Крепостные сооружения женского монастыря обозначены и на плане 1746 г. Прикрывала юго-восточный угол крепости левее всех изображенная на плане Введенская церковь, позднее давшая название одноименной улице. Судя по данным литературы, она «... не привлекая взгляда изяществом зодчества»²¹.

Каменные храмы украсили облик небольшого, затерянного в просторах империи городка, придали ему величия. К тому же фортификационное значение выстроенных в камне культовых сооружений, вероятно, было велико для небольшой деревянной крепости, возможно по этой причине они старательно были прорисованы дворянами Трумплицковыми в то беспокойное «постпетровское» время.

Сельскохозяйственные угодья представлены на плане лугами и санными покосами, часть которых отображена за Волгой, возможно, являясь следствием недавнего существования левобережного Сара-

¹⁷ См.: РГВИА, ф. 349, оп. 37, д. 152.

¹⁸ Саблуков Г. С. К истории топографии Саратова. С. 111.

¹⁹ Там же. С. 112.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

това. Хотя большая часть изображенного левого берега на плане Трумпичковых обозначена как «Дикая степь».

Помимо строений «града Саратова», расположенных в северной котловине, на плане отображены многочисленные строения котловины южной, объединенные единым топонимом Увек. Заселенные участки – «дворы Верхней, Средней и Нижней Увековок» на плане отделены от города значительной территорией, удобной для проживания благодаря наличию отличных источников воды, дорог, рельефу местности, но, тем не менее, как пишет И. И. Лепехин, пустынной. Саратов действительно в первой половине XVIII столетия оставался все еще безуездным городом в силу опасности поселения вне крепостей (из-за частых набегов). Так в 20-х гг. XVIII в. численность мужского населения саратовского посада составляла всего лишь «более двух тысяч человек»²². Представляется логичным вывод, что на плане Трумпичких отображены две автономные поселенческие системы. Причем южная система, объединенная единым топонимом Увек, более древняя («гора Увек, под ней было селище татарское», «Буданово городище»), вероятно, унаследована от предыдущей эпохи. С большой степенью вероятности, со времени ослабления Золотой Орды после прохода Тамерлана в 1395 г., она была заселена вольным казачеством, представлявшим смесь русского и татарского населения. Сохранились документы позднего средневековья, связанные с казнью известного казачьего атамана Матвея Мещеряка, упоминающие о значительном населении этой территории до закладки первой Саратовской крепости: «... В роспросе... и на пытке твоему государю воеводе... сказали атаманы и Литва, что послали весть на Волгу, и на Увек и на Яик к атаманам и к их товарищам, а велели быт всем нынешняго 95 году [1587] к твоему государеву городу к Сомарскому...»²³.

О постоянном заселении казаками территории Увека свидетельствуют сотни безымянных безинвентарных захоронений г. Шаб-лихи и Увалов Увекского городища, где под бревенчатыми щитами, в колодах, в дощатых имитациях домиков и лодок, или без всего лежат друг рядом с другом как монголоидные, так и европеоидные останки. Об удалых казачьих походах, вероятно, говорят также многочисленные русские (XV–XVII вв.), западноевропейские XVII в., крымские монеты, «мордовки», найденные на Увекском городище²⁴. Ряд сведений о них сосредоточены в архиве Д. С. Худякова, но они не согласуются с общепризнанным временем существования Увека – середина XIII – конец XIV вв. Сведения о них содержатся и

²² История Саратовского края: [С древнейших времен до 1917 г.]: Уч. пос. / Под общ. ред. В. П. Тотфалушина. Саратов, 2000. С. 51.

²³ РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 13, л. 40.

²⁴ Баллод В. Ф. Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923. С. 98.

в описаниях Стенькина оврага и Стенькиной пещеры краеведов XIX столетия.

Казаки в XV–XVII вв. (возможно и ранее) «контролировали» волжские переправы и волжский торговый путь, о чем свидетельствует частые жалобы ногайских ханов русскому царю, сохраненные в томах ногайских дел. В качестве примеров можно привести упоминание о казаках в татарском народном эпосе «Идегэй», созданном в XIV–XV вв. Так, в песне XVI эпоса говорится, что Идегэй после ссоры с сыном переправился через Идиль (Волгу) и ушел в казаки. Косвенное употребление этнонима «казаки» встречается также в болгарском народном эпосе «Шан кызы дастаны» IX в. Описание битвы хазар с булгарами содержит, в частности, и такую деталь: «в ярости сбросили с себя доспехи, казаками врубались во вражеские толпы»²⁵. Однако, вопрос о длительности пребывания казаков на волжских берегах сегодня все еще является дискуссионным.

Так как речь идет о казачестве, то ядро южной поселенческой системы могла представлять, вероятно, Увекская гавань (гавани). Увекская переправа через Волгу функционировала, возможно, многие столетия, вследствие чего можно рассматривать ее как градообразующий центр. На плане Трумпцицких на Волге изображено множество лодок и кораблей, но нет изображений причаливших судов, поэтому воспользуемся записками путешественников. Один из них в 1253 г. оставил следующее свидетельство: «В том месте, где мы остановились на берегу Этилии, есть новый поселок, который татары устроили вперемежку из Русских и Саррацинов, перевозящих по слов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении ... Мы спустились на корабле от этого места до двора Бату»²⁶. Другой автор, описывая восстание сторонников династии Улу-Мухаммеда в Казани (май 1531 г.), заострил свое внимание на факте бегства казанского хана Сафы Гирея на 12 судах «до заставы Сарату»²⁷. Там их поджидал отряд крымских татар. Вскоре Сафа Гирей с родственниками и казной прибыл в Бахчисарай»²⁸. Упомянутые 12 ханских судов подставляли из себя, видимо, солидную флотилию, для которой была необходима надежная, обширная гавань, причем на крымском (так в XVI в. именовался правый берег Волги) берегу. Английский путешественник Х. Барроу, посетивший Московское государство в XVI в., зафиксировал в своих записях факт остановки в 1579 г. в Увекe, то есть намного позднее «официальной» версии ги-

²⁵ *Микаил Башу ибн Шамс Тебир*. Шан кызы дастаны (Сказание за дочьерата на хана. Эпосът на прабългарите 882 г.). София, 1997. С. 149.

²⁶ *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 118.

²⁷ Современный Саратов

²⁸ *Широкорад А. Б.* Русь и Орда. М., 2004. С. 336.

бели города: «... прибыли в Увек, расположенный на крымской стороне (на западном берегу Волги – Б.С., М. Е.), 5 октября около 5 часов утра. Это место считается на полдороге между Казанью и Астраханью». Стоянка длилась 12 часов²⁹. Ни в одном волжском городе суда не останавливали так надолго³⁰. Во второй половине XIX в. подходившие к пристаням правого берега (включая даже пристань у Дегтярного взвоза) Волги воложки сильно обмелели, заставив судовладельцев в 1901 г. перевести пристани на Увек. В настоящее время Увекская гавань также активно используется как нефтяной терминал.

Несмотря на вышеприведенные факты, гавань на достаточно подробном плане Трумплицких не изображена. Более того, все центральные узлы южной поселенческой системы, расположенные в местах пересечения транспортных артерий, орографической и гидрографической сети в XVIII в., по каким-то причинам покинуты. На плане в них показаны «селище», «городище», но значительно развита только периферийная тканевая часть, причем все они отображены в отдалении и от Волги и «станишной» дороги. Такое расположение характерно для эпохи позднего средневековья – времени эпидемий чумы, холеры, налетов ушкуйников, заволжских и крымских орд.

Учитывая значительную длительность сохранения поселенческой системы, унаследованной, как минимум, от эпохи Золотой Орды, используя карты поселений XVIII–XIX вв., мы воссоздали каркас внутренней транспортной сети этой системы (см. рис. 5). На нем наглядно просматривается линия сел Князевка, Лозгачевка, Токмаковка, расположенных по левому берегу Токмаковского оврага (Средней Увековки). Дорога, несомненно, соединявшая между собой села, с одной стороны упиралась в гавань Князевского затона, с другой – выходила, с большой степенью вероятности, к скотопрогонной дороге в районе села Болдыревка, где археологические находки найденного в 1978 г. Болдыревского селища (обнаружены керамика эпохи бронзы, золотоордынского времени, клад из 74 дирхемов, медные монеты времен Токтамышы, древнерусская, а также поздняя русская серая лощеная керамика)³¹ свидетельствуют о длительности заселения этого узла пересечения дорожной, речной, орографической сетей.

²⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 308.

³⁰ В Нижнем Новгороде, Тютюшах стоянка длилась по три часа, на Переволке и острове Царицын суда вообще не останавливались.

³¹ Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М., 2000. С. 118.

Деревня Рокотовка на Верхней Увековке, являлась, возможно, той заставой на Верхнем Увеке, которая упоминается в описании Саратовского края за 1659 г. Ее господствующее положение над Увекской котловиной и частично над котловиной «града Саратова» доказывает оптимальность выбора поселения, как древнего золотоордынского дозорного пункта. Высокодебитный Рокотовский родник позволял всегда иметь безопасный, не пересыхающий источник отличной по вкусовым качествам воды. Легкий, ровный подъем по южному склону Рокотовского оврага давал возможность без затруднений в любое время года контролировать верхнюю (на плато) и нижнюю (по котловине) дороги, идущие к югу. Наличие культурного слоя, включающего древнерусскую, золотоордынскую керамику, монеты эпохи Золотой Орды, подтверждает длительность использования поселения. С другой стороны, оно же могло использоваться также средневековыми камнетесами. Так, некий г. Маурин взявшись за поставку камня для мостовых Саратова, быстро израсходовав имевшиеся в его распоряжении запасы, принялся за разрушение древнего городища Увека, найдя там «настоящее Эльдorado». Действительно, по сведениям Саратовского городской управы на замощение городских улиц было вывезено порядка 10 тыс. возов дикого камня³².

Гигантские карьеры юго-западнее деревни Рокотовки изображены уже на карте 1934 г., составленной по данным съемок 1924–1931 гг. различных масштабов³³. Произведенные до начала индустриализации эти съемки, с определенной степенью вероятности, могут соответствовать данным о добыче камня в конце XIX в., когда «в Саратовском уезде, на принадлежащей губернскому городу каменоломне, у Кумысной поляны» вырабатывалось около 265 куб. саж. камня на сумму 1460 рублей в год³⁴. Кумысная поляна и Рокотовские карьеры разделены между собой несколькими километрами пересеченной местности и не могли считаться одной территорией. Рокотовские карьеры, а также их пещерки, в частности, пещера на горе Алтынной, возможно, использовались еще в средневековье.

Помимо Рокотовского и Болдыревского селищ, в южной (Увекской) котловине на сегодняшний день зафиксированы еще два золотоордынских селища вблизи устья реки Нижней Увековки³⁵. Ф. В. Баллод указывает на остатки золотоордынского поселения по той же Нижней Увековке вблизи церкви И. Предтечи³⁶. Возможно о

³² См.: Пономарев П. А. На развалинах города Увека // Древняя и Новая Россия. 1879. Кн. 4. С. 325.

³³ См.: План города Саратова и его окрестностей. Саратов, 1934.

³⁴ Азанчев Ю. Каменоломни и разработки простых полезных ископаемых в России. СПб., 1894. С. 176.

³⁵ Недашковский Л. Ф. Указ. соч. С. 119.

³⁶ Баллод В. Ф. Указ. соч. С. 72.

них же упоминал И. П. Фальк: «Ниже Саратова впадает речка Увик в рукав (Воложку) у горного берега, на котором стоит село сего названия. Здесь видны еще следы бывшего города, состоящие во рве и вале, занимающих у речки и буерака 400 сажень... Такие же остатки города видны вверх по всей речке»³⁷.

Сложность восстановления каркаса и тканевой структуры южной поселенческой системы предопределена длительностью ее разрушения. Грабеж и расхищение исторических сокровищ южной поселенческой системы Увека продолжался многие столетия. Еще в книгах побед Низам ад-дина Шами и Шериф ад-дина Йезди было записано, что Тамерлан «вслед за врагами дошел до области Увек... Разграбив всю ту область, (войска) взяли много добычи»³⁸. Взяли в области Увек «много добычи» и любители старины последующих столетий. Особенно этот процесс усилился при становлении Саратова в северной котловине, когда все находимое, включая даже бутовый камень, шло на перепродажу в разрастающийся город. В настоящее время с появлением мощной землеройной техники уничтожение данной системы ускорилось. Было практически полностью перепахано под лесонасаждения Рокотовское селище. С разрастанием городской застройки исчезает культурный слой Болдыревского и Увекских селищ. При противооползневых и производственных мероприятиях крекинг завода полностью изменена конфигурация волжского склона Князевки. Весомую лепту в разрушение Увекского городища вносит функционирование нефтяных терминалов Увека, хозяйственная деятельность местных жителей, в частности, прокладка ими коммуникаций различного назначения.

Тем не менее, иногда с большими усилиями, изучение многослойной Увекской поселенческой системы продолжается. Начинает просматриваться каркас дорожной сети. Ее наиболее древние памятники датируются эпохой бронзы. Постепенно выявляется конфигурация тканевых участков, как полуприродных, представлявших сельскохозяйственные угодья, садовые и огородные массивы, пруды, так и техногенных – районов жилой застройки, ремесленных мастерских, горных выработок и т. д. Наиболее интересными из них, вероятно, таящими ответы на многие вопросы, являются участки, прилегающие к гавани, и сама гавань Увека. Поблизости на значительной глубине были найдены терракотовая статуэтка египтянки времен Птолемеев³⁹, античные монеты (Александра Великого,

³⁷ Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI. Ч. 1. С. 118.

³⁸ См.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II. С. 121, 178, 185.

³⁹ Зайковский Б. В. К вопросу об экономических взаимоотношениях Нижнего Поволжья с древним миром // Нижнее Поволжье. 1927. № 5. С. 98.

Афинская II в., И. Цимисхия). При дноуглубительных работах в 1919 г. были обнаружены три серебряные западно-европейские монеты (Фризия, Гейнриха IV и Саксонского герцогства IX в.)⁴⁰. В ходе подводного археологического обследования акватории в 2002 г. на глубине 13 метров был отмечен крупный «амфороподобный керамический сосуд со следами сильного абразивного воздействия на наружной поверхности»⁴¹. Все эти артефакты позволяют предположить, вслед за Ф. В. Баллодом, С. С. Краснодубровским и другими исследователями Увека, значительно более древний возраст существования поселенческой системы, чем тот, который указан на плане Трумплицких – «селище татарское». Хотя, несомненно, эпоха Золотой Орды оставила очень значительный след в развитии поселений Саратовской котловины. В этом Степан и Иван Трумплицкие были правы, отметив на карте именно золотоордынское поселение и зафиксировав топонимы Увека практически за всей ее южной частью.

В заключение хотелось бы отметить, что использование современных методов ландшафтно-экологического анализа может оказаться весьма полезным при дешифрировании старинных карт и планов, выявлении не читаемых, замаскированных пластов информации за, казалось бы, незатейливыми, наивными рисунками. План Степана и Ивана Трумплицких может, вероятно, предоставить еще немало полезной, объективной информации о времени становления Саратова, о времени, многие документы которого из-за частых пожаров, народных волнений и связанной с ними гибели архивов не сохранились.

⁴⁰ Зайковский Б. В. Области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII века включительно // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 43.

⁴¹ Сингатулин Р. А. Археологические разведки на территории поселка Увека и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища в 2002 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 74.

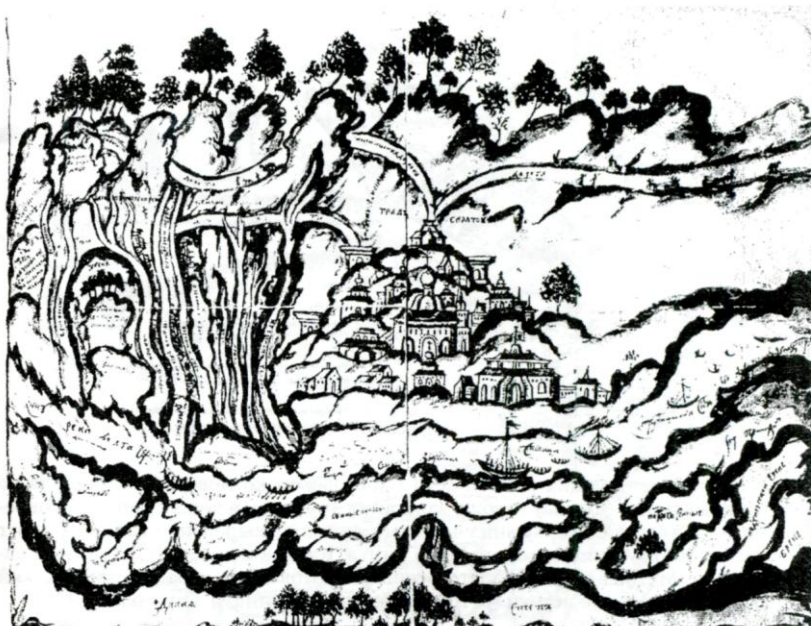

Рис. 1. Чертеж окрестностей Саратова, составлен Трумпицковыми (1736 г., хранится в РГАДА)

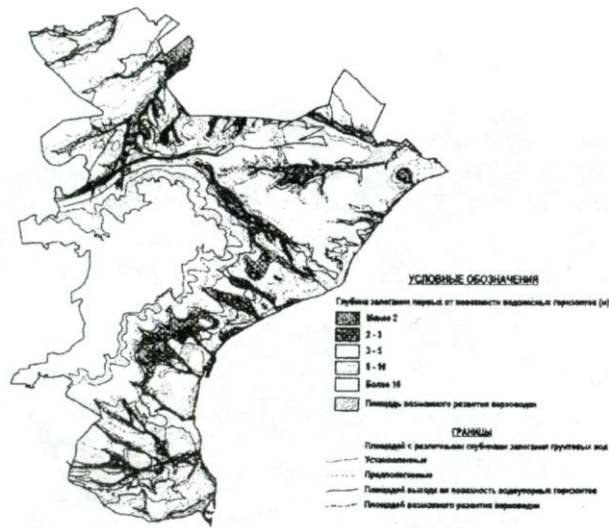

Рис. 2. Реконструкция речной сети Саратовской котловины, составлена на топ. основе карты (схемы) глубин залегания грунтовых вод в границах современного г. Саратова. Сверху вниз черными линиями выделены: Глебучев овраг (нет на плане Трумплицовых), р. Бел. Глинка, Кладбищенский и Дегтярный овраги, овраг Мутный ключ, Залетаевский (Рокотовский) овраг, Токмаковский овраг, р. Увековка и ее истоки (р. Назаровка, р. Березина, р. Саронка)

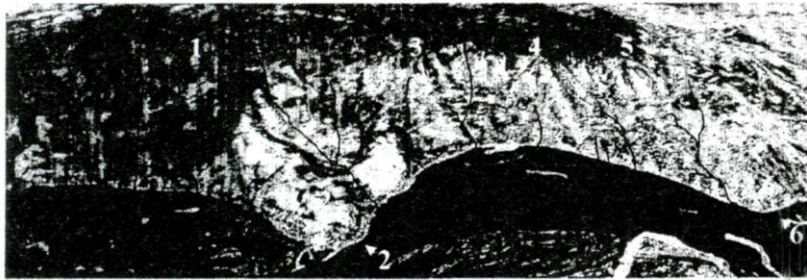

Рис. 3. 3D-макет Саратовской и Хмелевской котловин. Справа налево: Глебучев овраг, р. Бел. Глинка, Кладбищенский и Дегтярный овраги, овраг Мутный ключ, Залетаевский (Рокотовский) овраг, Токмаковский овраг, р. Увековка и ее истоки, р. Багаевка, р. Петровка, р. Хмелевка. Цифрами обозначены: 1 – Буданова гора, 2 – Увекское поднятие и гора Увек (Стенькин бутор, Каланча), 3 – Алтынная гора, 4 – Лопатина гора и Агафоновский увал, 5 – Вокзальная (Лысая) гора, 6 – Соколовогорское поднятие и Соколовая гора.

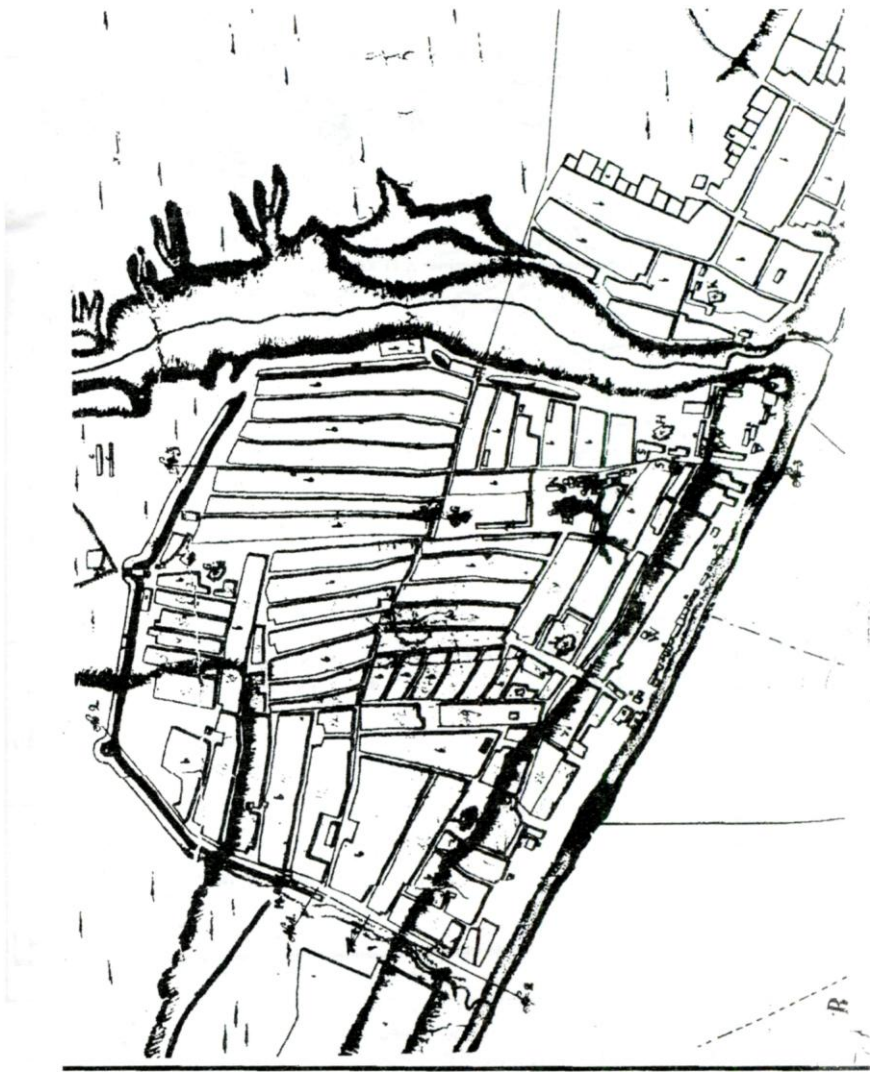

Рис. 4. План г. Саратова (1746 г., хранится в РГВИА).

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ОБЩЕСТВА
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В 1920–1924 гг.**

В феврале 1920 г. члены бывшей Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) провозгласили создание нового общества – Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском государственном университете (Истархэт). Официально оно было утверждено 21 июня 1920 г.¹ За время существования общества с 1920 по 1924 гг. в его рядах насчитывалось в общей сложности 260 членов, из них – 14 почетных. Состав членов общества изменился по сравнению с СУАК: на смену краоведам-любителям пришли ученые-профессионалы. Значительный процент (35%) от общего числа членов составляли преподаватели, либо студенты высших учебных заведений. Такой состав ощутимо сказался на качестве исследовательских работ. Сразу же в деятельности общества выделились три направления: традиционные для СУАК – история и археология, и новое – этнография. По-прежнему сохранились архив, музей и библиотека. Кроме того, началось комплексное изучение Саратовского края, которое, помимо историко-археологического прошлого и этнографии, включало в себя исследование природных и экономических условий жизни населения. Интерес распространился и на литературное наследие края.

Исторический отдел всегда находился в более выгодном отношении по сравнению с другими, несмотря на относительно низкий процент финансирования. Потому что почти все необходимые для работы материалы находились в архиве общества.

Собственно, отдел истории был создан для того, чтобы обслуживать огромное собрание документов – исторический архив. Это и определило направленность работ. На 1920–1927 гг. были составлены обширные планы работы, включавшие в себя политическое, экономическое и культурное изучение края. Эта программа включала в себя самые различные направления. Среди них выделялись такие как: составление указателя по работам, относящимся к истории юго-востока европейской России, поиск в архивах (местном и центральных) новых материалов по истории Саратовского края. В области историко-экономической ставились проблемы по изучению вопросов жизни города в Нижнем Поволжье в XVIII в., развитию сельского хозяйства, а также ремесел и промыслов в деревне. В области истории культуры – проблемы «европеизации», то есть изучение новых форм жизни русской провинции, города, помещичьей

¹ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 343, л. 14.

усадеббы и деревни, в том числе увлечение французской литературой в XVIII в., англomanией в 20–30-х гг. XIX в., распространение европейского стиля на одежду, убранство дома, общий уклад жизни. В области политической истории – изучение народничества в Саратовском крае в 70-е гг. XIX в., подбор материалов о революционном движении начала XX в. Наконец, в области религиозной жизни – исследование старообрядчества и русского сектантства².

Была принята обширная программа по изучению аграрного движения на юго-востоке России в период с 1902 по 1906 гг.³ Сотрудники отдела руководствовались тем, что здесь аграрное движение в данный период разворачивалось едва ли не сильнее, чем в других регионах. Это представляло большой интерес для исследователей в плане изучения причин и характера крестьянского движения. Несомненно, членами общества была задумана грандиозная работа, на выполнение которой предстояло потратить немало сил и времени, поскольку нужно было обследовать значительное количество дел архивов Саратовской судебной палаты, жандармского управления, Дворянского собрания, Канцелярии саратовского губернатора, волостных правлений и судов Саратовской губернии за 1902–1909 гг. Также следовало сделать выборку из архивов Тамбовской, Пензенской, Самарской, Астраханской и других губерний юго-востока страны, чтобы можно было представить общую картину крестьянского движения. Кроме того, надо было обследовать местную и столичную прессу по данной теме, и материалы I и II Государственных дум. Руководить этой программой должен был сотрудник исторического отдела Василий Ефимович Зюрюкин. Всего в данной работе было занято 25 человек. Предварительная смета расходов на изучение аграрного движения составляла 265000 руб.⁴ К 1921 г. намечалось осуществить лишь часть общего плана, то есть выяснить причины, которые породили это аграрное движение. В 1921 г. были просмотрены периодические издания, произведен опрос живых свидетелей. Однако, несмотря на все усилия исследователей, работа сильно тормозилась из-за хаотического состояния архивов⁵.

Профессор СГУ П. Г. Любомиров предложил программу исследования миграционных процессов нерусских народов в Среднем и Нижнем Поволжье⁶. Однако, из-за скудности финансирования исторического отдела, приступить к изучению этой темы не удалось ни в 1921 г., ни в 1922 г.

² ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 371, л. 10–14.

³ Там же. Д. 351, л. 6.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Д. 373, л. 2.

⁶ Там же. Д. 398, л. 4.

Относительно успешно шло только изучение жизни Саратовского края по архивным материалам XVIII в. Промежуточными итогами данных исследований можно считать публикацию курса лекций А. А. Гераклитова и выпущенную уже посмертно книгу В. И. Опкоковой, ученицы С. Н. Чернова⁷.

В 1922 г. многие направления исследований, начатые в предыдущие годы, пришлось приостановить. Причина этого – страшный голод, охвативший Нижнее Поволжье летом и осенью 1921 г., последствия которого сказывались на протяжении всего следующего года. Вследствие того, что значительные средства были использованы на ликвидацию голода, губисполком не смог выделить необходимые суммы на нужды общества. Пришлось свернуть работы по изучению истории колонизации края в XIX в. и социально-политических процессов во второй половине XIX в. То же самое случилось и с коллективной работой по истории аграрного движения в крае. Такая остановка была вызвана полным отсутствием средств, даже на оплату труда по переписке архивных источников⁸. Деятельность исторического отдела в 1922 г. выразилась, в основном, в проведении заседаний для обсуждения докладов членов Общества по вопросам общей истории.

В 1923 г. материальное положение отдела истории несколько улучшилось, и это позволило продолжить изучение богатейшего материала, хранящегося в архиве общества. Так, член отдела истории С. И. Быстров занимался исследованием старообрядчества в Саратовском крае, а также древнерусской иконографией по материалам саратовских монастырей. Студент СГУ Г. Ф. Васильев изучал памятники древнерусской церковной юридической литературы, и, кроме того, занимался систематизацией материалов частных саратовских архивов. Профессор СГУ К. Я. Виноградов разрабатывал проблемы экономической истории края во второй половине XIX в. и истории революционного движения в России. Сферами интересов А. А. Гераклитова в этот период были палеография, дипломатика, сфрагистика, а также экономическая история Саратова в XVII в. В. А. Добров, бывший член СУАК, занимался изучением общественно-революционного движения и, помимо этого, готовил описание архива С. А. Юрьевича. Профессор СГУ П. Г. Любомиров работал по нескольким темам: истории смутного времени, истории русского сектантства и старообрядчества, экономической истории Древней Руси, истории древнего славянства. Вместе с Е. И. Шлифштейном, бывшим членом СУАК, он также занимался составлением историко-экономического описания Саратовской губернии накануне освобо-

⁷ См.: *Гераклитов А. А. История Саратовского края XVI–XVIII вв.* Саратов, 1923; *Опкокова В. И. Прошлое Саратовского края.* Саратов, 1924.

⁸ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 398, л. 4.

ждения крестьян (по материалам фонда А. И. Артемьева из Российской публичной библиотеки). Кроме этого, они же изучали документы Саратовского консисторского архива, а Шлифштейн, совместно со студентом П. Д. Степановым еще и историей промышленности края. А. А. Лебедев, бывший член СУАК, занимался религиозной жизнью края (православием, старообрядчеством, сектантством). Профессор СГУ С. Н. Чернов занимался изучением исторической географии Древней Руси, историей религиозно-политического движения Руси в XV–XVI вв., историей России в первой половине XIX в.. Под его руководством студенты СГУ, члены отдела истории, Н. М. Дроздова, Н. А. Багильдинская, Н. Г. Аполлова, О. А. Ивашкина, О. А. Кроткова, Ф. Е. Арьков работали над вопросами декабристского движения. Под руководством профессора СГУ С. И. Протасовой, студенты Е. П. Подъяпольская, Н. Г. Аполлова, Д. М. Артоболевский, Л. М. Козин изучали указы Екатерининских комиссий. Д. М. Артоболевский, помимо этого, занимался подборкой и анализом политических портретов видных деятелей Саратовской губернии. Студентки Ю. А. Кузнецова, Е. Н. Кушева и ее сестра А. Н. Кушева занимались исследованием истории секты жидовствующих.

Авторитету Истархэт немало способствовало то, что среди его членов был такой видный ученый как Георгий Петрович Федотов – религиозный философ, работавший в эти годы в Саратовском университете. В тот период Г. П. Федотов исследовал разные проблемы истории раннего средневековья и интересовался историей революционного движения в Саратовской крае. Студент СГУ А. Д. Скалдин и братья А. В. и В. В. Леонтьевы занимались историей гражданской и церковной архитектуры. С. Д. Соколов, бывший член СУАК, изучал краевую библиографию, главным образом, по истории революционного движения. А. Н. Штылько, бывший член СУАК, исследовал так называемую «илиодоровщину», церковную историю региона после первой российской революции. Профессор Л. Н. Юровский изучал вопросы экономической истории края в XVIII в., а И. Я. Славин, бывший член СУАК – саратовского городского самоуправления и саратовского купечества. В. А. Зюрюкин работал над историей сельского хозяйства в Заволжье и историей заволжских меннонитов⁹.

В 1923 г. в составе отдела истории была образована историко-экономическая секция. Цель создания данной секции – изучение истории развития экономики Саратовского края. Председателем секции стал профессор П. Г. Любомиров, заместителем – студент П. Д. Степанов. За год секция провела несколько заседаний, на которых были прочитаны доклады членов Общества студентов СГУ по

⁹ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 416, л. 4.

вопросам экономики края¹⁰. Перед открывшейся секцией стояли большие задачи и возможности, но они стали воплощаться уже в структуре нового Нижневолжского общества краеведения, которое возникло на базе Истархэт в 1924 г.

Оценивая результаты работы исторического отдела за 1920-1924 гг., можно сказать следующее: несмотря на то, что коллективные работы, намеченные по плану 1920 г. остались в большинстве своем невыполненными, индивидуальные интересы членов отдела были весьма разнообразны и воплотились в значительном количестве докладов, прочитанных, на заседаниях отдела, а также публикациях, помещенных в «Трудах» общества.

В общей сложности с 1920 г. по 1924 г. членами Истархэт были прочитаны 364 доклада¹¹, из которых 130 приходились на отдел истории и пять на историко-экономическую секцию. Но из-за недостатка финансирования издательская деятельность общества с 1916 г. по 1923 г. прерывалась, и поэтому большинство докладов так и не увидело свет. Более того, тексты докладов, тех, что не были напечатаны, отсутствуют в фондах ГАСО и фондах музея краеведения, поэтому об их содержании мы можем судить лишь исходя из названия. Это, естественно, не дает нам возможности оценить по достоинству глубину и масштаб исследований тех лет.

Тематика докладов, прочитанных членами исторического отдела простирается от проблем Великой французской революции (доклад профессора СГУ В. А. Бутенко) и истории Древней Греции (доклад профессора СГУ С. И. Протасовой) до проблем общерусской истории, таких как история смутного времени (доклады профессора СГУ П. Г. Любомирова), декабристское движение (доклады профессора СГУ С. Н. Чернова). Но подавляющее большинство докладов было посвящено истории Саратовского края. Интересы исследователей затрагивали вопросы колонизации края (доклады студентов СГУ Е. П. Подъяпольской, Ю. А. Иванова), отмены крепостного права (доклады профессора СГУ Д. И. Юровского и профессора СГУ С. Н. Чернова), общественного и революционного движения в крае в конце 80-х гг. XIX в. – начале XX в. (доклады В. А. Сущицкого и В. А. Доброва) и т. д.

Не забывали члены общества и своего великого земляка Н. Г. Чернышевского, жизни и деятельности которого были посвящены восемь сообщений, сделанные сыном Чернышевского –

¹⁰ Шлифштейн Е. И. К истории сапоговаляльного промысла в России; Любомирова Е. Ф. Перевозка РУЖД сельхозпродуктов Юго-востока и состояние этого района перед войной 1914 г.; Ареухов А. П. Крестьянское хозяйство Саратовской губернии в годы войны и революции; Зарницын Н. Н. Табачная промышленность Нижнего Поволжья // ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 416, л. 5 об.

¹¹ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 312.

М. Н. Чернышевским, а также Н. М. Чернышевой и членами бывшей СУАК Н. Ф. Хованским, Ю. Я. Ивановым, А. А. Лебедевым¹².

Особо нужно сказать об исследованиях бывшего члена СУАК А. А. Гераклитова. Он одним из первых стал развивать версию об истории возникновения Саратова на правом берегу, споря по этому вопросу с С. С. Краснодубровским и А. И. Шахматовым в своих работах: «Где был основан Саратов в 1590 г.»¹³ и «История Саратовского края в XVI–XVIII вв.»¹⁴.

За период существования общества по вопросам истории Саратовского края и России удалось напечатать всего несколько статей. Опубликованы они были в Трудах Истархэт¹⁵ и Трудах НВОНОК (Нижеволжского областного научного общества краеведения)¹⁶. Труды Евсея Исааковича Шлифштейна и Леонида Наумовича Юровского – преподавателей Саратовского института народного хозяйства, ученых занимавшихся изучением развития русской промышленности в дореволюционное время и советский период, были напечатаны отдельными изданиями¹⁷.

Некоторые исследования, над которыми члены общества трудились в годы существования «Истархэт», были напечатаны позднее, в конце 1920-х гг. и в 1930-е гг. Это труды Екатерины Николаевны Кушевой – впоследствии видного историка и библиографа. Ею были написаны воспоминания о дорогих ей учителях – П. Г. Любомирове и С. Н. Чернове, о своей подруге Е. П. Подъяпольской¹⁸ и публика-

¹² См.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 312.

¹³ Труды СУАК, 1914. Вып. 31. История исследования этого вопроса, а также предмет спора Гераклитова с Краснодубровским и А. И. Шахматовым подробно описано в диссертации В. М. Захарова, поэтому представляется возможным подробно на этом не останавливаться.

¹⁴ См.: *Гераклитов А. А.* Указ. соч.

¹⁵ *Шлифштейн Е. И.* К истории сапоговаляльного промысла в России; *Гераклитов А. А.* К истории волжского транспорта в конце XIX века; *Чернов С. Н.* Саратовская родня декабриста Батенькова; *Любомиров П. Г.* Из истории народного образования в Саратовской губернии; Соколов С. Д. Опыт словаря псевдонимов и инициалов саратовских писателей // Труды НВОНОК, 1924. Вып. 34. Ч. 2.

¹⁶ *Кушева Е. Н.* Саратов в третьей четверти XVIII в.; *Кузнецова Ю. А.* К истории колонизации Сердобского уезда (материалы для историко-географического словаря) // Труды НВОНОК, 1928. Вып. 35. Ч. 2.

¹⁷ См.: *Шлифштейн Е. И.* Мелкая индустриальная промышленность Юго-востока России. Саратов, 1922; *Он же.* Мелкая промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1923; *Он же.* Мелкая сапоговаляльная промышленность в СССР. Опыт экономического исследования организации и эволюция форм мелкой промышленности. Саратов, 1925; *Юровский Л. Н.* Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы по истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII в. и начале XIX в. Саратов, 1923.

¹⁸ Полный список Е. Н. Кушевой см. в сборнике: Археографический ежедневник за 1979 г. М., 1981.

ции самой Елены Петровны Подъяпольской – тоже позднее известного историка и библиографа¹⁹.

В конце 1930-х гг. выходили работы членов исторического отдела, выпускников СГУ Владимира Афанасьевича Сущицкого²⁰, занимавшегося историей революционного движения, Павла Дмитриевича Степанова²¹ – сотрудника музея краеведения и Татьяны Михайловны Акимовой²².

Еще одним направлением работ исторического отдела «Истархэт», был разбор дел исторического архива, поступление в который продолжались и в 1920–1924 гг. К 1924 г. архив сосредоточил огромное количество документов, отражавших экономическую и политическую историю края, начиная с XVIII в. Для историков это был непочатый край работы. Но масштабные исследования затруднялись тем, что подавляющая часть архива находилась в неразобранном состоянии. Работа сотрудников исторического отдела с 1920 г. по 1924 г. заключалась, в основном, в разборе, описании и систематизации огромного количества документов, спасенных в годы революции и гражданской войны. Этот титанический труд не прекращался даже в сложнейшие 1920 г. и 1921 г., когда архив, как и другие отделы Общества страдал от нехватки средств, а, следовательно, и от нехватки платных сотрудников. Вся работа велась исключительно энтузиастами в свободное от основной службы время. Ситуация осложнялась отсутствием подходящих для хранения бумаг помещений и отопления в холодные месяцы года²³. Самым неподходящим местом для архива являлись подвал археологического музея и сарай во дворе дома, принадлежащего обществу.

Бессменным хранителем архива был А. А. Гераклитов, заместителем – Добров. Только в 1924 г. новым архивариусом стала Е. П. Подъяпольская²⁴.

Что касается поступлений в архив, то с реорганизацией архивного дела в России и созданием Государственных архивов, перестали поступать дела госучреждений, и архив пополнялся, в основном, за

¹⁹ Подъяпольская Е. П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда. Саратов, 1927; Подъяпольская Е. П. Опись документов и дел рукописного отделения библиотеки Общества. Саратов, 1929 (полный список трудов Е. П. Подъяпольской см. в сборнике: Археографический ежедневник за 1975 г. М., 1976).

²⁰ Список трудов Сущицкого В. А. см. в кн.: Сердюк И. Революционное движение и борьба за власть в Саратовской губернии. 1861–1920. Саратов, 1963.

²¹ Список трудов П. Д. Степанова см. в кн.: Сердюк И. Указ. соч.

²² См.: Акимова Т. М. Сказы о Чапаеве. Саратов, 1951; Акимова Т. М. Ардабацкая А. М. Очерки истории Саратова (XVII–XVIII в.). Саратов, 1940.

²³ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 373, л. 41.

²⁴ Там же. Д. 451, л. 9.

счет пожертвований своих личных бумаг членами СУАК и Истархэт, их родственниками, другими видными деятелями.

В 1920–1921 гг. в архив поступили: части личного архива А. М. Добровольского, архив дочери писателя Д. Л. Мордовцева – В. Д. Александровой, архив члена СУАК – И. Я. Славина, письма писателя – саратовца Н. Е. Каронина-Петропавловского, указ императора Александра I с автографом, рукописи А. Н. Минха – члена-основателя и почетного председателя СУАК, рукописи полковника А. Н. Казаринова (XVIII в.), архив бывшего саратовского губернатора А. Н. Косича. В 1922 г. из поступлений можно отметить лишь передачу бумаг члена-основателя и первого председателя СУАК – А. А. Тилло и члена СУАК А. А. Шахматова. Разбор архивных дел в 1920–1922 гг. велся крайне медленно. Главная причина – отсутствие штатных сотрудников. Были разобраны лишь дела в тех комнатах, где сырость грозила их уничтожению²⁵.

В 1924 г. архив пополнился новыми поступлениями, всего 56 наименований. В их числе наиболее важными были бумаги А. А. Герасимова и С. Д. Соколова. Всего в 1924 г. архив располагал фондами, насчитывающими более 70 тысяч дел²⁶. Собранные дела охватывали почти все стороны жизни Саратова и Саратовской области.

После ликвидации преемника СУАК – Общества истории, археологии и этнографии, а затем Нижневолжского областного научного общества краеведения в 1929 г., архив был передан в государственный архив Саратовской области (ГАСО) и сегодня составляет его основу, а вещи из музея общества поступили в краеведческий музей, книги же из библиотеки большей частью были переданы в библиотеку университета, и, частично, в библиотеку краеведческого музея.

Вне всякого сомнения, многое из этого могло бы оказаться уничтоженным. Заслуга энтузиастов СУАК и Истархэт в том, что они смогли предотвратить потерю многих исторически важных документов.

Приложение

СПИСОК ФОНДОВ АРХИВА ОБЩЕСТВА «ИСТАРХЭТ» К 1924 г.

1. Саратовская Казенная Палата (1781–1864 г.). Всего 13424 единиц хранения Фонд разобран, составлена карточная опись и хронологический указатель;
2. Донская Каменная Палата 701 единиц хранения. Составлена карточная опись;

²⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 416, л. 7.

²⁶ Там же. Д. 351, л. 3–6.

3. Опись дел Астраханской Казенной Палаты. Не разобрана (впоследствии была отдана в Астрахань);
 4. Полицейские дела с 1782 г. 6114 единиц хранения. Составлена карточная опись;
 5. Городские дела, 1119 единиц хранения. Составлена карточная опись;
 6. Губернаторские дела, 3107 единиц хранения. Составлена карточная опись;
 7. Дела Дворянского депутатского собрания. Разобран на половину;
 8. Вольское духовное правление. Фонд подготовлен к составлению описи;
 9. Дела конторы иностранных поселенцев. Фонд не разобран;
 10. Сенатские дела (с 1782–1842 гг.) 3842 единицы хранения. Помимо карточной описи есть печатная с именовым и предметным указателем;
 11. Дела «Удельные» (Балашовского и Золотовского приказов) 1969 единиц хранения. Опись напечатана;
 12. Волостные дела (волостных правлений и судов). 13908 единиц хранения. Составлена карточная опись;
 13. Мировые посредники (с 1861 г.) 2533 единиц хранения. Составлена карточная опись;
 14. Саратовский губернский статистический комитет. Фонд не разобран;
 15. Дела 1-ой Всероссийской переписи. Фонд не разобран;
 16. Дела Кузнецкого уездного суда Фонд не разобран;
 17. Дела Саратовского Германского Консульства Фонд не разобран;
 18. Дела «Государственные» (делопроизводство управлений, заведовавших государственными крестьянами. Разобрана 1/3 фонда;
 19. Фонд «Мировые судьи». Фонд не разобран.
- В результате частных пожертвований образовались еще ряд фондов:
1. Калачевский фонд. Бумаги Н. В. Калачева;
 2. Архив А. Н. Галкина-Врасского (бывший Саратовский губернатор);
 3. Бумаги Н. О. Никольского;
 4. Фонд Шахматовых;
 5. Фонд Юрьевича;
 6. Фонд Н. Д. Россова;
 7. Фонд А. Н. Косича;
 8. Фонд А. Н. Минха;
 9. Фонд В. Н. Опоковой;
 10. Фонд Н. Ф. Хованского;
 11. Фонд Ф. Ф. Чекалина;

12. Фонд А. А. Тилло;
13. Фонд С. Д. Соколова;
14. Фонд А. А. Гераклитова;
15. Фонд Добровольского;
16. Фонд А. Н. Штылько.

Ряд документов из фондов архива «Истархэт» были переданы в Саратовский губернский архив:

1. Архив Саратовской I мужской гимназии;
2. Архив Саратовского епархиального училищного совета;
3. Архив Саратовского духовного училища;
4. Архив Саратовской мещанской управы;
5. Архив судебной палаты и судебных следователей;
6. Архив Рязанско-Уральской железной дороги;
7. Архив Саратовского губернского правления;
8. Архив Саратовского почтового телеграфа;
9. Архив жандармского управления;
10. Архив тюремного комитета;
11. Архив землеустроительной комиссии;
12. Архив гидротехнического отдела государственных имуществ;

Кроме того, в архиве Общества имелось большое количество неразобранных дел, из которых намечалось составить еще несколько фондов:

1. Дела и протоколы уездных собраний (конец XIX – начало XX вв.);
2. Дела Саратовского биржевого комитета;
3. Дела Клуба Саратовских подрядчиков;
4. Книги торгово-промышленных предприятий Сердобского уезда. 1899 г.;
5. Дела Саратовского местного управления Российского общества Красного Креста;
6. Дела Комитета попечительства Российского общества Красного Креста;
7. Материалы Петровского уезда за 1917 г.;
8. Военный архив;
9. Книги Саратовских церквей;
10. Дела из магазина Суворина;
11. Дела Камышинского местничества;
12. Дела Сердобского уездного рекрутского присутствия;
13. Дела Гродненской епархии (Прушанского уезда) подлежали отдаче;
14. Бумаги Саратовского отделения Санкт-Петербургского Литературного общества;
15. Бумаги Общества вспомоществования нуждающимся литераторам²⁷.

²⁷ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 351, л. 3–6.

СПИСОК СПАСЕННЫХ АРХИВОВ ЗА 1917–1919 гг.

1. Архив Дворянский. 2844 д.;
2. Архив Саратовского германского консула;
3. Архив Городского полицейского Управления. 6502 д.;
4. Архив Губернаторский. 10422 д.;
5. Архив Губернского жандармского Управления. 6210 д.;
6. Архив Губернского Статистического Комитета. 8460 д.;
7. Архив Управления государственных имуществ. 8108 д.;
8. Архив Мещанской и Купеческой управ, 244+596 д.;
9. Архив Губернского Правления, 14298 д.;
10. Архив Строительного отделения губернского правления. 1696 д.;
11. Архив Духовной Семинарии. 7914 д.;
12. Архив Саратовской Судебной Палаты, 10514 д.;
13. Архив губернского прокурора. 2787 д.;
14. Архив Жандармского управления РУЖД (Тамбовско-Саратовского участка). 331 д.;
15. Архив Биржевого Комитета (часть). 501 д.;
16. Архив Комитета Великой Княгини Татьяны Николаевны;
17. Архив губернского по городским делам присутствия (часть). 139 д.;
18. Архив Продовольственного Комитета;
19. Архив Духовного училища. 554 д.;
20. Архив редакции «Саратовского Листка»;
21. Архив редакции «Саратовского Вестника»;
22. Архив Саратовского общества литераторов. 11 д.;
23. Архив женского института. 2300 д. (оставлен на месте);
24. Архив Варшавского Крестьянского банка (был возвращен);
25. Архив братства Св. Креста. 151 д.;
26. Архив губернской тюрьмы. 4017 д.;
27. Архив каторжной тюрьмы;
28. Архив Вольского духовного управления. 428 д.;
29. Архив епископа Гермогена;
30. Архив духовной консистории. 10046 д.;
31. Архив съезда мировых судей (Саратовского городского округа). 135 д.;
32. Архив епархиального Училищного совета. 1444 д.²⁸

²⁸ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 351, д. 340, л. 6–7.

Д. П. Коновалов

**СТАРЕЙШАЯ РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА В
С. ВЯЗОВКА В КОНТЕКСТЕ СВОЕЙ ЭПОХИ И ЛЮДЕЙ,
СТОЯЩИХ У ИСТОКОВ ЕЕ ОСНОВАНИЯ**

Каким образом у крестьян родилось убеждение в необходимости существования библиотеки, каким образом почерпнули они сознание, что в ней есть удовлетворение умственной жизни? – вопросы эти совершенно неуловимы и положительно не поддаются исследованию в той форме, в какой трактуются наши статистические работы.

Саратовские губернские ведомости
1886. № 32

Если ехать от Вольска к Аткарску – два соседа, бывших уездных города Саратовской губернии, – то на 58 версте будет станция Куриловка, Каракозовка тож. А в 10 верстах от последней – село Вязовка, бывшее волостное село. В 6-7 верстах от Вязовки – два села: одно со странным названием Стригай, другое – с традиционным – Старая Жуковка. В путеводителе по России (под редакцией П. П. Семенова-Тянь-Шанского, том 6, с. 467) – в двух словах сказано об этих ничем особо не примечательных селах.

«Куриловка-Каракозовка – 1300 жителей, школа и лавки; близ села того же названия. Станция отправляет до 35 тыс. пудов грузов. В 10 верстах к З/ападу/ от нее лежит с. Вязовка, имеющее более 4 тыс. жителей, волостное управление, богадельню, лавки, овчинные и красильные заведения, 10 ветряных и 5 водяных мельниц, базары и 2 ярмарки. А в 6 верстах ... лежит с. Старая Жуковка, в котором до 2000 жителей. Близ села находится буерак, известный под именем Ергасва, в котором, по преданию, жил мордовский князь Ергай, и где было капище, поставленное князем и разрушенное местным священником».

Вот и вся история с географией, излагаемая в путеводителе. Одному селу достаточно, чтобы его помянули, – ни деревня, ни село, а так себе, сельцо; другое – Вязовка, представлено в лучшем виде, –

где это сейчас найдешь село со столькими мельницами, базарами и ярмарками и даже с богадельней. Ничем не примечательное вологодское село, а жизнь кипела!

Большинство крестьян Вязовки были трудоголики; так стало постепенно созидаться богатство села. Но, в общем, это мало повлияло на их благосостояние. Наоборот, большие надельные участки способствовали большему пренебрежению к земле, развилась дифференциация. Часть заботилась, другие стали жить все более бедно. Часть земель они стали сдавать шировским (село Широ, бывшее крепостное) крестьянам. Бытописатель священник А. А. Луин писал в 1884 г. в «Епархиальных ведомостях»: «Народ вязовский вообще не грубый, крепко православный и почти весь грамотный ...».

Крестьяне без церкви не живут. А. А. Луин, сам священник села Шиханы около Вольска, не раз бывавший в Вязовке, писал: «Старая церковь была построена в 1760 г. вместо сгоревшей, о времени построения которой неизвестно... А этой церкви достопримечательности: икона Спасителя в ашликовой ризе с камнями. Вызолоченная через огонь, древняя, возобновленная через лучшего живописца в 1850 г. Икона Божьей Матери под названием «Достойно есть». Эта икона выписана была с Афона. Обе иконы в большом почтении у местных крестьян». Земли при Вязовской церкви 148 десятин.

Первым сохранившимся в памяти крестьян священником был отец Инсарский. Фамилия указывает на пензенское происхождение. Вторым был Федор Раев, который священствовал здесь 37 лет!

При нем и заложилась библиотека, ставшая со временем знаменитой. Несколько раз он порывался перейти в какое-нибудь другое место, в Вольск или в Саратов, где было кому за него похлопотать, куда его приглашали, но его одолевали сомнения, а все окружение его, вся паства, обреченная весь век свой коротать в Вязовке, так просили его, так любили его, а сам он в конце концов так боялся оторваться навсегда от родного гнезда, что так и не решился окончательно, - «так и остался здесь до скончания лет своих». «По отзывам крестьян, священник оставил глубокую, неизгладимую память о себе в сердцах своих прихожан, - писали в 1886 г. «Саратовские губернские ведомости», - судя по отзывам, рисуется чисто евангельская деятельность священника, которой он ознаменовал свое пребывание и посеял так много хорошего. Развитие грамотности и поднятие уровня умственной жизни села Вязовки можно смело связать с пастырской деятельностью бывшего местного священника».

До XX в. в селе с 4000 населения не было школы, а село было «поголовно грамотным». Это один парадокс. Другой: все село грамотное, но кроме фамилий трех священников ни в одной публикации, а я набрал их около десятка, не был упомянут ни один другой житель села. Церковь в советское время не сохранилась, не сохранились и записи рождений, смертей, бракосочетаний. Не сохранились

материалы волостных правлений, писари целый век писали протоколы сходов, тысячи бумаг – ничего не сохранилось. Не сохранились архивы судов и земских начальников. Местные помещики дневников и хроник не вели. Письма, конкретные книги, бумаги и прочее творчество дворянских гнезд не сохранилось – большая часть исчезла в огне двух аграрных волн 1905 г. и 1917-1918 гг. Материалы земства были уничтожены, материалы наследовавшего его с 1918 г. губернского Земельного управления сгорели в пожаре. Село все грамотное и в той же степени все бессловесное, беспамятное и бесфамильное.

Рамки нашего повествования «в ширину» никак не раздвигаются. Как писать о селе без жителей, о церкви без паствы, о библиотеке без читателей, о грамотных без единого свидетельства их грамотности. Все приходится брать, так сказать, на веру.

Перенесемся за несколько десятков, может быть, сот километров севернее, в Пензенскую губернию, в уезд, родину Виссариона Белинского, в село Чернышево. Как в Библии, жил в этом селе человек по имени Марк. Попал он на службу по рекрутскому набору. Было это при Екатерине II, воевали постоянно, а служили немало – 25 лет рядовому. Уходя на государеву службу в далекие пределы, Марк оставил в Чернышеве сына Федота и дочь Евдокию, которые по имени отца и своему отчеству стали Марковы. В соседнем сельце Студенки жил человек по имени Иван Васильев. Уходя в армию, чтоб не оставлять старшую дочь без призора, Марк оженил ее на Иване Васильеве, которому было 15 лет. Выход такого «малолетки» за сложившуюся женщину был в порядке вещей, если хозяин хотел оставить хозяйство за дочерью, то есть за собой. Это было на уровне инстинкта.

В то время была единая Тамбовская и Пензенская епархия. Центр был, кажется, в Тамбове. Как брат Авдотьи Марковой Федот стал священником в Чернышеве – неизвестно. Кончил ли он духовное училище в Тамбове, или семинарию, или ничего не кончал, но он не только стал священником, но устроил диаконом той же Архангельской церкви Ивана Васильева, мужа сестры. Это было проще, поскольку отец Ивана Васильева отец Василий занимал должность священника в Знаменской церкви села Студенок. Когда подросли два сына Федота, он сделал их причетниками-дьячками, пономарями и звонарями.

С водворением Александра I Тамбовско-Пензенская епархия разделилась, и в Пензе устроилось духовное училище и семинария для подготовки священнослужителей. Вскоре основалась и Пензенская гимназия, одна из старейших в стране. Сына Ивана Васильева и Авдотьи Марковой отдали учиться в Пензенское духовное училище на казенный счет, в бурсу казеннокоштным. Теперь мы должны обозначить, о ком речь: о Гавриле Ивановиче Чернышевском, отце

Н. Г. Чернышевского. Многие, в том числе из знакомых отца и сына Чернышевских, вспоминали о бурсе «с содроганием», и отец в Саратове дал себе слово, что сына минует чаша сия, которую он, имея нрав удивительно кроткий и незащитный, испил до дна. Много было споров вокруг этого, когда Н. Г. Чернышевского арестовали, и даже когда он уже умер. Вот, мол, не прошел в бурсе должной науки, и стал «враг обществу», и испил до дна уже другую чашу, слишком умен был, независим, свободен в поведении и в суждениях. Справедливости ради, большинство защищало Гаврилу Ивановича и говорили, что бурса, или отсутствие ее и Петропавловка – суть понятия несовместимые.

Старший товарищ Н. Г. Чернышевского по Петербургу Иринарх Иванович Введенский, тоже вкусивший несколько лет спустя пензенской бурсацкой науки, читал в бурсе ребенком «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, самую сложную русскую книгу XVIII в. И писал отцу-священнику: «Тянька, не посылай мне лепешек, а пришли еще Карамзина... Я буду читать его по ночам и за то буду хорошо учиться...». Шесть лет на полуказенном содержании в Камышинской, потом Саратовской бурсе учился Григорий Евлампиевич Благодетлов, редактор «Дела» и «Русского слова», подготовивший команду публицистов, критиков, писателей не хуже «Современника». Он, как и Введенский, как Г. И. Чернышевский учился «истово», первым учеником; Введенский самостоятельно выучил английский, немецким, итальянским, французским овладел в доме местного помещика, учась с его детьми. Все это дорого ему стоило. Не выдержав эмоциональных, «душевных потрясений», напора фантазии, сверхстремительно расширившихся горизонтов, он, учась в духовной Академии, попал в больницу. Оттуда сбежал, поступил на историко-филологический, учителем в пансион к М. П. Погодину, через два года все бросил и уехал в Петербург, где жил в «ужасной нищете», «преданный всем родам унижения». Многие знания – многие печали. Г. Е. Благодетлов накануне окончания семинарии открепился от духовного звания исключением «по беспешности», приехал в Петербург, поступил в медико-хирургическую академию, отсюда перешел на юридический факультет, знакомится с Введенским, заболевает Карамзиным, пишет первую статью и зарабатывает преподаванием словесности.

Тем же поддерживает свое существование Введенский, зарабатывая себе поездку за границу, после возвращения, от неумеренных занятий, он слепнет. Его влияние, сам его образ, как образ Белинского, поднявшегося «из ничего», действовал на воображение всех, с кем он встречался; он опекал и оказал определенное влияние на Чернышевского, на Благодетлова, А. Н. Пыпина, А. П. Милюкова, А. А. Фета, на поэтов и переводчиков В. С. Курочкина и Д. Д. Минаева.

Гавриле Ивановичу Чернышевскому в семинарии ректор дал фамилию. Фамилия давалась по месту жительства, по названию церкви, по ближайшему к рождению храмовому празднику. По окончании семинарии по недостатку преподавателей, как первого ученика, Гаврилу Ивановича определили преподавателем древнегреческого языка. С античной литературы началась его страсть к книгам. В свое Чернышево дьяконом или священником, крестьянствовать он уже не захотел. Семинария и гимназия Пензы являли два островка культуры. Все проезжавшие Пензу в Саратов, Симбирск, писали о ней ужасно. Чего стоил гладковский крепостной театр в описании Вяземского, характеристики губернаторов. Н. Е. Салтыков-Щедрин уже в 1860-е гг. окрестил ее г. Брюховым, а еще ужасней описал ее в 1893 г. по памяти Н. С. Лесков в рассказе «Загон».

Как уже упоминалось, у Федота было двое сыновей-причетников. Старшего, Ивана, рано женили, он наследовал хозяйство Марка. У него родилось четверо. Один из них, Федор, кончил, как и Гаврила Иванович, Пензенское духовное училище, Пензенскую семинарию. В отличие от Чернышевского, вернулся в Чернышево, где стал священником на месте Федота Маркова. Поскольку один Чернышевский уже был, Федора Ивановича нарекли Раевым. Он приходился троюродным племянником Г. И. Чернышевскому. Федор Раев, семинарист, сдружился в Пензе с гимназистом Дмитрием Минаевым, к которому частенько ездил на каникулах в небольшое имение близ нашей Вязовки. Д. Минаев был дворянского звания, хотя и «мелкопоместный», у него была сестра Надежда, в которую Федор Раев влюбился. Дом-имение Минаевых было культурным гнездом: богатая библиотека, традиции семьи, хорошее знание нескольких языков. Дмитрий Минаев неплохо рисовал, переводил, писал стихи, один из первых сделал современный пересказ «Слова о полку Игореве», про это «переложение» В. Г. Белинский писал: «... Нам так нравится «Слово о полку Игоревом» в его настоящем виде, что мы не можем без неприятного чувства смотреть на его переделки... «Слово» может быть прекрасно только в его первобытном, наивном виде...»

Вот в таком «первобытном и наивном виде» Федор Раев женился на Надежде Минаевой, которая по существу наследовала имение, ибо Д. И. Минаев и его сын – Дмитрий Дмитриевич (1835-1889) переселились на родину Карамзина – Симбирск, поселились на Солдатской улице. Отец остался верным Симбирску, был знаком со всеми местными либеральными силами, братьями Языковыми, сыном Карамзина, поэтом Садовниковым, сотрудником столичных изданий Назарьевым, - все они увлекались педагогическими идеями, были знакомы с директором народного училища И. Н. Ульяновым, отцом В. И. Ленина. Сын Д. И. Минаева учился в Дворянском полку, служил чиновником в Симбирске и столице, стал в конце концов

поэтом-сатириком: фельетоны, сатиры, пародии, эпиграммы, экс-промты, сценки. Он был знаком с кругом Чернышевского–Добролюбова, сотрудничал в журнале Благовестова «Дело». «Мы верим в смех как в гражданскую силу», - писал он. Он был по эпиграммам и сатирам – и Пушкин, и Некрасов, но у него не было их печальной музыки. После покушения на Александра II, ареста и заключения он тяжело заболел, сатирический задор его был подорван, и после 1880-1881 гг. он окончательно замолчал, - время сатир и ювеналов прошло. У него было наибольшее количество в России псевдонимов – около 120-130. Среди них – Миша Саратовец, Моршанский поэт, Фет, Прутков-младший, Собакевич, Свияжский, Симбирский, Темный человек, Трифон Шекспир и т. д.

Умер он рано, похоронен был, как и отец, на кладбище Св. Духа, от которого идет Духовский взвоз; после смерти сына городская Дума ходатайствовала о переименовании в память отца и сына Солдатской улицы в Минаевскую. О Гончарове и Языкове такого ходатайства не возбуждалось. Это свидетельство того, кто больше владел умами провинциалов в 1860-90-е гг.

Первую мысль о библиотеке для крестьян общества с. Вязовка, видимо, завез из Симбирска Д. И. Минаев. Мысль о карамзинской библиотеке в Симбирске возникла еще в 1830-е гг. В 1846 г. был утвержден устав библиотеки и ее название – Карамзинская. Однако настоящее ее комплектование началось после 1861 г., к 1864 г. было 11 тыс. книг. Движение в сторону заведения библиотек началось с начала 1860-х гг. Все началось не с земцев-дворян, не с наследников Карамзина, а с наиболее чуткой и беспокойной части общества, с тех самых «островков» губернских городков, с выпускников и учеников гимназий и семинарий, их старших товарищей – студентов. Это было движение разночинцев и тех, кто учился в провинции, в столице, но неизбежно должен был пополнить сословие «разночинцев», - слово, вдруг взметнувшееся над всеми остальными.

В 60-70-х гг. XIX в. взметнулось невиданного объема и напряженности литература о разночинцах и разночинцев. Всех и вся объединяли и ровняли книги, способность переживать, вчувствоваться и даже существовать в образах многих людей, сотен, тысяч. Литературу как будто прорвало. Учили несколько языков, чтобы читать французов, англичан, удовлетворить задержанные потребности. Все это невероятно приподняло градус общественного настроения – все металось, ища выхода для себя в деле, в творчестве, в организации, в проектах, а чаще зацикливались на том же самом – на собирании книг, обсуждении и спорах. В целом, это была творческая потенция и потенция к творчеству, самовыражению и самоутверждению личности; если веришь, любишь, обожаешь, живешь этим, так ли важно – ты или другой это сказал, написал. Пензенский гимназист Д. Л. Иванов писал о том, что содеялось вдруг в alma mater, какой пришел новый

дух, новые книги, новые учебники, новые учителя, новые отношения, новые активные формы познания – рассуждения, споры... «Вся атмосфера школы и жизни обняла молодежь, и вдруг, после розог, оплеух и ругательств, после зубрежки Устрялова (учебник истории. – Д. К.), заставила думать, читать, добиваться, спорить об идеалах, живо, бойко, свободно, самостоятельно». Отправной точкой и переломным моментом явилось освобождение крестьян, от нее пошла другая жизнь, другие ее начала. Было ощущение, что разночинцы теперь не одни, не бунтари, в их ряды влилась огромная армия бывших рабов и ей - разночинской молодежи – работы непочатый край; надо просветить народ, поднять его сознание, ввести в свои ряды; забрезжила теория так называемого «народничества».

Оживилась и церковь. В городах при церквях организуются воскресные школы и библиотеки-читальни при них. Как это ни удивительно: местная молодежь, кружковщина, изнывающая в поисках дела, подхватывает зачин церкви, власти начинают подозревать, следить, преследовать, закрывать воскресные школы, организованные интеллигенцией. Все носит характер спорадический – вспышек и затухания. Читаешь книги о разночинско-освободительном движении в провинции в 1860-х гг. и не можешь отделаться от осуждения нервно-лихорадочной суеты и маяты, полного спутывания теорий, идей, содержания, мечты и фантазии, тактики и организации, перескакивания с одного на другое, массы призывов, восклицаний и откровений, которые властями начинают расцениваться как политический криминал. Если одни ищут «что делать?», то и другие, по самому роду своей службы, не могут пребывать в бездействии. За что они облечены властью, доверием, званиями, окладами и прочим. Завязываются «истории», вспыхивают, как блуждающие огоньки, то там, то здесь, и гаснут, и все это движение до 1866 г., до выстрела Каракозова, можно определить пессимистической концовкой романа Тургенева: «дым, дым, дым...».

Итак, первым священником в селе Вязовка был отец Инсарский. Сын его, И. И. Инсарский (или внук) был женат на двоюродной сестре Александра Федоровича Раева, так что эти две фамилии были породненными, и Федор Федотович Раев из Чернышево Чембарского уезда получил священника в с. Вязовка скорее всего от отца Инсарского, первого по времени священника на селе ходатайством Дмитрия Ивановича Минаева, помещика, на дочери которого женился. И. И. Инсарский был двоюродным братом Иринарха Ивановича Введенского из Старой Жуковки, что в нескольких верстах от Вязовки. Таким образом, весь этот круг знакомых - сначала Гаврилы Ивановича Чернышевского, потом Николая Гавриловича, был связан меж собой и родственными отношениями и, так сказать, географией – родиной. Все они в 1840-х гг., по примеру Виссариона Белинского, дерзали поступить из глухого угла Саратовской губернии

(как В. Белинский – Пензенской) учиться в Петербург, и всем это удалось. К сожалению, о пребывании Н. Г. Чернышевского в кружке И. И. Введенского сохранилось очень немного, гораздо меньше того значения, который сыграл пример и образ старшего товарища, дальнего родственника, земляка и такого же фанатика книги и образования. Сохранилось несколько строчек у А. Ф. Раева, который знал Николая Гавриловича в Саратове, когда он был еще пятилетним ребенком; все дальнейшее развитие Николая Гавриловича проходило у него на глазах. К сожалению, в последнем издании «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» (М., 1982), в хронике даже не упомянуто, что Николай Гаврилович и Александр Федорович Раев жили все время студенчества Чернышевского на одной квартире, снимали одну комнату – такова была воля его матери – Евгении Егоровны. А. Ф. Раев играл роль старшего, и должен был время от времени писать Чернышевским об их совместном житье-бытье. Разница в их возрасте была 5 лет, Николаю Чернышевскому при поступлении на филологический факультет университета было 16 лет, А. Ф. Раеву – 21 год; для Петербурга это существенно. Товарищем старшего брата А. Ф. Раева был Григорий Евлампиевич Благосветлов.

А. Ф. Раев пишет, что особенно часто навещал дом Чернышевских в 1839–1842 гг., «находился особенно в близких отношениях к Николаю Гавриловичу Чернышевскому, насколько то позволяла разница до 5 лет». Приходили они с Благосветловым и старшим братом, конечно, не к Николаю, а к отцу – Гавриилу Ивановичу. К нему часто заходил Г. С. Саблуков. Говорили об истории сел и деревень, церквей в них, о топонимии, названиях географических мест, о строительстве новых церквей, о расколе, о раскопках, рукописях, документах, о поездках и планах, о языках и словарях, о статистике и этнографии, об интересных людях и национальностях Саратова, изучали монеты и говорили о найденных предметах обихода и строительных материалах при раскопках, обсуждали статьи «Губернских ведомостей», новые книги, журналы (особенной популярностью пользовалась в Саратове «Библиотека для чтения») и т. д. и т. п.

Пора вернуться к Вязовке и отцу Федору Раеву, основавшему в 1840-х гг. вязовскую библиотеку. Переберем все известные произведения тех лет, нигде не найдем не только упоминания о сельской библиотеке, но и чего-нибудь хоть отдаленно напоминающего деревенского грамотея и книгодея, деревенского праведника или священника, выдающего книги для душеполезного чтения.

Сам священник тех лет жил или в пристрое при церкви или в простой крестьянской избе и даже по внешности ничем не отличался от простого поселянина: тот же нагольный тулуп из овчины, лапти, домотканая одежда. Еще в 1850-е гг. в губернии сплошь и рядом можно было встретить священника или дьячка с косой или за сохой,

убирающего в страду, в одном белье и лаптях, хлеб свой насущный, или сено для своего скота. Богатых в деревнях и селах было мало, платы и требы были небольшие. Духовенство того времени, помимо отправления своих основных обязательств, вело крестьянский образ жизни и читало только необходимое для службы и молитвы-псалтырь, святых и часослов, а также Евангелие. В 1828 г. был издан указ Синода иметь со стороны архиерея и благочинных «действительнейший надзор за поведением церковнослужителей; в случае, если он будет замечен в чем-нибудь дурном, немедленно отстранить от должности». Спустя 20 лет, в 1847 г. по сведениям А. Н. Минха, штрафованных и бывших под судом священников в Вольском уезде было 36, ровно половина. «Каков поп, таков и приход», - гласила пословица того времени. Устройство округов-благочинных способствовало другой напасти. Рукоположенный в священники Николаевского городка А. И. Розанов (в 1848 г.), сорок лет спустя, на склоне дней своих, составил записку о духовенстве епархии. Розанов писал о благочинных: «... чистые князьки, держали себя надменно с остальным духовенством и обирали их сильно; священник даже у себя в доме не смел сесть при благочинном». Как это было унижительно для стареньких, ничего себе не выслуживших священников. Члены духовных управлений, повьтчики и даже сторожа ежегодно объезжали свой округ и брали всем: зерном, мукой, курами; часто пьяные писаря и сторожа управления требовали у священника водки, лезли к нему в амбар и брали все, что попадалось под руку.

Члены консистории обирали духовенство и другими способами; благочинные давали известный (липовой должности) оклад члену, секретарю, столоничальнику, до сторожей включительно. Приезд священника, в особенности благочинного, в город составлял событие для канцелярии консистории. «Нагрязнут на квартиру человек пятнадцать: объедят, обопьют и обдерут». Знакомые образы Лескова, Сухова-Кобылина. Редкий духовный пастырь мог в таких случаях сохранить себя.

Отец Н. Г. Чернышевского Гавриил Иванович был с 1825 г. протоиреем, с 1826 г. членом духовного управления и благочинным с 1828 г. Он резко «вырвался из среды духовенства» и своим откровенным лицом, и высокими нравственными качествами. Тот же А. И. Розанов характеризовал его как «умного, доброго и всеми любимого». «Мало встречается в жизни людей, которые пользовались бы таким общим уважением».

Тем более ценны эти свидетельства Розанова на фоне других. У А. А. Лунина, написавшего и опубликовавшего около 60 очерков о семьях, церквях, священниках Вольского уезда (сам был священником села Шиханы), добрые слова нашлись только для двух: священника села Черкасского и священника села Вязовка Алексея Ивановича Софинского. «Жизнь этого честного и любимого священника и

до сих пор (80-е гг. XIX в.) вспоминается многими, к нему издалека приходил народ, чтобы получить одно только благословение этого пастыря-праведника». На одного такого праведника пришлась одна во всей губернии библиотека. Не стоит библиотека без праведника!

Никаких общественных, тем более частных, частных, библиотек не было. Первая городская библиотека была открыта в Саратове лишь в 1831 г. вместе с лавкой, где «велась книжная торговля», купцом Д. М. Вакуровым, именем, не отделимым от истории Саратовского края с 1856 г. Она стала городской публичной, ставшей доступной всем. Примерно в это же время открылась библиотека дворянского собрания и библиотека общества, т. н. Карамзинского клуба, стараниями В. А. Балмашова, старого народника, вокруг которого собирался в течение двух-трех лет кружок молодежи из гимназистов, семинаристов. В дальнейшем оказалось, что все мало-мальски известные деятели на культурной революционной ниве прошли через этот кружок и через библиотеку. В 1890-е гг. развилась мания собирать групповые кружковые библиотеки из редких, особенных, запрещенных законом изданий в трех отделах: легальных, нелегальных и полуполегальных книг, запрещенных к обращению или не вышедших в каталоги отсего в Министерстве народного просвещения и циркулярами учебных округов. Полстолетия отделяло открытие от так называемых народных библиотек, и сам факт существования такой библиотеки был уникальный; ведь до 1861 г. один грамотный приходился на 50, 100 и даже 300 неграмотных. Выучивались грамоте, чтобы читать, брать книги из библиотеки. Из книг, больше ниоткуда, обрушивалась «другая жизнь», совсем иная жизнь, просвещенная, начинала двигать мечту и фантазию, как главное удовольствие при черном беспросветном труде и полной неподвижности самого существования. Людей, «начинавших читать», можно было сравнить с первыми космонавтами – такое дух захватывающее чувство они испытывали, входя в космос каждой отдельной книги, на них, выражаясь языком Евангелия, проливался свет. В голове начинало что-то двигаться, перемещаться, узнавать, передвигаться, ассоциировать. Впервые был востребован потенциал, ставший золотым фондом страны, – ведь большинство замечательных людей выходило из глубины, «из народа». Надо сказать, что для провинции в те годы самым популярным журналом был журнал господина Сенковского «Библиотека для чтения». Именно в этом журнале в 1838 г., в год открытия первых газет в провинции («Губернских ведомостей»), год рукоположения отца Софинского в священники, явилась статья под грибоедовским названием «Глушь Саратов».

Считалось, что библиотека открылась по почину священника Софинского «с разрешения епархиального начальства». Позже, когда пришла эпоха попечительств, попечителем стал сын Федора

Раева Александр Федорович Раев, действительный статский советник, «состоящий на службе при Священном Синоде».

За каждой народной библиотекой, на селе особенно, надо было вести попечительное наблюдение, - эту роль взял на себя А. Ф. Раев, часто бывавший в Саратове и неизменно в Вязовке, на могилах родных, встречаясь там со сверстниками по детству и отрочеству. Он дал библиотеке прикрытие из Петербурга, она оказалась самой долголетней в России.

А. Рейнблат в своей исключительно интересной и насыщенной книге «От Бовэ к Бальмонту» в главе «Земские сельские «народные» библиотеки и их аудитория» называет среди старинных библиотек во Владимирской и Пермской губерниях. Их появления – такая же случайность. Но, увы, никакой истории их не сохранилось, они затерялись в море житейском, в наших великих пространствах, в нашем «сплошном», как выказался Глеб Успенский, поселении. Собственно, не было книг, специальной литературы для народа, фонды подбирались частенько из слишком простых образцов церковной литературы, или из «неудобочитаемой», чересчур сложной для крестьян, светской литературы, - недоступен весь словарь, не понятны выражения, стилистика, мысли, сам строй литературного мышления, сильно отличавшиеся от деревенской прозы – разговорной обыденной речи. Очень многое работало на взаимное отчуждение.

Попроще были книжки исторического содержания, книги сугубо религиозно-нравственного толка, позже появились книги бытового и сельскохозяйственного предназначения. После 1861 г. пошли книги про другие страны и народы, впервые вторглась в жизнь крестьян география и история. Инициаторами были малые дети, «подписавшиеся на библиотеку». По выражению одного такого взрослого чтеца книг от малых ребят – «носят все сказки какие-то», жизнь других сословий, других стран герметически укупоренному сознанию представлялась в виде чего-то несуществующего на самом деле. Библейское же предание обладало всеми чертами и признаками высшей жизненности, поскольку была неотрывна от жизни с самого детства. Библейский феномен Вязовской библиотеки ранних времен состоял в принципе: «одна книга на один год». Технология чтения брала верх над содержанием. Книга не читалась, а перечитывалась. Как народный календарь состоял из случайных примет и далеко идущих выводов, так и книга открывалась на любой странице и первые слова с ее страниц назывались почему-то вещами, многозначительными. И эта случайность тоже была мечтой и фантазией – читатель задавал себе работу – мечта и фантазия случайности уносила его вдаль. Это было похоже на сон, который всегда случаен и не переложим на язык логики и реалий, та же фантазмагория, - призраки, видения, «воздушные картины», приправленные «фантастикой»,

гордостью за свою единственность в этом мире и просвещенность. Да, просвещение должно было пройти через этот этап, более похожий на XVIII в.

Библиотеку в Вязовке можно определить как церковную. Она и располагалась в церковной сторожке (караулке). Можно было рассчитывать, - пишет А. Рейблат, - что такое соседство церкви, службы, библиотеки даст исключительно положительный эффект». Действительно, книга явилась продолжением службы, молитв.

Библиотеки при сельских церквях не ужились, не уцелели по той причине, что подобных книг в них не нашлось, а дублировать чтением то, что было на службе, в проповеди, в молитвах, в чтении склироса не имело смысла, - в лицах, картинах, пении это было много интересней, более впечатляющим, чем в буквах, словах, строчках. Не было школы, не было Пушкина, Лермонтова, русских поэтов, русской малой прозы, не было ничего о них, о жизни, о деревне, о правде и уж совсем не было их проблем, того, что ставило на каждом шагу в тупик и фиксировало положение полной застойности и неподвижности.

А вот Вязовская библиотека уцелела, и это делает ее уникальной и необычной ее историю. Все держалось на священнике Софинском и А. Ф. Раеве, который, видимо, осуществлял подбор книг в Петербурге. С Софинским связаны школа грамотности, развитие образования, организация училища, певческая традиция и чтение молитв подростками, хор, чтение в странноприимном доме, рекомендация книг, разговоры о прочитанном, проповеди в церкви и т. д. и т. п. И пастырь, и просветитель, и проповедник, и советчик, и филантроп.

Софинский кончал семинарию. Ректор семинарии по собственному усмотрению менял поступившим ничего не значащие фамилии от имени, на другие. Так, по великомученице II в. в Риме, матери Веры, Надежды, Любви, усеченных после разных пыток и мучений мечом, Софии, мальчик стал Софинским.

А. А. Лунин в своем очерке о селе Вязовка больше половины посвящает А. И. Софинскому и основанному им училищу, помещавшемуся у него на квартире певческому хору при церкви¹, странноприимному дому и библиотеке - все взаимосвязано и все при церкви. Софинский был человеком страннолюбивым, странноприимным. Странноприимный дом - богадельня - приют для инвалидов, нищих, брошенных стариков и сирот-детей. Для кого последний приют, для кого начало жизни, для кого юдоль плача ее. Таков был церковный микрокосм деревни; все это просто уживалось, дополняло друг друга. В те патриархальные времена все зависело от личности человека. В ходу был «добрый барин», добрый помещик, добрый пастырь, добрый священник. «Алексей Иванович Софинский -

¹ Софинский платил из своих средств 120 руб. в год регенту хора.

личность светлая, гуманная, уважаемая не только прихожанами села Вязовка, но знаемая и почитаемая за пределами нашей губернии - пишет А. А. Лунин. – За советом к нему, для назидания и уврачевания душевных болезней приходят издалека и подолгу живут у него в странноприимном доме, получая здесь насущное пропитание и наслаждаясь беседой с мудрым и гуманным пастырем». На строительство дома вязовское общество употребило 1200 рублей – значительную сумму. Сюда из квартиры Софинского была в 1864 г. переведена библиотека и читальня. В последней для слушания собиралось до 200 человек. Странников, странноприимцев в год перебивало обычно до 150 человек.

Помимо сугубо назидательной и религиозно-нравственной отец Софинский любил журнальную, книжную литературу и, особенно, поэзию. Им написана была толстая тетрадь избранных стихотворений, которую он не хотел печатать. Видимо, содержание ее выходило за пределы религиозно-нравственных тем.

«Алексей Иванович, - пишет А. А. Лунин, - родился 5 февраля 1812 г. в селе Увек Саратовского уезда, где отец его, Иван Алексеевич, был дьячком, где жили его дед прадед – все в той же дьяконской должности. По словам А. И., род его в этом селе служил 140 лет!» Все собиралось и концентрировалось к одному месту и месту очень не простому.

Увек – самое древнее обитание человека в этих местах. Не случайно вершина Увекской горы называлась Каланчой. Это место, откуда открывался изумительный, дивный вид во все стороны, на окрестности, на далекие пространства. Волга, которая разливается здесь Неаполитанским заливом, заволжская степь, вид на Саратов. Увек – это древний Увек, улусное правление, чеканивший свою монету на манер столиц Золотой Орды. Так было до конца XIV в., пока город был разрушен до основания бешеным Тамерланом. Оседлое было снесено бродячим, диким, уничтожавшим на своем пути все подряд. Пик интереса к Увеку, как и Сараю – столице, падает на 1840-70-е гг., на истовых археологов и археографов – отца Иакова, епископа, и преподавателя восточных языков Саблукова. Топографией и топонимией саратовских географических названий увлеченно занимался Н. Г. Чернышевский.

При подошве этой горы и расположилось село Набережный Увек. При царице Елизавете Петровне заведены селитренные заводы. Открытие библиотеки в Вязовке можно отнести ко времени раскопок, открытий на месте старых поселений. В 1839 г. первый саратовский историк А. Ф. Леопольдов опубликовал «Статистическое описание Саратовской губернии». Иринарх Введенский, основатель саратовского землячества в Петербурге, учился в саратовской семинарии (1828-1834 гг.) с Софинским на одном курсе. В 1841 г. он дебютирует как переводчик и критик в «Библиотеке для чтения». На-

до полагать, что они не порывали связей. У Введенского учился представитель рода Минаевых в Вольске – Д. Д. Минаев. Введенский повлиял на молодого А. Фета и принял участие в судьбе замечательного поэта-переводчика В. С. Курочкина; дружил позже с Г. Е. Благосветловым, позже он написал первую биографию Введенского.

По-моему, ничье влияние не ощутил А. И. Софинский на себе так сильно, как влияние И. И. Введенского, его «Библиотеки для чтения», его переводов.

Поэзия и старина Увека вошла в сознание А. Софинского. К тому же до 12 лет он был болен, мать его – женщина простая, трудолюбивая, «любовно принимавшая странников», вела большое хозяйство: по весне возов 15 первых огурцов отвозила в Саратов (рубль за тысячу!), не раз чувствовала, что приходит время расстаться с сыном. Но он выжил. Кроме него было еще семь детей. Те ушли в труд, в крестьянствование, а этот пошел «в духовность». Сначала, по болезни, отец хотел исключить его из духовного звания и определить в крестьяне. Но подросток, пристрастившийся к книжкам и своим мечтам и фантазиям, Христом-Богом молил отдать его в духовное училище. Ректором был ученый протоиерей Н. Г. Скопин, а инспектором Г. И. Чернышевский, взявший опеку над больным мальчиком, – Саратовская бурса была очень крутая. Н. Г. Скопин был первый хроникер Саратова, вел «Дневник происшествий».

Время последекабристское было жестокое, подозрительное. В 1827 году, после пяти лет безупречной службы, вынужден был оставить место директора Саратовской гимназии И. П. Менделеев, отец нашего великого ученого-энциклопедиста, либерал. Скопин же, наоборот, бесчинствовал: то без обеда, то без каникул, то под розги. Софинский вспоминал, как один год «иногородние» просили у него рекреацию: стояли у ворот и смиренно пели по латыни просьбу, а кучер несколько раз прогонял подростков в шею. Не редкость были решения пересечь весь класс, чтобы впредь не «беспокоил».

«Я был в бурсе настолько беден, – рассказывал Софинский А. А. Лунину, – приходит Святая Пасха, а на мне одна рубашка, и та вся в заплатках... Я прослезился и сказал: «О, если б Господь даровал мне к празднику рубашечку». Утром, вставши раньше всех моих товарищей, я пошел в церковь к утрени, и к радости моей, среди улицы, нашел рубашку лучшего холста. Сколько было радости». В 1832 г. в семинарии он перешел в риторику вторым учеником. Учиться стало нельзя, отец престарелый был уволен, мать больная, дети постарше разбрелись, младшим надо было помогать. Ни одежды, ни книг, ни обильного пособия по содержанию не было, надо было исключаться, искать места и заработка.

Узнал об этом любимый преподаватель в бурсе Ефимий Леонтьевич Ковальский, священник Покровской церкви. Призывает, узнав об этом, к себе и говорит теще: «Матушка, вот вам учитель. Он при-

готовит вашего сына по латыни к университету». После этого два года до окончания курса давал уроки, за это время полюбил детей, - это тоже помогло ему при создании библиотеки, певческого хора и школы.

Места службы для священников не выбирали, но, видимо, в определении помог Г. И. Чернышевский, знавший, что его троюродный племянник Федор Раев ищет себе помощника, устал, а главное, хочет открыть библиотеку. Сын его переведен из духовного училища в семинарию, и отец Федор теперь часто будет навещать в Саратов, где у него родня - Чернышевские, и со временем полагает обосноваться в Саратове, как сделал это и первый священник Вязовки И. И. Инсарский, женатый на дочери брата Ф. Раева. И. И. Инсарский был двоюродным братом Иринарха Введенского, который, учась в Петербургской академии, не выдержал напряжения, столичных потрясений, попал в больницу для душевнобольных. Отец Федор, напуганный этим случаем, хотел хотя бы первый год быть при сыне, остававшимся эмоциональным и неуравновешенным.

Так состоялось в 1838 г. назначение в Вязовку, женитьба. Через два года отец Федор Раев с помощью Софинского собрал и открыл при церкви библиотеку. Он включил в нее свои книги, собранные в Саратове (в том числе и у Чернышевских), и, видимо, кое-что по выбору самого И. И. Введенского из Петербурга. Есть что-то символическое в том, что у колыбели первой русской сельской библиотеки стояли такие люди.

В 1842 г. отец Федор Раев окончательно перебрался в Саратов. 22 августа того же года отец Софинский был утвержден благочинным, то есть священником, которому поручен округ, несколько причтов и приходов. Затем стал духовником, исповедником. После 60 лет стал гласным земства, исполнял разные должности, в том числе попечителя от земства при раздаче хлеба бедным, разорившимся, погоревшим крестьянским семьям. Наконец, он получил сан протоиерея - настоятеля соборного клира.

Раевы и Чернышевские перетягивали его в Саратов. Предлагались места в женском монастыре, настоятелем, в Ильинской церкви, в Духосошестввенской на горах. Насколько трудно было в самые глухие годы в Вязовке, настолько позже не хотелось из нее уезжать в город.

«Господь благословил меня в Вязовке. Я был здесь почти все время здоров. Господь помогал мне отправлять разные должности. Я пользовался вниманием начальства, награждениями, последними - камилавкой, наперсным крестом. Господь удостоил меня быть в любви у прихожан, которые поощряли высокими дарами».

Одно стихотворение, присланное ему по почте, начиналось словами:

*«... Ваш просвещенный, светлый ум,
Один из редких, понимает
Значенье правды, лица души
И путь искусства одобряет».*

«В настоящее время, - заканчивал свой очерк А. А. Лунин, - Алексей Иванович Софинский доживает свой век тихо, один со своей супругой».

В отношении образования Вязовка также была, можно сказать, первым селом в уезде. В том же 1840 г. по распоряжению палаты государственных имуществ было открыто здесь первое в губернии окружное училище для крестьянских мальчиков для приготовления писарей в волости, в палаты², в окружные управления, волостные и сельские расправы. На каждого мальчика был взнос со стороны палаты – 140 рублей. Училище помещалось в доме главного наставника – отца Софинского. Из учеников выходили и фельдшеры, и «топографисты». После 1861 г. училище стало обыкновенной школой и просуществовало до введения земства. Был введен передовой метод обучения. Ланкастерское училище было образцово-показательным. Приезжали издалека для ознакомления с методом Софинского, и вновь назначаемые вольские и хвалынские учителя – вчерашние ученики, проходили у него практику.

Вязовка с 1840 г. была единственным селом, где в школу ходили все мальчики. Всех тянуло магнитом к Софинскому, мягкому, ласковому, не применявшему наказаний педагогу. У него была привычка оделять детей подарками. Сразу при училище образовалась спевка, певческий хор из регентов архиерейского дома. Постепенно образовался круг близких с малолетства друг с другом людей, находящихся в разнообразных отношениях друг с другом, но связанных общим влечением к образованию, культуре.

Официально открытие библиотеки состоялось полгода спустя после подписания акта освобождения крестьян – 20 августа 1861 г. Для села, деревни это был необыкновенный год. Отца Федора Раева и И. И. Инсарского уже не было в живых, право официального открытия выхлопотал в Петербурге А. Ф. Раев, действительный статский советник, служивший в одной из петербургских палат, позже управляющий Воронежской казенной палатой. Библиотека основалась в память отца Федора Раева. Теперь она имела право на вспомоществование и помещение. Попечителем и главным жертвователем стал А. Ф. Раев. За 50 лет, до пожара 4 июля 1892 г., книжный фонд насчитывал 2100 книг, на 2000 рублей.

И. В. Вернадский, в будущем наш замечательный ученый, русский Гумбольдт, накануне воли пытался основать «общество гра-

² Гражданского, уголовного суда, казенные палаты.

мтности для заведения библиотек и публичных чтений», но получил отказ. В Казани попытку учреждения сельских школ, крестьянских «даровых» библиотек через «Общество для распространения грамотности» предпринял профессор А. П. Щепов – отказ. Подобные попытки предпринимались в Пензе и Перми, но не прошли. По-видимому, среди активистов были поднадзорные, ссыльные. Любая инициатива, исходящая от них, была в подозрении.

В Вязовке согласие на открытие было принято сельским сходом. Был составлен приговор, написанный Софинским: Открытие состоялось после молебна и водосвятия. По подписке собрали 39 рублей. Это был первый добровольный взнос крестьян на библиотеку – удовлетворение собственных духовных потребностей. Раев и Софинский пожертвовали несколько десятков ценных, дорогих книг. Дальше книги поступали от императорского Вольно-экономического общества, от Духовно-просветительского союза, от общества народных чтений в Соляном городке в Петербурге, от столичных обществ грамотности. А. Ф. Раев присылал газеты и журналы.

Библиотекарями были местные крестьяне, каждый год менявшиеся. И. Н. Лутохин, житель Вязовки, оставался на этой должности без всякой оплаты 30 лет. До самого ухода от дел заведующим библиотекой оставался А. И. Софинский. Крестьянский сход, с завидным постоянством, каждый год голосовал за 25-30 рублей «на текущие расходы» – переплеты, ремонт книг, покупку. Присылали через Софинского и Раева книги и другие частные люди: Петербурга, Саратова, Воронежа, от чиновников палат, акцизного управления. Пожертвованные книги были, как правило, дороже – по рублю, полтора – до трех. Это настраивало крестьян крайне положительно и уважительно к библиотеке. Подобных попыток в губернии не было – мы имеем дело с уникальным явлением.

На месте сторожки построили странноприимный дом и там комнату для библиотеки. Близость престарелых, странников и «странноприимных» книг давала какую-то ассоциацию и определенный настрой – грамотный человек не пройдет мимо несчастного, примет бездомного, накормит голодного.

Позже положили несменяемому библиотекарю за усердие 30 рублей в год. К библиотекарю был прикреплен помощник или даже помощники из учеников школы для чтения неграмотным, а заодно и обучения грамоте.

Основное направление библиотеки было православное, религиозно-нравственное и сельскохозяйственное. Так было нужно, чтобы Устав прошел в Петербурге, на самом деле книги были самые разные, а сельскохозяйственные книги спросом не пользовались. В 1890 г. из 148 книг по сельскому хозяйству были «заполнены требования» лишь на 18 книг.

Это почти что классическая тенденция несовпадения спроса и предложения в тогдашних сельских библиотеках. Книги-наставления, книги-советы, книги помощи, книги, как все соблюдать, устроить все по делу, почему-то категорически отвергались людьми, для которых они писались. «Это все для бар, это все по-барски, у нас самого простого нет, а тут соловьями заливаются, как хорошо, как прекрасно можно устроиться. Нет, мы уж как-нибудь своим умом проживем, как деды-прадеды наши живали». Логика была примерно такая.

Обращают на себя внимание еще два факта. Библиотека старейшая в России, библиотека открытая инициативой снизу, а сведения о ней нашлись только в губернских ведомостях – губернаторской прессе. *В частных газетах, по размерам и уровню не ниже столичных*, я о библиотеке ничего не нашел, даже в 90-е годы, в период библиотечного бума. И поведение самой библиотеки было такое, как будто она – явление самое обыкновенное, рядовое, хотя в 1886 г., в период празднования 25-летия библиотеки, она получила от Петербургского комитета грамотности большую серебряную медаль.

Вторая особенность. Несмотря на поголовную грамотность населения, несмотря на обильное наделение землей и лесом, население Вязовки жило довольно бедно. А главное, и не стремилось жить лучше. Самодержавие грамотных на селе соседствовало с демократией общества бедных. «Мир – един человек», – любимая сельская поговорка. А в середине церковь. Это определяло очень многое. Когда почти все село в 1892 г. сгорело – циклопический пожар – то первой и всего за шесть месяцев отстроилась церковь. И в прежнем виде. И даже лучше. А все население-погорельцы жили в ямах, землянках и временках «гнилушках», а церковь уже принимала и врачевала разбитые сердца.

Еще одна любопытная закономерность. Книг религиозно-нравственного содержания было более 2/3, и эти книги брали по преимуществу школьники и молодые люди до 30 лет – 70-80 %. У читателей старших возрастов эти книги составляли примерно треть. Кажалось бы, все должно быть наоборот. Пытливо-любопытный возраст должен тянуться к совсем другой литературе.

Автор самой обстоятельной статьи 1890-х гг., опубликованной в сборнике Саратовского земства, Ф. А. Березов, ветврач, отмечал, что родители постоянно напоминают библиотекарю, чтобы он давал детям побольше религиозно-нравственной литературы, а «не баловал пустяшными сказками». В представлении крестьян, как раз пользующихся тысячами суеверий, поверий, примет, басен, рассказней, страшилок, все, что выходило за пределы их мирозерцания, представлялось «сказками». Смотреть на весь остальной мир по-другому не выходило, ибо и знания, и вера здесь оказывались бессильны перед инстинктом и примитивом. Существовала своя народная куль-

тура, свой здравый ум, но отдушиной все-таки была сказка, легенда, поверье, примета. Дети впитывали все подряд – и это последнее, сказочное, и календарный земледельческий круг, и «городскую литературу», и духовно-нравственную. Если бы взрослые не обладали частью этой детской, верящей в то, что кругом, рядом с конкретной реальностью быта живет чудо и сказка, они быстро бы изжили себя, волю к жизни и само желание жить. Являлся алкоголь и в то десятилетие, когда возникла вязовская библиотека. Мужская часть сельского населения жила в среднем 38 лет! Даже среди интеллигенции уже в 90-е гг. XIX в. 40-50-летних называли «стариками».

Другой феномен – феномен забывания. Взрослое население, считавшее себя наследницей библиотеки, составляло лишь 12 % читателей – 182 человека. Остальные не читали по той же причине, по которой и сегодня не читающее взрослое население составляет большинство. Во-вторых, они не читали потому, что забывали грамоту, забывали охоту к чтению, забывали книгу. После тридцати лет, вместо накопления знаний и опыта, шло забывание, «убивание человека» и рутина, поглощавшая живую жизнь. Но правили бал в деревне старики и взрослое население. Отцы и деды, объединившиеся в теократию якобы грамотного населения и заявившие в Уставе о своих единственных правах на библиотеку как «неотчуждаемую собственность», решали, что читать и что не читать детям и молодым. А сами только в малом числе умели читать и читали! Грамотность поддерживается чтением разнообразных книг с какой-то долей усвоения знания, а не сводится к житиям святых, псалтырям и Четьям-Минеям. А им нравилось читать только известное, как повторяли они по земледельческому кругу то, что было в прошлом, позапрошлом и все годы. Если что-то вторгалось в это известное и проторенное, то это было что-то обязательно плохое, какая-нибудь напасть, уловка природы и климата, и это ставило их в тупик. Это и определяло философию судьбы, неизбежности, предопределения, провидения и даже какого-то рока – ведь они жили при резко-континентальном климате с массой непредсказуемых напастей. В священных книгах всего этого достаточно много, а в книгах художественных, а тем более рационально-прикладных, сельскохозяйственных этого совсем не было. Все это было отбито и практикой жизни, и интересом к пройденному, заученному, много раз повторяемому. По моему мнению, в этом состояло сущность такого быстрого забывания грамоты, чтения, письма. Вовсе не из-за того, что летом было много работы и страда, а зимой надо было беречь керосин, дрова и свечи. Русские педагоги этот феномен называли «рецидивом безграмотности». Количество школ и училищ росло, а количество новобранцев, не умеющих подписать бумагу и даже расписаться, оставалось тем же или даже росло.

Со временем село выросло, и прежнее земельное изобилие сменилось недостатком. Теперь снимали землю у петербургского купца М. С. Мельникова, у которого восемь селений волости сидели в недоимках. Землю брали исполу. За одну взятую исполу десятину должны были обработать «от и до» десятину купца, или от своей отдать половину урожая. Неизвестно, поколебались ли религиозно-нравственные основания, которыми славилось село и на которые работала библиотека. А тут еще три подряд неурожая, и один из них - «лихая година» - 1891 г. В довершение всех бед пришла холера, а 4 июля 1892 г. в самый разгар начавшейся холеры, в дни панических слухов и буйств темной толпы в селе Черкасском и в Хвалынске по поводу «отравления» колодезной воды, был зверски забит толпой единственный городской врач Молчанов. Выполнявший свой долг строительством холерных барачков, обеззараживанием, запрещением пить всякую сырую воду, купаться, он вызвал к себе озлобление. В этих условиях ожидания апокалипсиса и повышенной нервозности и случился пожар в Вязовке. Выгорело 2\3 села, 400 домов и дворов, церковь и три церковных дома и в них старейшая в России библиотека. Выгорело четырехверстное пространство. Во время пожара все взрослое население села было в поле на уборке хлеба, косьбе. Налетела вдруг страшная буря. Огонь бесчинствовал всего два часа. Те, кто оставался дома, в страхе бежали от огнедышащего, разлившегося по селу, огненного моря. Оно шло сплошной стеной, ничего нельзя было спасти. Огонь проник даже в землю, в погреба и ямы, оплавил все металлическое. Оставшиеся в деревне дети, старики, старухи бежали в страхе кто куда, куда глаза глядят, в поле.

Всего три заметки в «Саратовских губернских ведомостях» за 1892 г.: одна в две строчки, другая - в пять, и столбец в газете за 13 декабря. «Во время пожара погибла и основанная здесь еще в 1840-м году общественная публичная библиотека, состоявшая из 2100 книг и стоившая около 2000 рублей. Ни одной книги не осталось. А библиотека пополнялась в течение пятидесяти лет! Крестьяне всегда оставались глубоко признательны тем лицам, пожертвованиями которых составлялась библиотека. Главное участие в ней принимал и продолжает принимать доселе живущий в Петербурге тайный советник Александр Федорович Раев, а наряду с ним и некоторые другие, интересующиеся делом народного просвещения».

И в самом конце: «Вязовское общество очень хорошо понимает значение библиотеки. Теперь отведено помещение для шкафов библиотеки в одной половине сторожки. Весьма было бы желательно, чтобы те, кому дорого просвещение народа, помогли бы вновь образованию Вязовской библиотеки». Церковь, сторожку и помещение странноприимного дома обстроили за четыре месяца, консистория отпустила денег, а деньги вязовцам нужны были позарез. Выстроили первым и дом священника Полянского. В странноприимном до-

ме разместилась школа, и дети проводили в ней весь день – не хочется возвращаться в пустые, замороженные «глинухи» или лезть в ямы, где во всех углах скорбь и где теснятся беспомощные, как дети, люди. Все-таки, поразительно, автор, подписавшийся «Н. И.», просит помощи не погорельцам, не нескольким тысячам людей, а образованию вновь Вязовской библиотеки.

Но надежды на возвращение культуры в селе, которое выглядело как первобытная стоянка, не оправдалась. В газете удалось найти заметку, что восстановлению библиотека не подлежит, не только оттого, что сгорела, но и «по причинам формального характера». Поспешили со шкафами, со школой, с церковью, когда в глинухах и ямах дети молочного возраста обречены на жуткое выживание, а то и на смерть. Сход наотрез отказался заводить новую библиотеку. Всегда она в сравнении с настоящей жизнью была только игрушкой. Перебороть жизнь и выстроиться первым, наперекор реальной жизни ей не удалось, гордость села превратилась в ненависть. Так бывало при пожарах и с новыми, не сгоревшими школами, горделиво возвышавшимися среди погоревшего села. Надо влезть в шкуру этих людей, чтобы понять хотя бы отчасти их логику; дорогие подарки становятся враз ненавистны им, когда оказывается, что нет элементарного. Отдельвались игрушками, а о главном никто не позаботился.

Однако обращение за помощью в восстановлении библиотеки в «Ведомостях» было прочитано. В стране вслед за помощью после неурожая и «голода», открытия столовых, открылась новая компания – устройство библиотек, садов и огородов при школах, а также организация народных библиотек для взрослого населения с обязательным сельскохозяйственным отделом, библиотек и читален при них.

Вязовская библиотека 20 лет, до 1861 г., была как бы нелегальной, частной. Теперь с библиотеками просто. Не надо подавать прошение министру внутренних дел, достаточно губернатору – одна инстанция устранилась. Главное, чтобы шкаф взрослой библиотеки размещался не в школе. Можно у учителя, у волостного писаря, в церковной сторожке. Газета пишет, что в Харьковской губернии библиотеки устраиваются в волостных управлениях. Приехал крестьянин в волость по делу, а тут ему и библиотека. Надзор за библиотеками, помимо земских управ, поручен «местным советам» из земского начальника, священника, учителя, волостного старшины, попечителя школы и ближних землевладельцев, которые бы своими пожертвованиями приняли участие в деле совета. Списываются с комитетами грамотности, выписывают книги, собирают деньги, рассматривают или посылают каталоги на утверждение инспектору училищ или начальнику губернии, ходатайствуют о дополнениях в Уставе, находят библиотекаря, ведут и проверяют отчетность.

Это в том же номере газеты, где описан вязовский пожар и гибель старейшей библиотеки. Людей интересует технология дела, они увлечены технологией своих предприятий и вовсе не думают о тех, кто будет эти книги читать: что читать, зачем читать, как читать, если 90% взрослого населения забывают о грамоте и чтении. Здесь взлет энтузиазма в связи с новой повсеместной идеей. На другой строке газеты, в параллель этому взлету, унылое: «... В настоящее время до половины погорельцев живет в так называемых «глинухах». Это небольшие, сбитые из песка, глины и соломы избенки, служащие в обыкновенное время жильем для самой беднейшей, нищенствующей части населения Вязовки. Удручающее впечатление производят своим внутренним видом эти «глинухи»: в них страшная теснота, промерзшие окна, промерзшие, заплесневелые стены и потолок, особый, своеобразный только такого рода жилью, тяжелый запах». Столы держат на улицах, вносят только по случаю обеда или ужина, ночью все спят вповалку на полу. Глинухи без крыш, видны только пучки соломы, а видом не лучше бань, стоящих в былое время на задах подворья.

И все-таки через несколько лет библиотека возобновилась, уже как земско-общественная, к обществу не имеющая никакого отношения и не являющаяся «собственностью всех грамотных крестьян села». Библиотеки стали обязательной принадлежностью волостного села. Но о ней я не нашел ни одной заметки, ни одного упоминания где либо. А ведь до пожара, только в 1892 г., была обширная статья ветврача Федора Березова в «Саратовском земском сборнике» (перепечатана в «Саратовском дневнике», 1892, № 17), статья писателя-публициста, легального народника Якова Абрамова в журнале «Русская школа», 1892, № 3, с. 199-201. Библиотека эта на фоне других «летучих», состоящих из случайных книг для народа, из случайных пожертвований, неудобочитаемых и вовсе ненужных в крестьянских обществах изданий, была просто академической. Малая крестьянская Академия. Никто не стоял над душой библиотеки, никакие «советы» не проверяли и утверждали их каталоги. Библиотека не стремилась к гласности, ни к местной, ни к центральной: А. Ф. Раев и А. И. Софинский были скромнейшими людьми, и библиотека жила их сердечным попечением, а не хлопотами по инстанциям. Можно сказать, что по внешности она была потаенной. В нескольких верстах от нее было село Радищева – Верхнее Аблязово, где потаенный Радищев напечатал в потаенной типографии свое потаенное «Путешествие...». «Путешествие...» было уничтожено по царскому указу, библиотеку съел пожар.

Тем и интересен материал о Вязовке, что он приближает нас к единичности, а не к «рассеянной множественности». Статистика своими среднестатистическими выводами не приближает истину, а отдаляет и запутывает ее.

Арифметика тоже ничего не дает. По подсчетам Н. А. Рубакина, на 1895 г., по сведениям министерства народного просвещения, было 49 библиотек. На самом деле примерно столько, пусть в зачаточном состоянии, пусть на бумаге, было в одной Саратовской губернии. Спустя восемь лет, по сведениям библиографа А. Гепподи, было 136 публичных библиотек. Примерно в это же время Уфимское губернское земство приняло решение, а уездные согласились на открытие в губернии публичных библиотек и выложили на это 50 тыс. рублей. «Русская жизнь» в конце 1893 г. (№ 286) сообщила своим читателям, что министерство внутренних дел утвердило ходатайство на открытие в Уфимской губернии 129 (!) народных библиотек – больше, чем во всей остальной стране.

О том, что вязовская библиотека была заслуженной, свидетельствует ее сравнение с Саратовской публичной библиотекой в 1891 г. Саратовская публичная библиотека, в городе с населением в 130 тыс., была только в пять раз больше вязовской. В вязовской библиотеке все книги были подобраны для чтения людьми профессионально разбирающимися в них и читавшими их. Публичная библиотека собиралась из чужих рук и «для народа». В нее попало книг много случайных, низкопробных. Жертвователями были сами читатели, «чистящие» свои библиотеки. Доход с подписчиков (по 20 коп. в месяц) в год составил 2374 руб. – плата за аренду помещения, содержания библиотекарей. В читальном зале пребывало 2114 человек, в основном, мещане, крестьяне, цеховые, дети.

Библиотекой в Саратове пользовались 2069 платных подписчиков, среди них мещан и крестьян – 751. В Вязовке читало все село, если отнять детей и неграмотных, то будет 2000–3000 человек. Крестьян читало раза в 2–3 больше, чем мещан и крестьян в Саратове, в котором они составляли 2/3 населения города.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Академии наук.
ВФ ГАСО	Вольский филиал Государственного архива Саратовской области
ГААО	Государственный Архив Астраханской области
ГАВО	Государственный архив Волгоградской области
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ГАНИСО	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ДАИ	Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией
ДР	Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Ее Императорского Величества канцелярии
КР	Книги разрядные по официальным оных спискам.
НИС	Новгородский исторический сборник
НОЛД	Новгородское общество любителей древностей
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ (ОР)	Российская государственная библиотека. Отдел рукописей
РГИВА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИБ	Русская историческая библиотека
РНБ ОР	Российская национальная библиотека, отдел рукописей
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел
СДВ	Саратовский духовный вестник
RA, NOA	Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Браташова Светлана Александровна – соискатель кафедры геоэкологии Саратовского госуниверситета

Бульчев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и региональной истории института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Гусакова Зоя Емельяновна – историк-краевед, заслуженный работник культуры РФ.

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и региональной истории института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Иванова Евгения Вячеславовна – аспирантка кафедры историографии и региональной истории института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Канавина Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и региональной истории института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Коновалов Дмитрий Петрович – историк-краевед

Кудряшова Виктория Владиславовна – инженер лаборатории инновационных образовательных ресурсов института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Кузнецов Валентин Владимирович – кандидат исторических наук, директор Балаковского филиала ПАГС

Левин Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского педагогического института Саратовского госуниверситета

Максимов Евгений Константинович – историк-краевед, заслуженный работник культуры РФ.

Малова Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской цивилизации института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Плешаков Иван Николаевич – аспирант кафедры истории России института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Рабинович Яков Николаевич – ассистент кафедры истории России института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Савицкая Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Волгоградского педагогического университета

Софинская Елена Борисовна – главный редактор информационных программ ГТРК «Саратов», аспирантка кафедры историографии и региональной истории института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Сушко Мария Юрьевна – преподаватель индустриально-педагогического колледжа г. Саратова, аспирантка кафедры историографии и региональной истории института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Шальгин Андрей Александрович – аспирант кафедры историографии и региональной истории института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Широкова Вера Викторовна – учитель истории средней школы №67

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Канавина Н. В.</i> Изба-читальня и политическое воспитание в деревне в начале 20-х гг. XX в. -----	3
<i>Малова Н. А.</i> Заселение территории бывшей республики немцев Поволжья в 1941–1945 гг. -----	10
<i>Гуменюк А. А.</i> Молодежная политика в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) -----	17

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Бульчев М. В.</i> Динамика торговли в Саратовском Поволжье в первой половине XIX в. -----	32
<i>Левин С. В.</i> Исследование кустарных промыслов в России (80-е–90-е гг. XIX в.) -----	52
<i>Иванова Е. В.</i> Изменения численности и состава населения города Саратова в конце XIX–начале XX вв. -----	60

КУЛЬТУРА КРАЯ

<i>Кузнецов В. В.</i> Основные черты и особенности семейного уклада и духовной жизни волжского уездного купечества в конце XVIII – первой половине XIX в. -----	70
<i>Кудряшова В. В.</i> Православие в жизни русского крестьянства в конце XIX в. (на примере Саратовской губернии) -----	87

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Шалыгин А. А.</i> Деятельность еврейских общественных организаций в Саратовской губернии в 1920-е гг. -----	98
<i>Сушко М. Ю.</i> Эволюция системы районного деления Саратовской области в 1954–1970-е гг. -----	106

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Рабинович Я. Н.</i> Первые воеводы левобережного Саратова: Ф. Т. Черново-Оболенский и Е. Ф. Мышецкий -----	113
<i>Плешаков И. Н.</i> Саратовский комендант В. Ф. фон Карбит – осколок рыцарской эпохи -----	136
<i>Савицкая О. Н.</i> Церковно-политическая история Саратовской губернии в лицах: иеромонах Илиодор (С. М. Труфанов) -----	150
<i>Софинская Е. Б.</i> Подвижник на ниве духовного просвещения -----	163
<i>Гусакова З. Е.</i> Георгий Федотов и Саратов -----	171

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ

<i>Браташова С. А., Максимов Е. К.</i> Чертеж Трумпичковых Саратовской округи и ее топография -----	182
<i>Широкова В. В.</i> Деятельность исторического отдела общества истории, археологии и этнографии в 1920–1924 гг. -----	201

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

<i>Коновалов Д. П.</i> Старейшая русская сельская библиотека в с. Вязовка в контексте своей эпохи и людей, стоящих у истоков ее основания -----	212
Принятые сокращения -----	235
Сведения об авторах -----	236

Научное издание
САРАТОВСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Научные труды и публикации

Выпуск 4

Под редакцией проф. В. Н. Данилова

Ответственный за выпуск А. А. Гуменюк
Оригинал-макет подготовила Л. А. Поворознюк
Дизайн обложки А. В. Лопатин

Подписано в печать 29.01.2009. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Георгия. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0). Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 100 экз.

ООО Издательство «Наука»
410600, г. Саратов, ул. Пугачевская, 117, к. 50

"НАУКА"
Саратов